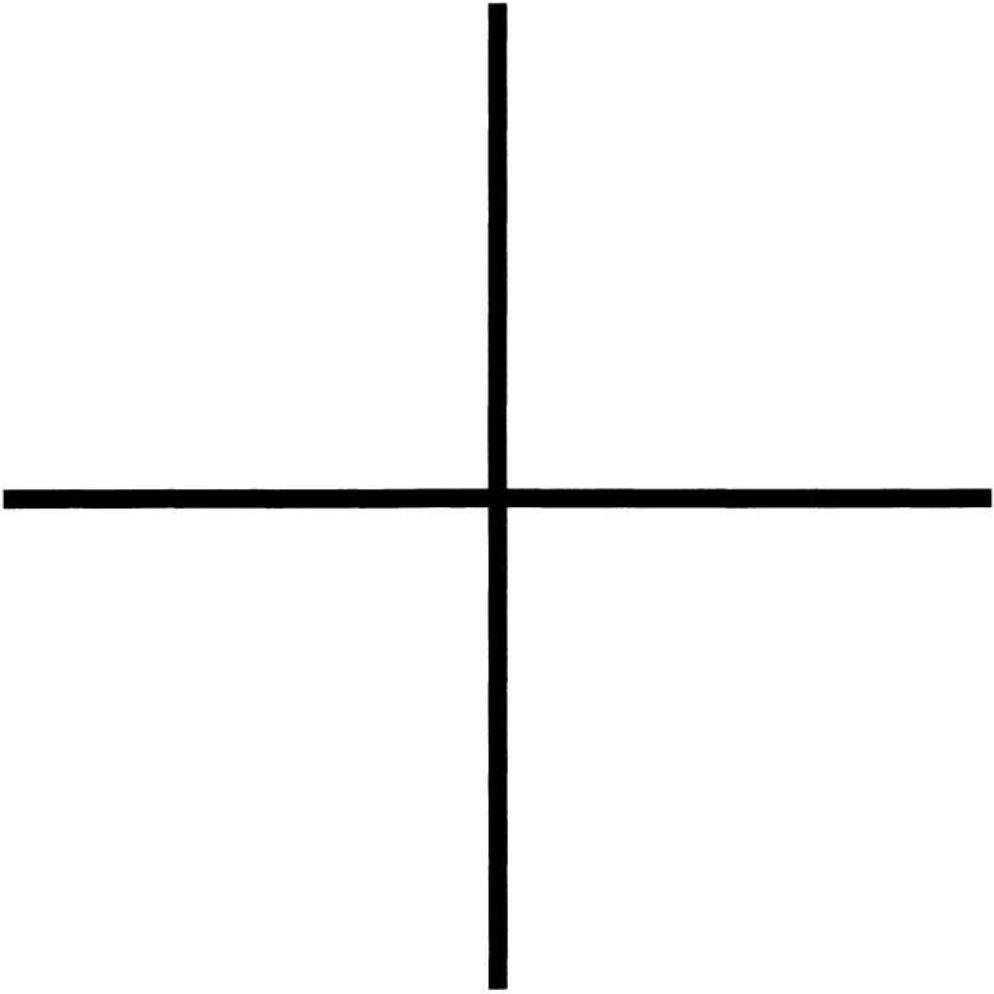
Прекариат:

новый опасный класс

Guy Standing

The Precariat

The New Dangerous Class

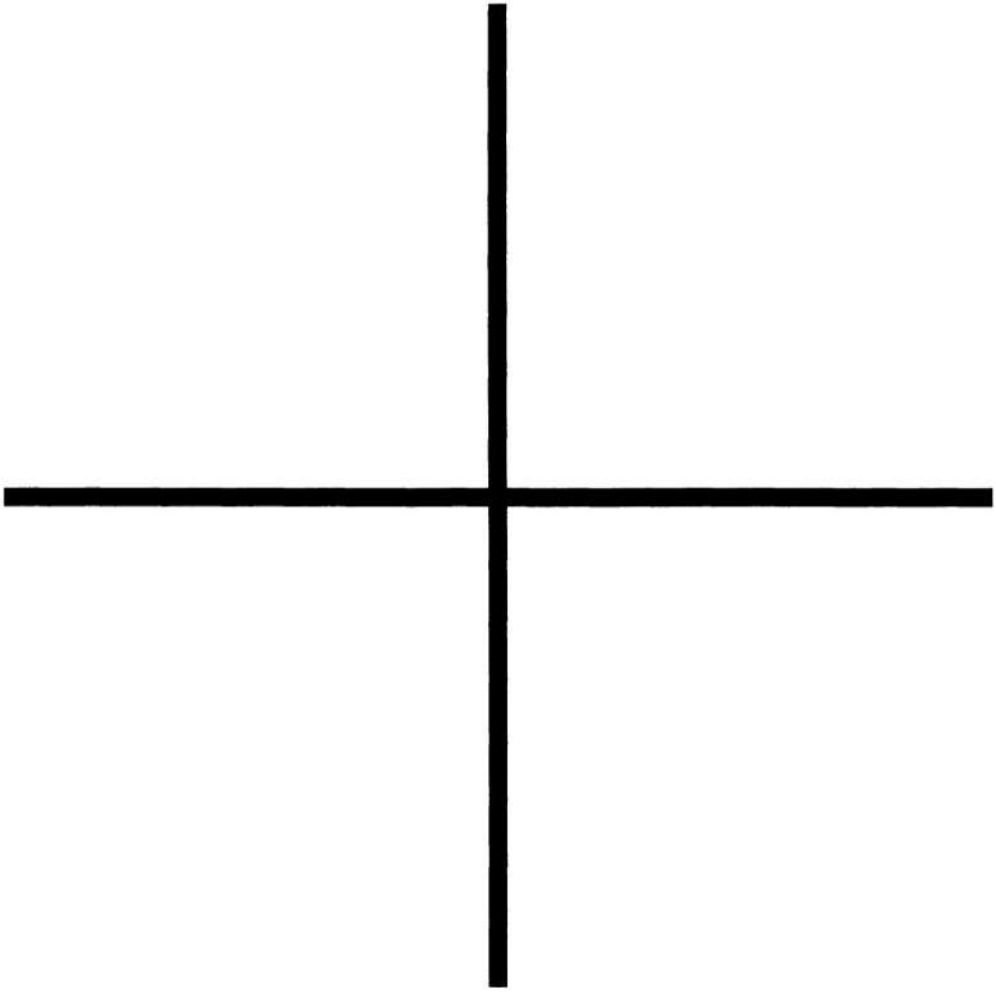


Bloomsbury

Гай Стэндинг

Прекариат:

новый опасный класс



Ад Маргинем Пресс

Гай Стэндинг
Прекариат:
новый опасный класс

Перевод с английского
Н. Усовой

Данное издание
осуществлено в рамках совместной издательской программы
Музея современного искусства «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс

GARAGE

Ad Marginem

© Guy Standing, 2011
© Нина Усова, пер., 2014
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014
© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2014

УДК 323.381
ББК 60.543.45
С88

This translation is published by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

Стэндинг, Гай
Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с. — 18+

Книга британского социолога Гая Стэндинга исследует один из самых болезненных вопросов современности — повсеместное распространение нового класса, который, с одной стороны, играет исключительно важную роль в производстве как материальных, так и нематериальных ценностей, а с другой — оказывается лишенным большинства социальных и политических прав и гарантий: участия в выборах, стабильной зарплаты и страхового медицинского обслуживания, оплачиваемого отпуска, доступа к образованию и т.п. Прекариат (от англ. precarious – ненадежный) неуклонно растет численно и включает в себя все новые страны и формы социальной жизни; его черты можно увидеть и в российской повседневности (временные рабочие-мигранты, стажеры, фрилансеры, работники креативных индустрий). Осознать заботы и проблемы «нового опасного класса» и понять возможные пути их решения — одна из главных задач нашего времени.

ISBN 978-5-91103-209-8

Содержание

Предисловие 6
Список встречающихся в тексте
графических сокращений 8
1 Прекариат 10
2 Почему растет прекариат 52
3 Кто пополняет ряды прекариата? 109
4 Мигранты: жертвы, злодеи или герои? 161
5 Труд, работа и нехватка времени 206
6 Политика ада 234
7 Политика рая 272
Библиография 320

Эта книга — о новой группе людей, появившейся на мировой арене, о классе, который пока еще находится в процессе становления. В связи с этим в данной работе дается попытка ответить на пять вопросов: что это за класс? Почему нас должен беспокоить его рост? Почему он растет? За счет кого он пополняется? И к чему это все может привести?

Последний вопрос особенно важен. Существует опасность, что, если мы не поймем сути и назначения прекариата, для общества все это может закончиться политикой ада. И это не просто предположение, а вполне реальный и малоприятный прогноз. Избежать этого можно лишь в том случае, если прекариат станет классом «для себя», с эффективным представительством, и окажется достаточно силен, чтобы сформировать новую «политику рая», более-менее утопическую программу и стратегию, которую могли бы подхватить политики и так называемое гражданское общество, в том числе многочисленные неправительственные организации, которые слишком часто заигрывают с соответствующими полугосударственными организациями.

Пора осознать проблему мирового прекариата, и как можно скорее. В нем зреет недовольство и обеспокоенность. И хотя в данной книге больше говорится о роли прекариата как жертвы, а не освободителя, стоит сразу подчеркнуть, что было бы неверно рассматривать прекариат только как страдальцев. Многие примкнувшие к нему ищут чего-то лучшего, нежели то, что могло предложить им индустриальное общество и лейборизм двадцатого века. С тем же успехом их можно назвать не жертвами, а героями. И они уже показывают, что прекариат может стать предвестником «хорошего общества» двадцать первого века.

Ситуация такова, что, пока прекариат рос, скрытая реальность глобализации вышла наружу во время финансового кризиса 2008 года. Слишком долго откладывавшееся всемирное регулирование «окорачивает» страны с высоким уровнем доходов,

а страны с низким — подтягивает. Если эти диспропорции, на которое большинство правительств в последние два десятилетия закрывали глаза, радикально не исправить, последствия могут оказаться весьма болезненными и взрывоопасными. Глобальная рыночная экономика может со временем поднять уровень жизни повсюду — это признают даже ее критики, — но лишь наивные мечтатели станут отрицать, что миллионам людей в мире она принесла лишь неуверенность в завтрашнем дне. И в первую очередь прекариату. Но он еще не обрел собственного голоса и не способен предъявить свою программу. Это не «ущемленный средний класс» (squeezed middle), не «низший класс» (underclass) и не «беднейший рабочий класс» (lower working class). Он уже осознает свою уязвимость по определенному ряду позиций и выдвинет столь же определенное число требований. Когда я только задумал писать эту книгу, я представил интересующие меня темы на суд группы ученых, как выяснилось состоявшей преимущественно из пожилых академиков социал-демократических взглядов. Большинство из них отнеслись к моим идеям с насмешкой, заявив, что тут нет ничего нового. И сегодня для них способ решения проблем такой же, как и в дни их молодости. Нужно больше рабочих мест, больше достойных видов работ. Все, что мне остается ответить этим уважаемым людям, — что, по-моему, прекариату от этого ни холодно ни жарко.

За помощь в подготовке данной книги следовало бы поблагодарить многих и каждого по отдельности. Однако я хочу выразить благодарность группам студентов и активистов, слушавших мои доклады в шестнадцати странах, которые я объездил, собирая материал для книги. Остается надеяться, что их советы и вопросы нашли отражение в данной работе. Ведь автор книг, подобной этой, лишь посредник, передающий идеи других.

Гай Стэндинг
Ноябрь 2010 г.

AARP
American Association of Retired Persons — Американская ассоциация пенсионеров (ААП)

AFL-CIO
American Federation of Labor — Congress of Industrial Organizations — Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов

BBVA
Banco Bilbao Vizcaya Argentaria — международная финансовая группа

BIEN
Basic Income Earth Network — Всемирная сеть базового дохода (организация сторонников экономической модели «безусловного базового дохода»)

CBT
Cognitive behavioural therapy — когнитивно-поведенческая терапия

CCT
Conditional cash transfer — Программа обусловленных денежных пособий

CIA
Central Intelligence Agency — Центральное разведывательное управление США (ЦРУ)

CRI
Crime Reduction Initiatives — Программа по сокращению преступности (в Англии и Уэльсе)

EHRC
Equality and Human Rights Commission (UK) — Комиссия по равенству и правам человека (Великобритания)

EU
European Union — Евросоюз
GCSE General Certificate of Secondary Education — аттестат о среднем образовании (*брит.*)

IMF
International Monetary Fund — Международный валютный фонд (МВФ)

LIFO
Last-in, first-out — ЛИФО, «последним поступил — первым выбыл» [метод увольнения, в том числе при сокращении штатов или определении очередности увольнения на пенсию, при котором первыми увольняются работники с наименьшим стажем работы в данной компа-

нии. А также метод оценки и учета запасов компании или портфеля ценных бумаг, при котором подразумевается, что первыми потребляются товары или продаются ценные бумаги, поступившие (купленные) последними]

NIC
Newly industrialising country — новая индустриальная (новая промышленно развитая) страна (страна, которая еще не приобрела статуса развитой страны, но благодаря высоким темпам роста за относительно короткий срок достигла достаточно высоких объемов промышленного производства и доходов на душу населения; такие страны по классификации международных организаций продолжают относится к категории «развивающиеся», но выделяются в особую подгруппу; к этому типу традиционно относят Гонконг, Сингапур, Малайзию, Тайвань, Южную Корею, а иногда также Аргентину, Бразилию, Мексику и ряд других стран)

OECD
Organisation for Economic Cooperation and Development — Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

RMI
Revenu minimum d'insertion — гарантированное законом минимальное пособие для лиц, не имеющих средств к существованию

SEWA
Self-Employed Women's Association of India — Индийская ассоциация самостоятельно занятых (работающих не по найму) женщин

UKBA
UK Border Agency — Служба пограничного контроля (и иммиграции) Великобритании

UMP
Union pour un Mouvement Populaire — Союз за народное движение (СНД), правоцентристская либерально-консервативная политическая партия во Франции

1 Прекариат

В 1970-е годы умами политиков завладела группа идейно настроенных экономистов. Главный принцип их неолиберальной модели состоял в том, что экономический рост и развитие зависят от рыночной конкурентоспособности и нужно сделать все для максимального повышения соревновательности и конкуренции так, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни.

Считалось, помимо всего прочего, что следует повысить гибкость, или подвижность, рынка труда, а это значило переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, делая их еще более уязвимыми. В результате возник класс мирового «прекариата», насчитывающий в разных странах много миллионов людей, не имеющих якоря стабильности. Они-то и стали новым, потенциально опасным, классом. Они охотно прислушиваются к самым вздорным призывам и готовы отдать свои избирательные голоса и денежки на создание и укрепление политической платформы для этих смутьянов. Сам успех неолиберальной программы, в той или иной степени проводившейся правительствами разных стран, породил – пока еще в зачаточном виде – политическое чудовище. И нужно что-то предпринять, пока это чудовище не окрепло и не показало всю свою мощь.

Прекариат волнуется

Первого мая 2001 года в центре Милана 5000 человек, в основном студенты и молодые политические активисты, вышли на альтернативную демонстрацию, задуманную как марш протеста. К 1 мая 2005 года их ряды заметно возросли, их уже насчитывалось более 50 тысяч – а по некоторым оценкам, более 100 тысяч, – а так называемый EuroMayDay («Европервомай») стал общеевропейским: в этот день сотни тысяч людей, в основном молодежь, вышли на улицы городов во всей континентальной Европе. Эти демонстрации стали первыми вспышками волнений мирового прекариата.

Стареющим профсоюзным деятелям, которые обычно «дирижировали» первомайскими мероприятиями, оставалось лишь удивляться, глядя на скопище новых демонстрантов, чьи требования свободы миграции и универсального базового дохода имели мало общего с традиционным тред-юнионизмом. Профсоюзы видели разрешение проблемы «незащищенного труда» в возвращении к лейбористской модели, отлично служившей им для консолидации в середине двадцатого столетия: это более стабильные рабочие места с долгосрочными гарантиями занятости и соответствующими заманчивыми привилегиями. Но многие юные демонстранты на примере своих родителей видели, что значит жить по фордистскому образцу: тянуть лямку от зари до зари и целиком зависеть от промышленного менеджмента и диктата капитала. И, даже не имея связной альтернативной программы, они не выказывают ни малейшего желания возрождать лейборизм.

После первых выступлений в Западной Европе «Европервомай» вскоре принял глобальный характер, причем тон явно задавала Япония. Вначале это было молодежное движение, к которому примкнули недовольные образованные европейцы, дезориентированные конкурентно-рыночным (то есть неолиберальным) курсом Евросоюза, который призывал их к трудовой занятости, мобильности и быстрому обогащению. Но их изначальный европоцентризм вскоре уступил место интернационализму, как только они увидели: их незавидное и во многом уязвимое положение связано с тем, что происходит во всем мире. И в демонстрациях прекариата все активнее участвуют мигранты.

К движению примкнули и люди с нетрадиционным образом жизни. И все это время существовало некое противоречие между прекариатом как жертвой, наказываемой и демонизируемой социальными институтами и политиками мейнстрима, и прекариатом — героем, отвергающим эти институты согласованным актом интеллектуального и эмоционального неповиновения. К 2008 году европервомайские демонстрации своей численностью затмевали колонны профсоюзных активистов, марширующих по улицам в этот весенний день. И хотя особого внимания широкой обще-

ственности и политиков они не привлекли, все же это означало большой шаг вперед.

В то же самое время двойственное восприятие: как жертвы и как героя — привело к недостаточной слаженности. Следующей проблемой стала невозможность сосредоточиться на борьбе. Кого или что считать врагом? Все великие общественные движения в истории человечества были в той или иной степени классово обоснованными. Одна группа, объединенная общими интересами (или несколько групп), вела борьбу с другой, которая ее эксплуатировала или притесняла. Обычно боролись за контроль над существующими средствами производства и распределения. Прекариату, из-за его разношерстности, похоже, недоставало ясного представления о том, что это за средства и где их искать. Его столпами-мыслителями были Пьер Бурдье, предложивший понятие прекариата как нестабильного, незащищенного общественного слоя (Bourdieu,1998), Мишель Фуко, Юрген Хабермас, а также Майкл Хардт и Тони Негри, чей эпохальный совместный труд «Империя» (Hardt, Negri, 2000) стал продолжением и развитием идей Ханны Арендт (Arendt, 1958). Были также отголоски беспорядков 1968 года, связавшие прекариат с франкфуртской школой «Одномерного человека» Герберта Маркузе (Marcuse, 1964).

Это было раскрепощение на уровне разума — осознание общего чувства незащищенности. Но от простого понимания никакой «революции» не бывает. До праведного гнева было еще далеко. А все потому, что не было выработано никакой политической программы или стратегии. Нехватка программных ответных мер стала очевидна при поиске символов, она проявилась и в диалектическом характере внутренних дебатов и трениях внутри прекариата, которые до сих пор продолжаются и никак не кончатся.

Лидеры евромайских протестов сделали все, что было в их силах, чтобы «замазать» разногласия в буквальном смысле слова: как на их листовках и плакатах. Некоторые делали акцент на общности интересов у мигрантов и остальных групп (migranti e precarie — гласила надпись на плакате «Европервомая»

в 2008 году), а также у молодежи и людей старшего поколения, чьи образы трогательно поместили рядом на берлинском евромайском плакате 2006 года (Doerr, 2006).

Но как левацкое либертарианское движение оно еще далеко от того, чтобы наводить страх или вызывать интерес со стороны. Даже самые рьяные его приверженцы согласятся, что демонстрации до сих пор представляли собой скорее театральное зрелище, нежели угрозу, делая акцент на индивидуальности и самоидентификации на фоне коллективного «прекариатского» опыта — нестабильности и незащищенности. Говоря на языке социологии, публичные выступления просто демонстрировали то, что люди гордятся своим субъективным опытом нестабильности. На одном европервомайском плакате, сделанном для парада в Гамбурге, сливаются в одну четыре бунтарские фигуры: дворник, сиделка, беженец или мигрант и так называемый творческий работник (вероятно, прообразом был художник, рисовавший этот плакат). На главном плане — хозяйственная сумка как красноречивый символ современного кочевничества в глобализирующемся мире.

Символы важны. Они помогают объединять группы во что-то большее, нежели скопище посторонних. Они помогают выковывать класс и укреплять самосознание, способствуют осмыслению общего и закладывают основы солидарности, или fraternité — братства. Как осуществить переход от символов к политической программе — именно об этом данная книга. В своей эволюции прекариату как проводнику «политики рая» еще предстоит перейти от театра и визуальных идей эмансипации к набору требований, которые всерьез озаботят государство, а не просто озадачат или разозлят его.

Примечательной особенностью европервомайских демонстраций была карнавальная атмосфера, с танцевальными ритмами сальсы и юмористическими, шутовскими плакатами и речами. Многие из акций, связанные с готовившими их неуправляемыми организационными каналами, были анархическими, безрассудными, не ставили какую-то определенную цель и не несли в себе социальную угрозу. В Гамбурге участникам давали советы, как зайцем ездить на автобусе и не платить за билет в кино.

В 2006 году в одной такой акции, которая с тех пор вошла в предания, группа из двух десятков юнцов в карнавальных масках, называющие друг друга странными кличками вроде Спайдер-Мумия, Мультифлекс, Опера-Историкс и Санта-Гевара, ввалились среди бела дня в магазин деликатесов. Нагрузив тележку дорогими продуктами и напитками, сфотографировались возле них и ушли, оставив кассирше цветок с запиской, объясняющей, что они производят такую роскошь, а сами и не имеют возможности ею пользоваться. Этот эпизод — пример того, как жизнь повторяет искусство, поскольку акция была навеяна фильмом «Воспитатели»[1].Эту группу, назвавшую себя «Банда Робин Гуда», так и не поймали. Они разместили в Интернете объявление, что раздают еду стажерам, которых причислили к самым эксплуатируемым незащищенным работникам в городе.

Вряд ли они рассчитывали приобрести сторонников или повлиять на основную часть общества, однако шутовские выходки групп вроде этой вызывают в памяти исторические аналогии. Вероятно, мы находимся на такой стадии эволюции прекариата, когда все те, кто выступает против его главных признаков — неуверенности в жилье, в работе, в социальной защите, — сродни «примитивным бунтарям», появлявшимся в период всех великих общественных трансформаций, когда прежние социальные привилегии отбирали, а общественный договор разрывали и отбрасывали как ненужный сор. Робин Гуды были всегда, как отметил Эрик Хобсбаум в своей знаменитой книге «Простые бунтовщики» (Hobsbawm, 1959). Обычно они появлялись в периоды, когда связная политическая стратегия, выражающая интересы нового класса, только еще формировалась.

Те, кто принимает участие в парадах «Европервомая» и сопутствующих акциях в разных частях планеты, — это лишь самая верхушка прекариата. Есть более глубинная его часть, живущая в страхе и неуверенности. Большинство этих людей не

1 «Воспитатели» (нем. "Die fetten Jahre sind vorbei") — фильм режиссера Ханса Вайнгартнера, вышедший на экраны в 2004 году. (*Здесь и далее примеч. ред.)*

отождествляют себя с участниками европервомайских демонстраций. Но это не отменяет того, что они тоже прекариат. Они плывут по жизненному морю без руля и без ветрил, но в какой-то момент могут дать волю гневу и метнуться в любую сторону — от политически крайне правых до крайне левых, поддерживая популистскую демагогию, которая играет на их страхах или фобиях.

Прекариат провоцируют

В 1989 году город Прато, недалеко от Флоренции, был почти на сто процентов итальянским. В течение ряда столетий он являлся крупным центром текстильной и швейной промышленности. Из 180 тысяч его жителей большинство были связаны с этими предприятиями, и так продолжалось на протяжении нескольких поколений. Этот тосканский город, верный традиционным ценностям, был в политическом плане стабильно левым и казался воплощением социальной солидарности и умеренности.

В тот год году в Прато прибыла группа из 38 китайских рабочих. И вскоре стали появляться швейные предприятия нового типа: их владельцами были китайские иммигранты и несколько итальянцев, завязавших с ними контакты. Они стали завозить все больше и больше китайских рабочих, многие приезжали без рабочей визы. Но на это смотрели сквозь пальцы: они вносили свой вклад в экономическое процветание и не претендовали на общественное финансирование, поскольку не получали никаких социальных пособий. Так они и жили сами по себе, кучкуясь возле китайских фабрик и образовав там своего рода анклав. Большинство из них были земляки — они приехали из приморского города Вэньчжоу провинции Чжэцзян, местности с давней историей предпринимательской миграции. Как правило, они приезжали в Италию через Франкфурт по трехмесячной туристической визе, а когда срок визы истекал, продолжали работать тайно — оказываясь таким образом в уязвимом положении и, что не удивительно, подвергаясь эксплуатации.

К 2008 году в Прато было зарегистрировано 4200 китайских фирм и 45 тысяч китайский рабочих, что составило пятую

часть населения города (Dinmore, 2010a, 2010b). Они производили в день 1 миллион единиц готового платья — по подсчетам муниципальных властей, достаточно, чтобы за 20 лет одеть все население земного шара! Тем временем местные итальянские фирмы, чей бизнес потеснили китайцы, в условиях нарастающей конкуренции с Индией и Бангладеш стали в массовом порядке высвобождать рабочую силу. К 2010 году у них числилось 20 тысяч работников, на 11 тысяч меньше, чем в 2000-м. Мельчая, фирмы все чаще переводили сотрудников с постоянной работы на сдельную.

Затем случился финансовый шок, затронувший Прато точно так же, как и другие старинные промышленные районы Европы и Северной Америки. Банкротства следовали одно за другим, рос уровень безработицы, недовольство переходило в возмущение. Всего за несколько месяцев левых политиков оттеснила от власти ксенофобская Лига Севера. Она сразу же начала наступление на китайцев, организуя ночные рейды на их фабрики и в подпольные цеха, сгоняя бесправных китайцев и обвиняя их во всех несчастьях. А в это время политический союзник Лиги премьер-министр Сильвио Берлускони заявлял во всеуслышание о своих намерениях победить «армию зла», как он называл нелегальных мигрантов. Потрясенный посол КНР поспешил покинуть Рим, заметив, что все это становится похоже на события времен нацизма 1930-х годов. При этом, как ни странно, китайское правительство не спешило забирать мигрантов обратно.

Но проблемы создавали вовсе не местные фанатики, недолюбливающие чужаков. Многое зависело и от самого китайского анклава. Пока старинные фабрики Прато старались выжить в конкурентной борьбе, вынуждая итальянских работников искать альтернативные источники дохода, иммигранты создали общину внутри общины. По имеющимся сведениям, «исход» из Китая организовала китайская мафия, она же и руководила анклавом, хоть ей и приходилось бороться за это с преступными группировками из России, Албании, Нигерии и Румынии, а также с итальянскими мафиози. Ее влияние не ограничивалось одним лишь Прато. Китайские преступные группы были связаны с китай-

скими компаниями, занимаясь инвестированием в строительство инфраструктурных объектов в Италии, в том числе они предложили многомиллионный проект «китайского терминала» рядом с портом Чивитавеккья.

Прато стал символом глобализации и дилемм, возникших в связи с ростом прекариата. По мере распространения китайских подпольных «рабских» фабрик итальянцы утрачивали роль пролетариев и вынуждены были переходить в прекариат, довольствуясь нестабильной работой или вовсе оставались без работы. Понятно, что местные власти стали вымещать обиду на мигрантской части прекариата, которая была к тому же зависимой от сомнительных связей внутри анклава. Но опыт Прато вовсе не уникальный, он лишь показывает обратную сторону глобализации.

Дитя глобализации

В конце 1970-х годов упрочившая свое положение группа ученых социал-экономистов, которых впоследствии стали называть неолибералами и либертарианцами (хотя это не одно и то же), поняла, что после десятилетий небрежения к их мнению стали наконец прислушиваться. Многие из этих теоретиков были еще достаточно молоды: их не затронула Великая депрессия, они не были приверженцами социал-демократической программы, которой так увлекались многие после Второй мировой войны.

Они не любили государство, которое отождествляли с централизованным правительством, с его аппаратом планирования и регулирования. Они представляли мир как все более и более свободное пространство, в котором инвестиции, трудовая занятость и прибыль свободно перетекают в такие места, где условия наиболее благоприятны. Они полагали, что, если европейские страны (в особенности) не откажутся от гарантий, созданных после Второй мировой войны для промышленного рабочего класса и бюрократического госсектора, и не «приручат» профсоюзы, ускорится деиндустриализация (понятие новое для того времени): возрастет безработица, замедлится экономический рост, инвестиции будут потрачены впустую, а обнищание масс

усугубится. Это была отрезвляющая оценка ситуации. Они хотели крутых мер и в политиках вроде Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана обрели своего рода лидеров, согласных действовать в соответствии с их выкладками.

Трагедия заключалась в том, что, хоть их диагноз и был отчасти верен, их прогноз был слишком жестким. В течение последующих 30 лет трагедия осложнилась еще и тем фактом, что социал-демократические политические партии, построившие систему, которую неолибералы хотели сломать, после недолгих споров относительно диагноза неолибералов в конце концов, хоть и не очень охотно, согласились и с их диагнозом и с прогнозом.

Одно неолиберальное требование, окончательно оформившееся в 1980-е, заключалось в том, что страны должны стремиться к «гибкости рынка труда». Если рынок труда не станет более гибким, затраты на оплату труда возрастут и корпорации будут переводить производство и инвестиции в места, где такие затраты меньше, и финансовый капитал будет инвестировать в эти страны, а не в «родные». Гибкость включала в себя много аспектов: гибкость заработной платы означала скорейшее приспособление к необходимым изменениям, особенно в сторону понижения; гибкость занятости — возможность для фирм быстро и без трат менять уровень занятости, тоже преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения занятости; гибкость должностей означала возможность перемещать наемных работников внутри фирмы (с одной должности на другую) и менять структуру должностей с минимальным сопротивлением или затратами; гибкость профессиональных навыков означала, что работника легко можно переучить.

По сути, гибкость, за которую ратовали ретивые неоклассические экономисты, означала, что наемных работников систематически будут ставить во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая жертва ради сохранения капиталовложений и рабочих мест. Любой экономический регресс отчасти объясняли, справедливо или нет, негибкостью и отсутствием «структурных реформ» рынков труда.

По мере того как шел процесс глобализации и правительства и корпорации старались перегнать друг друга, делая свои трудовые отношения более гибкими, росло число людей с незащищенной формой занятости. Технологически это не было оправданно. С распространением гибкого труда усиливалось неравенство, и классовая структура, лежавшая в основе индустриального общества, уступила место чему-то более сложному, но явно не менее классово обоснованному. Мы еще поговорим об этом. Но политика меняется, и реакция корпораций на диктат глобализирующейся рыночной экономики привела к некой мировой тенденции, которой вовсе не предвидели ни неолибералы, ни политические лидеры, проводившие их политику в жизнь.

Миллионы людей в условиях процветающей или даже зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат — феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом. Прекариат не является частью «рабочего класса», или «пролетариата». Пролетариат — это сообщество, состоящее в основном из рабочих с долговременной стабильной занятостью, с фиксированным рабочим днем и определенными возможностями продвижения по службе. Пролетарии могут вступать в профсоюзы и заключать коллективный договор, название их должности понятно их родителям, и они знают в лицо всех местных работодателей.

Многие из тех, кого мы называем прекариатом, ни разу не видели своего работодателя, не имеют понятия, сколько сотрудников на него работают сейчас и сколько еще он намерен нанять в будущем. Прекариат нельзя отнести также и к среднему классу, поскольку у этих людей нет стабильного или предсказуемого жалованья, нет статуса и пособий, которые должны быть у представителей среднего класса.

В 1990-е годы все больше и больше людей, и не только в развивающихся странах, оказались в положении, которое экономисты и антропологи назвали «неформальным». Вероятно, самим этим людям от такого определения не было никакой пользы — разве что оно позволяло увидеть на примере других, что считается нормальной жизнью и работой. На самом деле они не рабочий

класс, не средний класс, и даже не «неформалы». Так кто же они? Немного понятнее станет, если охарактеризовать их положение как ненадежное, неустойчивое (англ. precarious). В аналогичном положении друг к другу находятся друзья, родственники и коллеги, потому что заранее неизвестно, останутся ли они таковыми по прошествии нескольких лет или даже месяцев либо недель. И часто это вовсе от них не зависит.

Что такое прекариат

Что же мы имеем в виду, говоря о прекариате? Объяснить это можно двумя способами. Во-первых, можно сказать, что это такая социоэкономическая группа, к которой отдельный человек может принадлежать, а может и не принадлежать. Это полезно с точки зрения идей и анализа и дает нам возможность использовать, пользуясь выражением Макса Вебера, «идеальный тип». В таком ключе понятие «прекариат» следует определить как неологизм, образованный от двух слов: precarious[2] и хорошо знакомого всем «пролетариат». В данной книге этот термин часто употребляется именно в таком значении, хотя не всегда. Прекариат — это класс в процессе становления, если еще не класс «для себя» в марксистском понимании этого слова.

Мысля в категориях социальных групп, можно сказать, что, если не считать аграрные общества, эпоха глобализации привела к дроблению национальных классовых структур. По мере того как усиливалось неравенство, а мир приближался к гибкому открытому рынку труда, классы никуда не исчезли. Напротив, возникла более дробная мировая классовая структура.

«Рабочий класс», «рабочие» и «пролетариат» — понятия, прижившиеся в нашей культуре за несколько столетий. Люди могут охарактеризовать себя, пользуясь классовой терминологией, и другие их узнают по этим приметам: как они одеваются, разговаривают и ведут себя. Сегодня это почти что ярлык. Андре Горц давно уже писал о «конце рабочего класса» (Gorz, 1982).

2 В переводе с английского означает «нестабильный», «неустойчивый».

Другие продолжают ломать голову над значением этого термина и критериями классификации. Вероятно, на самом деле нам нужен новый словарь, отражающий классовые отношения в глобальной рыночной системе двадцать первого века.

Вообще говоря, пока в мире остаются старые классы, мы можем выделить семь групп. На самом верху — крошечная «элита», состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан мира, заправляющих вселенной, у них на счетах миллиарды долларов, их имена в списке «Форбс», а также среди великих и заслуженных, они способны повлиять на любое правительство и делать широкие филантропические жесты. За этой элитой следует салариат[3], все еще со стабильной полной трудовой занятостью, кое-кто из его представителей надеется дорасти до элиты, большинство же просто наслаждается положенными им благами, с пенсиями, оплаченными отпусками и корпоративными пособиями, зачастую субсидируемыми государством. Салариат сосредоточен в крупных корпорациях, правительственных учреждениях и в органах государственного управления, включая гражданскую службу.

Рядом с салариатом, не только в прямом смысле слова, находится не столь многочисленная пока что группа profitians — «квалифицированные кадры». Этот новый английский термин образован от двух слов: professional («профессионал») и technician («технический специалист»). Это люди, имеющие ряд навыков, которые они успешно выставляют на рынок и много зарабатывают в качестве консультантов или независимых специалистов по контракту, работая на себя. «Квалифицированные кадры» все равно что йомены, рыцари и сквайры в Средние века. Они живут в ожидании нового и в вечном движении, им не нужна долгосрочная, полная занятость на каком-то одном предприятии. «Стандартные трудовые отношения» не для них.

Чуть ниже «квалифицированных кадров» с точки зрения дохода находится все уменьшающееся «ядро» работников физического труда, костяк старого «рабочего класса». Именно о них

3 От англ. salary — зарплата.

думали в первую очередь, когда строили государства с развитой социальной системой, а также систему регулирования трудовых отношений. Но батальоны промышленных рабочих, создававших рабочие движения, поредели и утратили чувство социальной солидарности.

А еще ниже этих четырех групп — растущий прекариат, рядом с которым — армия безработных и обособленная группа социально обездоленных, живущая подачками общества. Характер этой неоднородной классовой структуры рассматривается в другой книге (Standing, 2009). Здесь же пойдет речь только о прекариате.

Социологи обычно оперируют понятиями социальной стратификации, предложенными Максом Вебером, — это «класс» и «статус», где класс определяется общественными отношениями по поводу производства и местом человека в процессе труда (Weber, [1922] 1968). Внутри рынков труда, если оставить в стороне работодателей и лиц, работающих на себя, главное отличие делалось между наемными рабочими и служащими, получающими жалованье: первая из вышеназванных групп включала в себя работающих сдельно и с повременной оплатой, по схеме «деньги за старание», а вознаграждением последней было доверие и компенсации за услуги (Goldthorpe, 2007, Vol. 2, Ch. 5; McGovern, Hill, Mills, 2008, Ch. 3). Считалось, что служащие (салариат) всегда ближе к менеджерам, боссам и владельцам, тогда как наемные рабочие, по сути, отчуждены (от средств производства), должны соблюдать дисциплину, субординацию, для них существуют разного рода поощрения и санкции.

По контрасту с классом понятие статуса ассоциировалось с родом занятий человека, более статусные занятия — те, что ближе к услугам специалистов, менеджменту и администрации (Goldthorpe, 2009). Трудность в том, что в большинстве профессий существуют подразделения и иерархии, подразумевающие самые разные статусы.

В любом случае, когда идет речь о прекариате, такое деление на наемных рабочих и служащих, а также деление в зависимости

от рода занятий совершенно не подходит. У прекариата *классовые* характеристики. Он состоит из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством, так что он совсем не похож на салариат. И в отличие от пролетариата он не имеет никаких отношений общественного договора, обеспечивающего гарантии труда в обмен на субординацию и определенную лояльность — неписаное правило, лежащее в основе социального государства. Без договора о доверии или гарантиях в обмен на субординацию прекариат как класс стоит особняком. С точки зрения *статуса* у него тоже странное положение, поскольку он четко не вписывается в рамки высокостатусных профессиональных или среднестатусных ремесленных занятий. Единственное, что можно о нем сказать, — что прекариат имеет «урезанный статус». И как мы вскоре увидим, его структура «общественного дохода» четко не вписывается в старые представления о классе или профессии.

На примере Японии мы можем ясно увидеть проблемы, с которыми сталкиваются студенты из прекариата. В Японии был относительно низкий уровень неравенства доходов (что делало ее «хорошей страной», согласно Уилкинсону и Пикетт (Wilkinson, Pickett, 2009)). Но неравенство имеет глубокие корни с точки зрения статусной иерархии, и оно только усилилось с ростом прекариата, тяжелое экономическое положение которого недооценивается по современным показателям неравенства доходов. Более высокое статусное положение в японском обществе влечет за собой ряд поощрений, обеспечивающих социо-экономическую защищенность, а она гораздо ценнее, чем можно предположить, если измерять по одним только денежным доходам (Kerbo, 2003: 509–512). Прекариат лишен всех этих поощрений, вот почему неравенство доходов так серьезно недооценивалось.

Описательное понятие «прекариат» впервые употребили французские социологи в 1980-е годы, говоря о временных или сезонных рабочих. В данной книге используется другое значение, однако статус временного работника заключает в себе главную характеристику прекариата. Нужно только помнить, что контракт

на временную работу не всегда то же самое, что выполнение временной работы.

Некоторые пытаются создать положительный образ прекариата, представляя его олицетворением этакого романтического вольнолюбивого духа, отвергающего нормы погрязшего в стабильной работе старого пролетариата, а заодно и буржуазный материализм «белых воротничков» на жалованье. О свободолюбивом отрицании и нонконформизме не следует забывать, поскольку оно действительно относится к прекариату. Но в борьбе молодых и даже немолодых против диктата субординированного труда нет ничего нового. Относительно новое — то, что занятия и стиль работы прекариата перенимают «старики», делая такой выбор после долгого периода стабильной работы. О них мы еще поговорим отдельно.

Войдя в массовый обиход, слово «прекариат» обогатилось разными оттенками смысла. В Италии понятие precariato гораздо шире и относится не просто к людям, перебивающимся случайными заработками и мало получающим, а вообще к нестабильному образу жизни (Grimm, Ronneberger, 2007). В Германии прекариатом стали называть не только временных работников, но и безработных, не имеющих надежды на социальную интеграцию. Это близко к марксистскому понятию «люмпен-пролетариат», но в данной книге мы будем иметь в виду нечто другое.

В Японии это слово было равнозначно понятию «рабочая беднота», но в качестве конкретного термина его стали употреблять в связи с движением Японский первомай и так называемыми фритер-юнионами, состоящими из молодых активистов, которые требовали улучшения условий жизни и труда (Ueno, 2007; Obinger, 2009). Японские фритеры (в этом названии странным образом соединились английской слово “free” — «свободный» и немецкое “Arbeiter” — «рабочий») — это трудящаяся молодежь, которая вынуждена вести образ жизни временных рабочих.

Неправильно было бы приравнивать прекариат к рабочей бедноте или временным работникам, хотя оба эти понятия с ним соотносятся. Принадлежность к прекариату подразумевает также

отсутствие надежной профессиональной самоидентификации, тогда как у рабочих, даже на малооплачиваемых должностях, имеются возможности для профессионального роста. Некоторые комментаторы связывали это с отсутствием контроля над трудом прекариата. Но все не так просто, поскольку существует несколько аспектов работы и труда, которые можно контролировать: уровень навыков и их применение, количество времени, необходимое для выполнения работы, график работы, интенсивность труда, оборудование, сырье и т.п. И есть несколько типов контроля и контролирующего, это не только начальник или менеджер, стоящий над рабочим или служащим.

Конечно, утверждать, что прекариат состоит из людей, над трудом которых нет никакого контроля, было бы чересчур категорично, поскольку всегда есть вторая сторона и подразумевается неявный договор относительно нагрузки, степени сотрудничества и применения навыков, а также остается возможность для саботажа или неэкономного расходования рабочей силы. Однако аспекты контроля имеют отношение к анализу тяжелого положения прекариата.

Вероятно, не менее интересный подход в определении прекариата связан с так называемым статусным диссонансом. Люди с относительно высоким уровнем образования, вынужденные соглашаться на работу по статусу или доходу ниже того, на что они могли рассчитывать исходя из своей квалификации, часто страдают от статусного диссонанса. Это чувство было превалирующим у молодежного японского прекариата (Kosugi, 2008).

Но для нас гораздо важнее то, что прекариат состоит из людей, которые лишены некоторых гарантий, связанных с работой. Перечисленные ниже семь видов гарантий социал-демократы, рабочие партии и профсоюзы со времен Второй мировой войны включают в программу «индустриального гражданства» для рабочего класса, или промышленного пролетариата. Не каждому человеку из прекариата нужны все эти семь гарантий, однако по каждой из этих позиций прекариат находится в невыигрышном положении.

Виды трудовых гарантий
при «промышленном гражданстве»

Гарантии рынка труда — адекватные возможности дохода (заработка); на макроуровне это выражается в приверженности правительств концепции «полной занятости».

Гарантии занятости — защита от самовольных увольнений, регулирование процесса найма и увольнения, взыскание штрафа с работодателя за несоблюдение правил и т.п.

Гарантия рабочего места — возможность и способность сохранить нишу в сфере занятости плюс барьеры против размывания границ между обязанностями и возможности «роста» в плане статуса и дохода.

Охрана труда — защита от несчастных случаев и заболеваний на работе, например соблюдение правил безопасности и санитарных норм, ограничение длительности рабочего дня, работы в неурочные часы, в ночное время для женщин, а также компенсация при несчастных случаях.

Гарантии воспроизводства навыков — возможность приобретать трудовые навыки посредством обучения специальности, трудового обучения и т.п., а также возможность использовать навыки и знания в пределах своей компетенции.

Гарантия получения дохода — уверенность в адекватном стабильном доходе, гарантией которого служит, например, минимальная оплата труда, индексация заработной платы, всеобщее социальное страхование, прогрессивный налог для уменьшения неравенства и компенсации низких доходов.

Гарантии представительства — возможность иметь коллективный голос на рынке труда, например через независимые профсоюзы, с правом на забастовку.

Когда речь заходит о слабых гарантиях занятости в современном обществе, больше всего внимания уделяют уязвимому положению безработных: мало долгосрочных контрактов, нет гарантий, защищающих от увольнения. Это понятно. Однако

нестабильность рабочего места также является определяющим признаком.

Разница между гарантией занятости и гарантией рабочего места очень важна. Рассмотрим один пример. С 2008 по 2010 год 30 работников «Франс Телеком» (France Telecom) покончили жизнь самоубийством, в результате новым начальником сделали человека со стороны. Две трети из 66 тысяч сотрудников работали по трудовому соглашению гражданской службы с официальной гарантией занятости. Но из-за действий менеджмента они систематически оказывались в ситуации нестабильного рабочего места, диктовавшейся системой под названием «Пора двигаться», из-за которой им раз в несколько лет приходилось резко менять офисы и должности. Возникавший в связи с этим стресс, как выяснилось, и стал причиной самоубийств. Так что незащищенность рабочего места кое-что значит.

В том числе она имеет значение и в государственной гражданской службе. Служащие подписывают трудовое соглашение, которое дает им завидные гарантии занятости. Но при этом они также соглашаются занимать должности по указке руководства — оно само решает, где и в каком качестве будет работать сотрудник. В жестком мире «руководства человеческими ресурсами» и функциональной гибкости подобные передвижки могут оказаться крайне неприятными для конкретного работника.

Еще одна отличительная черта прекариата — это нестабильность дохода и структура доходов, отличная от той, что существует в других социальных группах. Это можно наглядно показать на примере идеи «общественного дохода». Люди везде и всюду, как правило, живут на доходы, которые они получают. Это может быть приток денег или другого дохода, в зависимости от того, что они или их семьи производят. Измерить его можно по тому, на что они могли бы рассчитывать в случае необходимости. Большинство людей в большинстве сообществ имеют несколько источников дохода, хотя некоторым приходится полагаться лишь на один.

Структуру общественного дохода можно условно разделить на шесть составных частей. Первая — это самообеспечение: еда, товары и услуги, производимые непосредственно для собствен-

ного потребления, обмена или продажи, сюда входит в том числе то, что человек может вырастить на огороде или на приусадебном участке. Вторая — это деньги в виде зарплаты или вознаграждения за труд. Третья — это цена поддержки, оказываемой семьей или локальным сообществом, часто в виде неформального взаимного страхования. Четвертая — это льготы и пособия предприятий, предоставляемые многим группам сотрудников. Пятая — государственные пособия, в том числе выплаты по социальному страхованию, социальная помощь, дискреционные дотации, субсидии, выплачиваемые непосредственно или через работодателей, и субсидируемые социальные услуги. И наконец, частные выгоды от сбережений и капиталовложений.

Каждую из них можно разделить на формы, которые более или менее стабильны или гарантированы, и те, которые определяют их общую ценность. Например, зарплата может быть фиксированной (на основе долгосрочного контракта), или переменной, или гибкой. Если один человек получает зарплату, которая гарантирует ему каждый месяц в ближайший год одинаковый доход, то ценность дохода, полученного в данном конкретном месяце, больше, чем то же денежное вознаграждение от зарплаты, которая зависит от превратностей погоды или неопределенного графика производства, сложившегося по воле работодателя. Точно так же государственные пособия можно разделить на универсальные, выдаваемые по правам «гражданства», страховые выплаты, которые зависят от ранее сделанных взносов и, таким образом, в принципе «обеспечены», и более произвольные перечисления, которые человек может получить, а может и не получить, — они зависят от обстоятельств, которые невозможно предугадать. Льготы предприятий делятся на такие, которые получает каждый работающий в фирме, — они зависят от статуса или прошлых заслуг — и произвольно предоставляемые. То же самое относится и к общественным пособиям, которые разделяются на две группы: те, за которыми в случае нужды можно обратиться к родным и близким, и те, что обычно ожидают от более широкого сообщества.

Прекариат можно идентифицировать по определенной структуре общественного дохода, которая подразумевает уязвимость,

значительно перевешивающую все, что может нести с собой денежное вознаграждение, получаемое в данный конкретный момент. Например, в период ускоренной товаризации экономики какой-нибудь развивающейся страны новые социальные группы, многие из которых вливаются в прекариат, обнаруживают, что лишились традиционных общественных пособий, а льгот предприятий или государственных пособий не обрели. Они более уязвимы по сравнению с теми, кто имеет низкий доход, но пользуется традиционными видами общественной поддержки, и более уязвимы, чем служащие со стабильным жалованьем, у которых такой же денежный доход, но они имеют возможность пользоваться пособиями предприятий или государственными пособиями. Одна из характерных черт прекариата — не уровень зарплаты или вознаграждения, полученного в данный конкретный момент, но отсутствие общественной поддержки в случае нужды, отсутствие гарантированных пособий и льгот от предприятия или государства и отсутствие частных выгод в дополнение к заработку. Последствия этого будут рассмотрены во второй главе данной книги.

Помимо незащищенности труда и незащищенности общественного дохода прекариату недостает *самоидентификации* на основе трудовой деятельности. Поступая на службу, эти люди занимают должности, менее перспективные в плане карьерного роста, без традиций социальной памяти, они не дают возможности почувствовать свою причастность к трудовому сообществу с устоявшейся практикой, этическими и поведенческими нормами, не дают чувства взаимной поддержки и товарищества.

Прекариат не ощущает себя частью солидаризованного трудового сообщества. От этого усиливается отчужденность и неуверенность в том, что следует делать. Действия и настроения этих людей из-за неопределенности скатываются к беспринципности. Над их поступками не маячит «тень будущего», позволяющая осознать, что все, что они говорят, делают или чувствуют сегодня, скажется на их долгосрочных отношениях. Прекариат понимает, что у всего, что он делает в настоящий момент, нет никакой проекции на будущее, как нет и самого будущего. Он не удивится, если завтра окажется «не у дел», и, почем знать, может, это не

так уж и плохо, если подвернется другая работа или поманит очередной проект?

Прекариату не свойственна профессиональная самоидентификация, даже если некоторые его представители имеют профессиональную квалификацию и у многих из них есть должность с завидным названием. Для некоторых свобода заключается в том, чтобы не брать на себя никаких моральных или поведенческих обязательств, определяющих профессиональную принадлежность. В дальнейшем мы еще рассмотрим тип «городского кочевника» и в связи с ним — тип «резидента», не вполне «гражданина». И поскольку некоторые сознательно выбирают кочевую, странническую, а не оседлую жизнь, потому и не всех, кто входит в прекариат, следует причислять к жертвам. Тем не менее многие бы острее почувствовали свою незащищенность, если бы не имели реальной возможности бросить все и бежать.

Труд, работа, игра и досуг

Историческими предшественниками прекариата были *банавсои* (βαναυσία) в Древней Греции, занимавшиеся производительным трудом для общества (в отличие от рабов, которые работали только на своих хозяев). Банавсои, которых высшие сословия считали «убогими телесно» и «вульгарными умственно», не имели возможности подняться по социальной лестнице. Они трудились наравне с *метеками* (μέτοικοι), получившими разрешение на жительство переселенцами-ремесленниками, которые считались неполноценными гражданами. Вместе с рабами эти две социальные группы выполняли всю необходимую работу, даже не надеясь, что когда-нибудь смогут участвовать в жизни *полиса*.

Древние греки лучше, чем нынешние правящие круги, понимали разницу между работой и трудом, между игрой и досугом, который они называли *школой*. Те, кто трудился, не были гражданами. Граждане были свободны от труда, они занимались *практиками* (πραξις), работали по дому или на придомовом участке вместе с семьей и друзьями. Это была деятельность по типу «воспроизводства», то есть работа ради самой работы,

для укрепления профессиональных связей, которая сочеталась с публичным участием в жизни сообщества. Их общественное устройство было несправедливым, по нашим меркам, особенно в отношении женщин. Но древние греки понимали, что смешно и нелепо оценивать все с точки зрения труда.

В данной книге делается попытка показать, что главная цель в деле преодоления «негативной стороны» прекариата в наступившем двадцать первом веке — спасти работу, не являющуюся трудом, и досуг, не являющийся игрой. На протяжении двадцатого века акцент делался на увеличении числа людей, занятых трудом, при этом недооценивалась или вовсе упускалась из виду работа, которая трудом не является. Считается, что прекариат будет трудиться, как потребуется и когда потребуется, в условиях, как правило не зависящих от его собственного выбора. И еще — что он слишком занят игрой. Также от него ждут — и об этом мы еще поговорим в пятой главе — как можно больше «работы ради работы». Но о его досуге никто всерьез не думает.

Виды прекариата

Если мы попытаемся найти общее определение для прекариата, то обнаружим, что он вовсе не однороден. Нельзя даже сравнивать подростка, заскакивающего в интернет-кафе ради временной подработки, и мигранта, которому нужно еще исхитриться, чтобы выжить, и он судорожно работает в Сети, постоянно думая о том, как бы его не засекла полиция. И никого из них нельзя сравнивать с одинокой матерью, которой приходится думать, где взять денег на продукты на следующую неделю, или с мужчиной за шестьдесят, которому нужна подработка, чтобы оплатить счета за лечение. Но у всех у них есть нечто общее — ощущение, что их работа вынужденная, случайная и ненадежная.

Для характеристики прекариата подходит еще одно слово — «житель страны», «резидент». Резидент — тот, кто по той или иной причине имеет меньше прав по сравнению с гражданином. Понятие резидента (англ. denizen — от лат. de-intus, то есть

«изнутри») восходит ко временам Древнего Рима — обычно так называли иностранцев, которые имели право на проживание в стране и право заниматься своим обычным делом, но не получали полных гражданских прав.

Продолжая эту мысль, вспомним о ряде прав, которыми могут обладать люди: гражданские (равенство перед законом и право на защиту от преступлений и нанесения физического вреда), культурные (равные права на пользование учреждениями культуры и участие в культурной жизни сообщества), социальные (равные права претендовать на социальную защиту, в том числе пенсии и медицинскую помощь), экономические (равные права на деятельность с целью получения дохода) и политические (право избирать и быть избранным в органы государственной власти и участвовать в политической жизни сообщества). В мире растет число людей, лишенных по крайней мере одного из этих прав, и в этом смысле их следует отнести к резидентам, а не к гражданам, где бы они ни проживали.

Этот принцип можно проследить и в корпоративной жизни, где есть корпоративные граждане и разного рода резиденты. Салариат — это граждане, обладающие по меньшей мере имплицитным (подразумеваемым) правом голоса в фирме, распространяющимся на ряд решений и мер, которые другая группа граждан, акционеры и владельцы, как подразумевается, принимает, притом что имеет собственное эксплицитное право голоса по стратегически важным решениям в фирме. Прочие же связанные с корпорациями — временные, замещающие сотрудники, работающие по контракту и т.п. — это резиденты, с очень ограниченными полномочиями или правами.

Если посмотреть на мир шире, то большинство резидентов — это разного рода мигранты, и о них мы поговорим позже. Однако еще одна категория стоит особняком — широкий слой криминализованных лиц, осужденных. В эпоху глобализации резко возросло количество деяний, считающихся преступными. Людей, подвергшихся аресту и заключенных под стражу, становится гораздо больше, чем раньше, в связи с чем увеличивается число криминализованных лиц. Отчасти криминализация растет

за счет мелких правонарушений, это и поведенческие реакции на схемы распределения социальной помощи, побуждающие людей к недобросовестности. Так, часто возникают ситуации, когда обездоленный понимает, что, сказав правду, лишь навредит себе, и поневоле нарушает какое-нибудь бюрократическое правило.

Временные работники, которым не светит карьера, мигранты, проживающие на территории страны, криминализованная беднота, люди, живущие на пособие, — их становится все больше. К сожалению, статистика занятости и экономическая статистика не предоставляют таких данных, чтобы можно было оценить общую численность прекариата, не говоря уже о численности разных входящих в него групп. Поэтому мы вынуждены составлять картину на основе приблизительных данных. Мы рассмотрим далее основные группы, составляющие прекариат, помня о том, что не все они полностью вписываются в это понятие — и один характерный признак не обязательно указывает, что человек относится к прекариату.

Начнем с того, что многие из тех, кто оказался на временной работе, близки к прекариату, потому что у них слабее производственные отношения и ниже доход по сравнению с теми, кто выполняет аналогичную работу, а также мало перспектив в профессиональном плане. Число людей с временной привязкой к рабочему месту неимоверно возросло в эпоху гибкого рынка труда. В некоторых странах, таких как Великобритания, ограничительные толкования того, что считать временной работой, сделали невозможным установить число работающих без защиты занятости. Но в большинстве стран статистика показывает, что численность и доля трудовых ресурсов с временной занятостью за последние три десятилетия резко возросли. Особенно резким этот скачок был в Японии, где к 2010 году более трети трудовых ресурсов находились на временных рабочих местах, но, вероятно, их доля в общем рынке труда еще выше в Южной Корее, где по определенной причине более половины всех трудящихся заняты на временных, «нерегулярных» работах.

Хотя временная занятость указывает на то, что у человека, работающего на таких условиях, меньше перспектив карьерного

роста, так бывает далеко не всегда. Действительно, так называемые квалифицированные кадры прекрасно живут за счет «проектов», переходя от одного краткосрочного проекта к другому. А долговременные контракты, по которым человек должен вновь и вновь выполнять те же несколько функций, их вовсе не прельщают. Временная работа — отличный вариант, если социальный контекст благоприятный. Но если мировая экономическая система требует, чтобы все больше людей выбирали временную работу, тогда правительственным структурам следует задуматься над тем, что ставит этих людей в такое нестабильное положение.

В настоящее время временная работа — четкий показатель своего рода уязвимости. Для кого-то она может стать ступенькой для карьерного роста. Но для многих это ступень, ведущая вниз, к статусу с более низким доходом. То, что люди, измученные безработицей, соглашаются на временную работу, за что ратуют многие правительственные структуры, может привести к более низкой оплате труда на многие годы (Autor, Houseman, 2010). Когда человек соглашается на работу менее статусную, вероятность того, что он сможет снова подняться по социальной лестнице или получать «приличный» доход, уменьшается, причем надолго. Возможно, для многих временная работа — необходимость, но едва ли она повышает социальную мобильность.

Еще один путь скатывания в прекариат — это неполная занятость, хитрый эвфемизм, характерный для нашей третичной экономики, в отличие от индустриальных обществ. В большинстве стран неполная занятость означает, что человек работает в должности не менее 30 часов в неделю (или получает оплату за этот период). Хотя правильнее было бы говорить о *так называемой* неполной занятости, поскольку многие из тех, кто предпочел или вынужденно согласился работать неполный день, обнаруживают, что работать приходится больше, чем они рассчитывали, а их трудовой вклад, судя по заработку, оценивается ниже. Чаще всего женщины, сошедшие с карьерной лестницы и занятые неполный день, в конце концов подвергаются большей эксплуатации, поскольку им приходится работать ради работы в неоплачиваемые часы, и даже самоэксплуатации, поскольку

вынуждены работать дополнительно, чтобы сохранить за собой своего рода нишу.

Рост числа работников с неполной занятостью позволял скрывать уровень безработицы и частичной безработицы. Так, в Германии переход все большего числа людей на «мини-должности» помогал поддерживать иллюзию высокой занятости и заставил многих экономистов делать нелепые заявления о чуде немецкого рынка труда после финансового кризиса.

Другие категории, пересекающиеся с прекариатом, — это «независимые специалисты, работающие по договору» и «зависимые специалисты, работающие по договору». Приравнивать их к прекариату нельзя, поскольку многие работающие по договору в какой-то степени защищены и имеют сильную профессиональную идентификацию. Первым делом на ум приходят имеющие собственное дело стоматологи или бухгалтеры. Но отличить зависимых работников на договоре от независимых не так просто, и специалисты по трудовому праву повсеместно ломали над этим головы. Велись бесконечные споры о том, в чем отличие между теми, кто предоставляет услуги, и теми, кто предоставляет работу в качестве услуг, а также между теми, кто зависит от какого-нибудь посредника, и скрытыми работодателями. В конце концов, эти различия условны и связаны с понятиями контроля, субординации и зависимости от других сторон. И все же у тех, кто зависит от других: выполняют чужие задания, которые они не в полной мере могут контролировать, — больше риск скатиться в прекариат.

Еще одна группа, связанная с прекариатом, — это растущая армия сотрудников центров телефонного обслуживания, или колл-центров. Это повсеместный, зловещий символ глобализации, электронной жизни и отчужденного труда. В 2008 году по британскому Четвертому каналу показали телевизионный документальный фильм под названием «Телефонный гнев» ("Phone Rage") — о взаимном непонимании между сотрудниками колл-центра и рассерженными клиентами. Если верить передаче, то в среднем у жителей Великобритании один полный день ежегодно уходил на разговоры с сотрудниками колл-центров и это время неуклонно увеличивалось.

Затем идут стажеры, странный современный феномен, когда недавние выпускники вузов, студенты или даже абитуриенты работают за очень малую плату или вовсе бесплатно, выполняя мелкие офисные поручения. Некоторые французские комментаторы приравняли прекариат к стажерам, что неточно, однако симптоматично и указывает на то, что этот феномен вызывает тревогу.

Стажерство — это потенциальный канал перехода молодых людей в прекариат. Некоторые правительства даже разработали стажерские программы как один из видов «активной» политики рынка труда, призванной скрыть масштабы безработицы. В действительности же попытки продвигать стажерство часто являются не более чем дорогостоящими, неэффективными схемами субсидирования. Административные расходы высоки, а серьезной пользы от этого никакой — ни организациям, ни самим стажерам, несмотря на все разглагольствования о том, что так молодежь привыкает к служебным порядкам и якобы учится на работе. О стажерах мы еще поговорим позже.

Итак, один из способов понять прекариат заключается в том, чтобы увидеть, как люди начинают заниматься незащищенными видами труда, которые вряд ли помогут им добиться желаемой профессиональной самоидентификации или сделать желаемую карьеру.

Прекариатизация

Но можно посмотреть на прекариат и с точки зрения самого процесса: каким образом люди прекрариатизируются. Это неуклюжее слово аналогично понятию «пролетаризируются», которое описывало силы, приводившие к пролетариатизации рабочих в девятнадцатом столетии. Прекариатизироваться — значит подвергаться воздействию или приобретать такой жизненный опыт, который приводит к прекариатизированному, нестабильному, существованию, когда человек живет сиюминутным, не имеет четкой самоидентификации по профессиональному признаку или ощущения, что при его работе и образе жизни он может добиться большего.

В этом отношении часть салариата понемногу скатывается в прекариат. Показателен пример легендарного японского «белого воротничка» — представителя салариата. Этот вид типичного наемного работника двадцатого века, всю жизнь работающего на одном предприятии, появился на фоне крайне патерналистской модели лейборизма, доминировавшей вплоть до начала 1980-х. В Японии (как и всюду) золоченая клетка может вскоре прекратиться в свинцовую клеть — при таких мощных гарантиях занятости все, что снаружи, становится зоной страха. Именно это и произошло в Японии и других странах Юго-Восточной Азии, перенявших схожую модель. Уход из компании или организации стал рассматриваться как признак неуспеха, потеря лица. В таких обстоятельствах личные амбиции уступают место мелочному приспособленчеству, зависимости от тех, кто находится выше по служебной иерархии.

В Японии в этом смысле дошло до крайностей. Компания стала считаться буквально второй семьей, а трудовые отношения — «контрактно-родственными», подразумевалось, что работодатель как бы «усыновляет» наемного работника и в свою очередь ждет от него добровольного подчинения, а в качестве исполнения сыновнего долга — усердного труда в течение десятилетий. В результате возникла культура сверхурочной работы и крайняя степень самопожертвования — *кароси*, смерть от переутомления на работе (Mouer, Kawanishi, 2005). Но с начала 1980-х доля японской рабочей силы в салариате резко сократилась. Те, кто все еще держался, испытывали давление, многих заменили сотрудники помоложе или женщины, не имеющие таких же гарантий занятости. Прекариат вытесняет салариат, и его страдания мы видим по тревожному росту числа самоубийств и социальных недугов.

Трансформация, которую претерпел класс служащих (салариат) в Японии, возможно, крайность. Но можно понять, как человек, психологически пойманный в ловушку долгосрочной трудовой занятостью, теряет контроль и все больше приближается к тому или иному виду зависимости, свойственной прекариату. Если «родителя» убирают или он уже не способен или не хочет продолжать воображаемую родительскую роль, человек скатыва-

ется в прекариат, не имея навыков самостоятельности и способностей к развитию. Длительная служба может сделать человека беспомощным. Как я уже говорил в другой работе (Standing, 2009), это один из худших аспектов эпохи лейборизма.

И хотя не стоит распространять это определение слишком широко, другая черта прекариатизации — то, что следовало бы назвать фиктивной подвижностью профессиональной структуры населения, символом которой стал постмодернистский феномен «громких названий», тонко высмеянный в журнале *The Economist* (2010a). Это когда абсолютно бесперспективную унылую должность называют как-нибудь очень заманчиво, чтобы скрыть тенденцию прекариатизации. Так появляются «начальники» без подчиненных или «руководители», которые на самом деле никем не руководят. Американская профессиональная организация, естественно взявшая себе напыщенное название Международная ассоциация административных работников (раньше она называлась более скромно: Национальная ассоциация секретарей), сообщила, что в ее структуре более 50 профессий, в том числе «координатор приемной», «специалист по электронной документации», «служащий по распространению медийных изданий» (то есть разносчик газет), «ответственный за сбор вторичного сырья» (выбрасывающий мусор из корзин) и «консультант по санитарии» (уборщик туалетов). Но США не одиноки в своей изобретательности, такое происходит везде. Французы сейчас делают попытки называть уборщиц более престижным *techniciennes de surface*.

Журнал *The Economist* объясняет такой пышный расцвет званий рецессией после кризиса 2008 года, когда в связи с повышением уровня зарплат потребовалось заменить старые названия должностей более привлекательными, а также усложняющимся внутренним устройством многонациональных корпораций. Но это не просто недавний всплеск любви к гиперболам. Это отражение роста прекариата, при котором надуманные символы профессиональной мобильности и личного развития маскируют унылую ничтожность самой работы. Сглаженные профессиональные структуры прикрываются кричащими названиями. *The Economist* так пишет об этом:

Культ гибкости заразителен. Мода на выравнивание иерархий парадоксальным образом вызвала к жизни рост бессмысленных названий должностей. Работники мечтают о звучных званиях, ведь делают же какого-нибудь престарелого политика канцлером герцогства Ланкастер или лорд-президентом совета. Все, от кабинета начальника и ниже, хотят, чтобы их резюме было более пышным и впечатляющим, — и возводят его как оборонительную стену.

Данное замечание указывает на более глубокую болезнь. *The Economist* заканчивает свое проницательное наблюдение так: «Выгоды от присвоения завидных новых званий обычно кратковременны. А вред — долгий». На самом деле в данной практике чувствуется некий цинизм, и сами красивые звания могут поставить их носителей в уязвимое положение. Как и наоборот: от того, что люди оказались в уязвимом положении, звучные титулы, которыми их наделяют, может быть, как раз это и демонстрируют.

Прекариатизированное мышление

Не нужно быть технологическим детерминистом, чтобы понять, что технологический ландшафт определяет наше мышление и поведение. Прекариат пока что проявляет себя не как класс для себя отчасти потому, что его представители не способны контролировать технологические силы, с которыми они сталкиваются. Но становится все очевиднее, что электронная техника, проникшая во все аспекты нашей жизни, имеет огромное влияние на человеческий *мозг*, на образ мышления и, что еще тревожнее, на нашу способность мыслить. И то, как она это делает, вполне согласуется с понятием прекариата.

Одна из особенностей прекариата — эти люди живут сегодняшним днем (что чревато массовой неспособностью мыслить в долгосрочной перспективе), поскольку шансы карьерного роста или профессионального совершенствования для них очень малы. Положение иногда усугубляют социальные коллективы, которые грозят подвергнуть остракизму того, кто не соблюдает их норм.

Неписаные правила — что положено и чего не положено делать — становятся тяжелыми оковами для нонконформиста.

Интернет с его быстрой навигацией, текстовые сообщения, Facebook, Twitter и другие социальные сети — все они нацелены на то, чтобы «переписать мозги» по-своему (Carr, 2010). Такая сетевая жизнь мешает процессу консолидации памяти (то есть откладыванию информации в долговременной памяти) — основы того, что многие поколения людей называли интеллектом, способностью делать выводы посредством сложных мыслительных процессов и предлагать новые идеи и образы.

Цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий: он дает мгновенную стимуляцию и удовлетворение, заставляя мозг уделять больше внимания краткосрочным решениям и реакциям. Хоть это и несет с собой определенные выгоды, но в жертву приносится «образованность» и сама идея индивидуальности. Это шаг в сторону от общества, состоящего из личностей с определенным набором знаний, умений и неким опытом, к такому, где большинство членов имеют социально сформированные мнения, быстро и охотно перенимаемые, — поверхностные, тяготеющие к коллективному одобрению, а вовсе не к оригинальности и креативности. Для этого есть куча научных терминов, например «непрерывное частичное внимание» и «когнитивное расстройство».

Можно счесть это преувеличением. Но становится все труднее отрицать, что интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие изменения действительно происходят и что все это согласуется с распространением прекариатизации. Образованный ум — признающий пользу «скуки», состояния покоя и созерцания, неторопливых раздумий в вечной попытке связать прошлое, настоящее и воображаемое будущее — оказался под угрозой от постоянной бомбардировки электронно спровоцированных адреналиновых всплесков.

Умению сосредоточиться, как правило, учатся, и этот навык также может быть утрачен или нарушен. Некоторые биологи-эволюционисты заявляют, что электронные устройства возвращают человека на примитивный уровень, он вынужден инстинктивно и быстро реагировать на сигналы опасности и информацию о новых возможностях, а научный ум был не более чем истори-

ческой аберрацией. Такая интерпретация биологического регресса не радует, особенно если принять во внимание его чудовищные эволюционные последствия.

Электронное окружение предполагает и поощряет многозадачность — это черта третичного общества, о котором мы поговорим чуть позже. Исследования показывают, что те, кто по привычке, склонности или по необходимости активно вовлечен в многозадачную работу, распыляют силы и по каждому конкретному заданию производительность у них ниже, чем у тех, кто меньше разбрасывается. Многозадачники — непосредственные кандидаты в прекариат, поскольку им сложнее сосредоточиться и труднее отсекать необязательную или отвлекающую информацию (Richtel, 2010). Не в силах контролировать затраты времени, они испытывают перенапряжение, которое мешает ощущению развития, осмысленного накопления знаний с долгосрочной перспективой.

В итоге прекариат страдает от информационной перегрузки, притом что образ жизни его представителей не позволяет контролировать информацию и отсеивать полезное от бесполезного. Мы чуть позже рассмотрим, что предпринимает в связи с этим неолиберальное государство.

Недовольство, аномия, тревога и отчуждение

Прекариату хорошо знакомы четыре ощущения: недовольство, аномия (утрата ориентиров), беспокойство и отчуждение. Недовольство вызвано тем, что прекариат не видит перед собой осмысленных жизненных перспектив, ему кажется, что все достойные пути для него закрыты, а ведь обидно сознавать, что ты чего-то лишен. Кто-то назовет это завистью, но, когда вам постоянно со всех сторон показывают приметы материального успеха и насаждается культура богатых и знаменитых, есть от чего расстроиться. Прекариат чувствует себя подавленно не только потому, что перед ним маячит только перспектива смены все новых и новых работ, каждая из которых связана с новой неопределенностью, но также и потому, что эти работы не позволяют завязать прочные отношения, какие возможны в серьезных

структурах или сетях. Нет у прекариата и лестниц мобильности, по которым можно было бы подняться, — так люди и зависают где-то между сильнейшей самоэксплуатацией и свободой.

Приведу один пример из британской газеты *The Observer* (Reeves, 2010). Двадцатичетырехлетняя женщина, социальный работник, получала 28 тысяч фунтов в год и работала в общей сложности 37 с половиной часов в неделю. В ее обязанности входило «всего несколько поздних посещений», потому что некоторые семьи невозможно было навестить днем, при этом у нее оставалось достаточно времени на собственное дело и работу по дому. Вот что она рассказала корреспонденту:

> Я ужасно огорчилась из-за того, что мне долго говорили, будто я отлично справляюсь, чтобы перевести меня на следующий уровень, и я выполняла дополнительные задания помимо тех, что положены мне по должности, но этого никто не замечал. Мне просто пришлось ждать, когда место освободится. Думаю, такое случается не с каждым. В команде, с которой я вместе начинала, из социальных работников осталась только я. Многие ушли, им нужен был карьерный рост. Работа у нас тяжелая, ответственная, и, если бы это признали, мы бы продержались на ней гораздо дольше.

Эта женщину можно отнести к прекариату из-за отсутствия карьерных перспектив и из-за ее отношения к этому. Она занималась самоэксплуатацией в надежде на мобильность, взваливая на себя дополнительную «работу ради работы». Ее уволившиеся коллеги поняли, что обещания повышения были лишь обещаниями.

По крайней мере по работам Эмиля Дюркгейма мы знаем, что аномия — чувство безысходности, порожденное отчаянием. И это чувство еще усиливается из-за унылой, не творческой, бесперспективной работы. Аномия вызвана апатией, связанной с ощущением поражения, и это усугубляется тем, что многие политики и комментаторы из среднего класса осуждают прекариат, упрекая его в лености, отсутствии цели, клеймя его представителей как недостойных, социально безответственных или еще того хуже.

Говорить тем, кто претендуют на пособия, что эта «разговорная терапия» — шаг вперед, отдает высокомерием и часто именно так и воспринимается теми, кого увещевают ею заняться.

Прекариат живет в тревоге. Хроническая незащищенность связана не только с балансированием на краю, когда человек понимает, что одна-единственная ошибка или неудача может нарушить баланс между достойной бедностью и уделом побирушки, но и со страхом потерять то, что он имеет, даже если чувствует, что его обманули, не дав большего. Люди неуверены в себе и подавлены и в то же самое время «частично заняты» и «слишком заняты». Они отчуждены от своего труда и работы, растерянны и ведут себя порой безрассудно. Люди, боящиеся потерять что имеют, постоянно раздражены. Иногда они сердятся, но, как правило, это гнев пассивный. Прекариатизированное мышление питается страхом и мотивируется страхом.

Отчуждение возникает от понимания, что то, что ты делаешь, ты делаешь не для себя и не ради уважения или похвалы — это делается для других, по их указке. Именно это считалось отличительным признаком пролетариата. Но у тех, кто составляет прекариат, есть еще несколько специфических дополнений, в том числе ощущение, что их обманули — внушали, что они должны быть «счастливы» и благодарны, раз у них есть работа, велели «мыслить позитивно». Им велели радоваться, но они не понимают — чему. Они пережили опыт того, что Брайссон (Bryceson, 2010) назвал «несостоявшейся попыткой профпринадлежности», что могло иметь как раз обратный психологический эффект. Люди в подобных обстоятельствах, вероятнее всего, страдают от общественного осуждения и утраты цели. Отсутствие профессии создает этический вакуум.

Прекариат не обмануть. Его осыпают шквалом увещеваний. Но разве умный человек может так легко поддаться? В книге «Улыбайся или умри» Барбара Эренрейх (Ehrenreich, 2009)[4]

4 Впервые опубликована в США в 2006 г. под названием *Dancing in the Streets: A History of Collective Joy.* В 2009 году книга вышла в Великобритании под названием *Smile Or Die: How Positive Thinking Fooled America and the World.*

подвергла критике современный культ позитивного мышления. Она напомнила, как в США в 1960-е два шарлатана — Финеас Куимби и Мэри Эдди — основали псевдорелигиозное движение Новое мышление, в основе которого были идеи кальвинизма и утверждение, что вера в Бога и позитивное мышление приводят к положительным результатам в жизни. Эренрейх проследила эту тенденцию применительно к современному бизнесу и финансам. Она рассказала, как на мотивационных собраниях лектор, обращаясь к сотрудникам, работающим на краткосрочном контракте и плохо уживавшимся в коллективе, приводил пример хорошего сотрудника: это «позитивный человек», он «все время улыбается, не жалуется и с готовностью подчиняется всему, чего потребует начальник». Не хватало только принять к действию старое китайское высказывание «Кланяйся так низко, чтобы император не видел твоей улыбки». Но реакцией на такую отчуждающую болтовню, с которой прекариат вынужден мириться, скорее всего, будет не улыбка, а зубовный скрежет.

Возможны и другие реакции, помимо подавляемого гнева. Например, прекариат может скатиться в губительную зону заблуждений и иллюзий, как это видно на примере жителя Южной Кореи, давшего интервью для газеты *International Herald Tribune* (Fackler, 2009). Журналист отмечает:

> В чистом белоснежном университетском пуловере, с блестящим мобильным телефоном, Ли Чаргшик отчасти похож на менеджера девелоперской компании по строительству кооперативного жилья, а именно такую должность он занимал вплоть до прошлогоднего финансового кризиса, — и до сих пор говорит друзьям и родным, что все еще ее занимает.

Но тайком от всех, никому не рассказывая, он начал работать на краболовном судне. «Разумеется, я не собираюсь упоминать должность рыбака-краболова в моем резюме, — сказал мистер Ли. — Такая работа ниже моего достоинства». И добавил, что в телефонных разговорах он старается не упоминать о своей

работе и избегает встреч с друзьями или родственниками из опасения, что его тайна откроется. Другой человек, работающий на краболовном судне, сказал, что ничего не говорит своей жене, третий наврал жене, что был в Японии, так не хотелось ему признаваться, чем он занимается. Подобные истории о понижении статуса довольно распространены. Именно ощущение, что они системны и являются структурной особенностью современного рынка труда, заставляет насторожиться.

Прекариату не хватает самоутверждения и уверенности в социальной ценности своего труда, за самоутверждением он должен обращаться к другим областям, удачно или нет — это как получится. Если удачно, то тяготы работы, которую такой человек должен выполнять на своей эфемерной нежеланной должности, покажутся меньше, и мысли о статусе будут не так мучительны. Но способность самоутвердиться за счет чего-то у прекариата невелика. Есть опасность, что он будет чувствовать себя постоянно занятым, но при этом изолированным — одиночкой в толпе.

Отчасти проблема в том, что у прекариата очень мало надежных связей, особенно по работе. Исторически чувство доверия возникало в устойчивых сообществах, которые создавали организационную основу для товарищества и братства. Если кто-то испытывает неловкость оттого, что не знает своего социального статуса, доверие будет условным и хрупким (Kohn, 2008). Если люди предрасположены доверять друг другу и совместно действовать, как предполагают социальные психологи, тогда в условиях бесконечной изменчивости и неуверенности любое ощущение сотрудничества или морального консенсуса окажется под угрозой (Haidt, 2006; Hauser, 2006). Мы делаем то, что нам по силам, действуем с выгодой для себя, часто на грани аморальности. Этому проще найти оправдание, если каждый день мы слышим об элите и знаменитостях, безнаказанно нарушающих моральные заповеди, а у наших поступков нет даже тени будущего.

В условиях гибкого рынка труда отдельные люди боятся оказаться скованными долговременными поведенческими обязательствами, поскольку это может оказаться затратно и повлечь за собой нежелательные действия. Так, молодежи не хочется

материально зависеть от родителей, поскольку тогда придется поддерживать их в глубокой старости, а старческая немощность и все отодвигающаяся граница долголетия наводят на мысль, что платить за «сидение на шее» придется дорогой ценой. Ослаблению взаимных сделок между поколениями соответствует и все большая неопределенность в сексуальных и дружеских связях.

Если мерить все товарно-денежными отношениями — по затратам и возможным выгодам, — страдает моральный, нравственный аспект взаимоотношений. Если государство отказывается от лейбористских форм социального страхования, обеспечивавших реальную, хоть и не совсем справедливую, систему социальной солидарности, и не предлагает взамен ничего сопоставимого, тогда не будет механизма для создания альтернативных форм солидарности. Чтобы возникла солидарность, необходимо ощущение стабильности и предсказуемости. У прекариата нет ни того ни другого. Он никогда ни в чем не может быть уверен. Социальное страхование процветает, когда есть примерно равная возможность движения вверх и вниз по социальной лестнице, с соответствующими выгодами и потерями. В обществе, где численность прекариата растет, а социальная мобильность ограничена и все уменьшается, социальное страхование процветать не может.

Это подчеркивает одну особенность прекариата в данный момент. Он еще не сформировался как класс «для себя». Попытаемся представить, как происходит «скатывание» в прекариат или как людей вынуждают к прекариатизированному существованию. Это не удел, предназначенный человеку от рождения, и едва ли кто-нибудь с гордостью признается: «Прекариат — это я». Со страхом — да, с обидой — вероятно, с иронией — может быть, но не с гордостью. И в этом и состоит резкое отличие прекариата от традиционного промышленного рабочего класса. Понадобилось время, чтобы пролетариат стал классом «для себя», а когда стал, возникло чувство пролетарской гордости и достоинства, которое помогло ему стать политической силой с классовой программой. Прекариат пока что не достиг такой стадии, хотя некоторые его представители и показывают,

что безмерно гордятся принадлежностью к прекариату на своих демонстрациях, в блогах и дружеском общении.

Идеальному обществу нужны люди сочувствующие, способные мысленно поставить себя на место другого. Сочувствие и конкуренция находятся в постоянном противоречии. Люди, опасающиеся конкуренции, скрывают от других свои знания, информацию, контакты и источники, ведь если это станет известно другим, то они лишатся конкурентных преимуществ. Когда человек боится потерпеть неудачу или понимает, что может добиться лишь ограниченного статуса, то, вполне естественно, он не желает сочувствовать другим.

Когда же возникает сочувствие? Люди могут посочувствовать друг другу, оказавшись в одинаковой незавидной ситуации — отчуждения, неуверенности, бедности. Биологи-эволюционисты полагают, что сочувствие скорее возможно в малых стабильных сообществах, когда люди знают друг друга и регулярно общаются (см., например, De Waal, 2005). На протяжении многих веков сочувствие рождалось в профессиональных сообществах, а обучение специальности (процесс передачи навыков и знаний) способствовало взаимности, подкрепленной правилами саморегулирования в гильдиях. Глобализация нарушила этот процесс всюду, даже в Африке (Bryceson, 2010). Прекариат ощущает себя раздробленным, нестабильным международным сообществом людей, мучительно и подчас безуспешно пытающихся придать своей трудовой деятельности профессиональную идентичность.

Когда рабочие места становятся нестабильными, служат лишь средством для достижения чужих целей, а заработка недостаточно для приличного по общественным меркам существования и достойного образа жизни, не может быть и речи ни о каком «профессионализме», это понятие применимо лишь к сообществам с собственными стандартами, этическими нормами и при взаимном уважении между его членами, основанном на компетенции и соблюдении давно и надолго установленных норм поведения. Люди, входящие в прекариат, не могут стать профессионалами из-за невозможности получить специализацию и существенно улучшить свое положение на основе своей компетенции или

опыта. Возвращаясь к любой форме деятельности, они испытывают неуверенность и почти не видят для себя перспектив подняться вверх по социальной лестнице.

У прекариата ослаблено чувство «социальной памяти». Это естественная человеческая черта — относиться к себе по тому, что мы делаем, и делать то, что согласуется с нашим представлением о себе. Социальная память возникает в результате принадлежности к сообществу, воспроизводящемуся из поколения в поколение. В лучшем случае она диктует этические нормы и дает ощущение осмысленности и стабильности, как в эмоциональном, так и в социальном плане. Это имеет глубокие классовые и профессиональные корни. Социальная память влияет и на то, кем мы мечтаем стать. Существуют обусловленные барьеры для таких ожиданий. Например, во многих обществах над ребенком из рабочей семьи лишь посмеются, если он скажет, что хочет стать банкиром или юристом, а ребенок из семьи среднего класса рискует огорчить родителей, заявив, что мечтает стать водопроводчиком или парикмахером. Нельзя делать то, что не свойственно вашему положению. Все мы рассматриваем себя с учетом того, кем мы не являемся и кем являемся, с точки зрения того, кем мы не можем стать, а кем — можем. Прекариат не существует сам по себе. Вдобавок его можно охарактеризовать по тому, чем он не является.

Курс на гибкость рынка трудовых ресурсов разъедает процесс связей и взаимодействия в профессиональной группе, жизненно важный для воспроизводства трудовых навыков и творческого отношения к работе. Если вы живете под угрозой того, что в любую минуту род вашей деятельности может поменяться — или «работодатель» вдруг откажется от ваших услуг, или поменяются коллеги, а главное — изменится ваше представление о себе как о профессиональной единице, трудовая этика становится спорной и приспособленческой.

Такие обозреватели, как Хейт (Haidt, 2006), считают, что трудовая этика может насаждаться и укрепляться только изнутри сообщества. Но это слишком смелое предположение. Этика берет начало в более мелких, более узнаваемых сообществах, таких как

профессиональная группа, группа, объединенная родственными связями, или общественный класс. Система гибкости, по сути, отвергает трудовую этику, выкованную сильными профессиональными сообществами. Один из опросов Института Гэллапа, проведенный в Германии в 2009 году, показал, что лишь 13 процентов всех трудоустроенных серьезно относятся к своей работе и 20 процентов признали, что не чувствуют в ней никакой заинтересованности (Nink, 2009). С учетом призывов быть мобильными и смотреть на работу как на источник радости действительно разумней быть незаинтересованным, особенно во времена нестабильности. Но с учетом того, как много значит работа в нашей жизни, это не очень хорошая тенденция.

Итак, нарастающее недовольство, аномия, беспокойство и отчуждение охватывают неизбежную обратную сторону общества, сделавшего «гибкость» и незащищенность краеугольным камнем экономической системы.

Подытоживая сказанное

Хоть у нас и нет возможности оперировать точными цифрами, можно предположить, что в настоящий момент во многих странах по крайней мере четверть взрослого населения относится к прекариату. И дело даже не в том, что у этих людей нестабильная занятость или что они работают на временных должностях и с минимальной защитой труда, хотя все это распространенные явления. Дело в статусе, который не дает ни возможности карьерного роста, ни чувства надежной профессиональной принадлежности и почти не дает прав на получение государственных и производственных пособий и льгот, на которые могли по праву рассчитывать те, кто относил себя к промышленному пролетариату или салариату.

Это реальность системы, которая всячески поощряет образ жизни, основанный на конкуренции, меритократии и гибкости. Человеческое общество не строилось веками на постоянном непрерывном изменении, в его основе было

медленное формирование надежной самоидентификации и довольно «жестких» сфер безопасности. Проповедь гибкости учит людей, что неизменность — враг гибкости. Опыт Просвещения говорит нам о том, что человек сам должен определять свою судьбу, а вовсе не Господь Бог и не силы природы. Прекариату говорят, что он должен соответствовать требованиям рынка и все время приспосабливаться.

В итоге масса людей — потенциально это все мы, кроме элиты, опирающейся на свое богатство и стоящей особняком от общества, — оказывается в ситуации, для которой характерны отчужденность, аномия, беспокойство и недовольство. Тревожный знак — политическая неангажированность.

Почему остальные, не причисляющие себя к этой группе, должны беспокоиться из-за роста прекариата? Одна из причин альтруистическая: нам бы не хотелось самим оказаться в этой группе, а значит, мы должны подумать о лучшей участи для тех, кто оказался в таком положении. Но есть и другие причины. Многие из нас боятся скатиться в прекариат или боятся, что такое случится с нашими родными и друзьями. Возможно, элите и наиболее респектабельной части салариата и «квалифицированных кадров» (proficians) кажется, что в условиях уменьшающейся социальной мобильности им самим ничего не грозит. Но их должна настораживать мысль, что прекариат — растущий и потенциально опасный класс. Те, кто не видит перед собой безопасного или четкого в статусном плане будущего, почувствуют страх и отчаяние и в результате могут выместить свое негодование на реальных или мнимых виновниках своего несчастья. А отчуждение от основных каналов экономического изобилия и прогресса ведет к нетерпимости.

Прекариат — не класс «для себя», отчасти потому, что он находится в состоянии войны с самим собой. Одна его часть может обвинять другую в уязвимости и недостойном образе жизни. Нетрудно убедить временного низкооплачиваемого рабочего, что

«хапуга пособий» получает слишком много, причем за его же, трудящегося, счет, что несправедливо. А коренному жителю городской окраины нетрудно будет внушить, что прибывающие толпами мигранты перехватывают лучшие рабочие места и всегда оказываются в первых рядах за пособиями. Противоречия внутри прекариата настраивают людей друг против друга, не давая им осознать, что сама общественная и экономическая структура является причиной их невзгод. Многих привлекут популистские политиканы и неофашистские призывы, мы уже видим, как этот процесс пошел по всей Европе, в США и в других странах. Вот почему прекариат — опасный класс и вот почему нужна «политика рая», которая снимет его страхи, спасет от неуверенности и удовлетворит его запросы.

Чтобы понять, почему растет прекариат, нужно рассмотреть природу Глобальной трансформации. В эпоху глобализации (1975–2008) экономика оказалась «вырвана» из общества: тогда финансисты и неолиберальные экономисты пытались создать глобальную рыночную экономику, основанную на конкуренции и индивидуализме.

Прекариат увеличивался в численности из-за политических мер и институциональных изменений, наблюдавшихся в тот период. До этого приверженность открытой рыночной экономике положила начало конкурентному давлению на промышленно развитые страны со стороны новых индустриально развивающихся стран и Китая с неограниченным ресурсом дешевой рабочей силы. Эта приверженность рыночным принципам неизбежно привела к глобальной производственной системе сетевых предприятий и гибкой практике трудовых отношений.

Цель экономического развития — сделать нас всех богаче, как утверждалось, — была использована для оправдания свертывания налогово-бюджетной политики как инструмента прогрессивного перераспределения. Сложилось мнение, что высокие прямые налоги, долгое время использовавшиеся для того, чтобы уменьшить неравенство и обеспечить экономическую защиту низкооплачиваемым работникам, являются сдерживающим фактором для труда, сбережений и инвестиций и причиной для перевода инвестиций и трудовых ресурсов за границу. А переориентация социальной защиты от социальной солидарности на борьбу с бедностью и помощь людям, потерпевшим социальный крах, породила тенденцию социальной помощи, предоставляемой в зависимости от материального положения, а впоследствии привела к практике «трудовых пособий».

Центральный аспект глобализации можно сформулировать одним пугающим словом: «товаризация» (commodification). То есть всё считается товаром, который можно купить и продать.

товаром, находящимся под действием рыночных сил, когда цены устанавливаются в зависимости от спроса и предложения, без эффективного «представительства» (способности сопротивляться). Товаризация распространилась на все аспекты жизни: семью, систему образования, фирмы, институты социально-трудовых отношений, политику социальной защиты, безработицу, нетрудоспособность, профессиональные сообщества и политику.

В погоне за эффективностью рынка были снесены все барьеры, препятствовавшие товаризации. Одним из неолиберальных принципов стало соблюдение правил, которые бы не позволяли коллективным интересам выступать в качестве барьеров для конкуренции. Эпоха глобализации была эпохой не *прекращения регулирования*, а *нового регулирования*, когда новых правил вводилось больше, чем в любой другой сопоставимый период истории. В мировых рынках рабочей силы большая часть новых правил были директивными, указывая людям, что они могут, а чего не могут делать и что им нужно делать для того, чтобы получать выгоду от государственной политики.

Атака на общественные институты затронула фирмы как социальные институты, профсоюзы — как представителей работодателей, профессиональные сообщества — как гильдии ремесла и профессий, образование — как средство освобождения от шкурных интересов и торгашеского духа, семью — как институт сочувствия и социального воспроизводства и государственную службу — как носителя этики служения обществу.

Эта гремучая смесь разрушила соглашения, связанные с выполнением трудовых обязанностей, и вызвала классовое дробление, ставшее еще более заметным с развитием третичного труда, связанного с сокращением объема производства и смещением в сторону сферы услуг. В данной главе мы попытаемся наглядно представить эту картину, не исчерпывающе, но достаточно подробно, чтобы можно было понять, почему прекариат становится мировым классом.

Глобальная трансформация

С 1970-х годов мировая экономика стала интегрированной до такой степени, что изменения в одной части мира почти тотчас же сказывались на происходящем в других местах. В 1970-х движению цен на фондовых биржах лишь изредка соответствовали аналогичные изменения на других биржах, а в наши дни биржи «движутся» в тесной связке. В 1970-х годах торговля во многих странах давала лишь малую часть национального дохода и в основном распространялась на взаимодополняемые товары. Сегодня она охватывает товары и услуги по всем направлениям, причем все более активно развивается торговля частями товаров и услуг, в основном внутри транснациональных сетей. Соответствующие затраты на оплату труда стали занимать более весомую часть процесса торговли.

Капитал и связанная с ним занятость перетекают из стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в страны с развивающейся рыночной экономикой. И этот процесс будет продолжаться. Основной капитал в расчете на душу населения в Китае, Индии, Индонезии и Таиланде составляет три процента от аналогичного показателя в США. Производительность в этих странах будет расти в течение многих лет только из-за производства большего количества машин и объектов инфраструктуры. Тем временем промышленно развитые страны станут экономическими рантье, при этом средняя реальная заработная плата там увеличится или станет лишь средством для сглаживания неравенства.

Развивающиеся рыночные экономики по-прежнему будут основным фактором роста прекариата. У этого аспекта глобализации обратного хода нет. И со стороны тех, кто обеспокоен неравенством и экономической неуверенностью в нынешних богатых странах, наивно думать, что эффективным ответом на финансовый шок 2008 года и последовавший за ним экономический кризис был бы возврат к протекционизму. Однако, к сожалению, как мы увидим, правительства отреагировали таким образом, что в результате неуверенность и неравенство, сопутствовавшие кризису, только усилились.

- Как появилась Киндия

Глобализация оставила свой след: возникла так называемая Киндия, появление которой серьезно изменило социальную и экономическую жизнь на всей планете. Разумеется, объединять Китай и Индию не совсем правильно, у этих стран разные культурные традиции и разное общественное устройство. Однако для наших целей Киндия послужит удобной и емкой метафорой.

До эпохи глобализации рынки труда в экономиках, открытых для торговли и инвестиций, составляли примерно миллиард трудоустроенных и ищущих работу (Freeman, 2005). К 2000 году численность рабочей силы в эти странах возросла до 1,5 миллиарда. Тем временем Китай, Индия и страны бывшего Советского Союза влились в мировую экономику, добавив к этому числу еще 1,5 миллиарда. Так что трудовые ресурсы в глобализирующейся экономике утроились. Новички приезжали с небольшим капиталом и очень низкими зарплатами, изменив мировое соотношение труд — капитал и ослабив переговорные позиции рабочих за пределами Киндии. После 2000 года к трудовым ресурсам добавили свою долю и другие страны с развивающейся рыночной экономикой, такие как Вьетнам, Индонезия, Камбоджа и Таиланд, за ними начали подтягиваться Бангладеш и некоторые другие. Вошло в обиход новое понятие — «Китай плюс один», означающее, что транснациональные корпорации, защищая свою стратегию, будут открывать предприятия по крайней мере еще в одной стране помимо Китая. Вьетнам, с населением 86 миллионов человек, главный кандидат, с реальными зарплатами, остававшимися неизменными на протяжении двух десятилетий. В 2010 году работник текстильной фабрики там получал месячную зарплату, равную 100 долларам США — лишь малой части оплаты за аналогичный труд в США или, например,в Германии.

О скорости происходящих изменений говорит следующее: на протяжении 40 лет Япония была второй по уровню экономического развития страной в мире после США, а в 2005 году в долларовом эквиваленте у Китая валовой внутренний продукт (ВВП) был лишь наполовину меньше, чем у Японии. В 2010 году Китай обогнал Японию и приблизился по этому показателю к США.

Индия старается не отставать, ее экономическое развитие идет бешеными темпами.

Рост китайской экономики был обусловлен государственными инвестициями, особенно в инфраструктуру, и прямыми инвестициями из-за рубежа. Транснациональные корпорации ринулись туда, используя «дочерние» фирмы по всему Китаю. Они набрали сотни тысяч рабочих в спешно построенные промышленные зоны, поселили их в общежитиях и заставляют работать так интенсивно, что большинство увольняются, не проработав и трех лет. Эти люди могли бы соответствовать понятию промышленного пролетариата, но к ним относятся как к мигрирующей рабочей силе разового использования. Они пытаются требовать повышения оплаты труда. Но она настолько мала, что еще долгое время будет считаться крошечной по сравнению с тем, что получают рабочие в промышленно развитых странах, то же касается и соотносимых издержек на единицу продукции, особенно в условиях резко возрастающей производительности труда.

Китай внес свой вклад в мировое неравенство доходов несколькими способами. Низкие зарплаты в этой стране негативно сказались на заработной плате в остальном мире, увеличив дифференциацию зарплаты. Он сохранял собственные зарплаты на очень низком уровне. По мере экономического роста доля зарплат в национальном доходе снижалась в течение 22 лет: от менее 57 процентов ВВП в 1983 году до всего лишь 37 процентов в 2005-м. Так что Китай можно по праву назвать страной с самой «капиталистической» крупной экономикой за всю историю человечества.

«Фоксконн» (Foxconn), крупнейший в мире производитель, работающий по контрактам с другими компаниями, служит наглядным примером злоупотреблений, которые допускают транснациональные компании в промзонах, появившихся в Китае. Эта фирма является «заместителем» тайваньской Hon Hai Precision Industry Company, в Китае в ней трудятся 900 тысяч работников. Половина из них — в Фоксконн-Сити в Шэньчжэне, где стоят 15-этажные производственные здания, и в каждом из них идет работа на одного из заказчиков, среди которых Apple, Dell, HP,

Nintendo и Sony. Фоксконн-Сити расширился благодаря тому, что компания за ничтожную зарплату нанимает сельско-городских мигрантов, в расчете на то что трудовые ресурсы обновятся за год на 30–40 процентов, поскольку тех, кто не выдержал потогонки, быстро сменяют постоянно прибывающие новые когорты.

Такой порядок функционирования предприятия способствовал росту мирового прекариата. Низкая заработная плата и высокая интенсивность труда (включающая 36 сверхурочных часов в месяц) заставили фирмы в других местах посоревноваться в урезывании зарплат и привлечении гибкой рабочей силы. Однако эта проблема, хоть и с запозданием, но все же привлекла внимание мировой общественности — после череды самоубийств и попыток самоубийства в 2009 и 2010 годах.

Эти самоубийства возымели действие. После негативной рекламы и неофициальных забастовок «Фоксконн» увеличил зарплаты. Но одним из следствий этого станет сокращение мест для бесплатного проживания и урезывание бесплатного питания, а также сокращение площадок для досуга. Первая реакция «Фоксконна» на самоубийства была патерналистской. Здания фирмы обнесли защитными сетками, чтобы выпрыгнувшие из окон не разбивались насмерть, наняли психологов для помощи тем, кто находится в подавленном состоянии, пригласили буддистских монахов, чтобы те успокаивали рабочих, и даже подумывали о том, не взять ли с сотрудников расписку с обещанием не совершать самоубийств. Знаменитости из Кремниевой долины забеспокоились. Но могли бы и не удивляться: они получали миллиарды долларов за счет смехотворно дешевой продукции.

«Фоксконн» — это символ глобализации. Он внесет изменения в прежнюю модель, подняв ставки в основной зоне, сократив пособия и льготы предприятий, перенаправив часть производства в менее затратные области и нанимая еще более незащищенных работников. Великий механизм аутсорсинга — привлечения сторонних ресурсов — не знает усталости. Однако «Фоксконн» и китайская модель развития ускорили изменения в остальной части мира, в результате которых прекариат оказался в центре внимания.

- Товаризация фирмы

Один из аспектов глобализации, на который реже обращают внимание, но который тем не менее существенно повлиял на рост прекариата, — то, что сами компании стали чем-то вроде товара, который продается и покупается путем слияния и поглощения. И хотя подобная практика давно присуща капитализму, все же подобные случаи раньше были редки. И то неистовство, с каким в наши дни фирмы выставляются на продажу, разделяются и укомплектовывается заново, стало одной из примет мирового капитализма. Растет число корпораций, принадлежащих иностранным пайщикам или находящихся в управлении пенсионных фондов и фондов прямых инвестиций.

Превращение компаний в товар означает, что заинтересованность в них нынешних владельцев уже не так велика, как раньше. В любой день владельцы могут устраниться, а вместе с ними сменится менеджмент и упразднятся все негласные договоренности о том, как следует выполнять работу, какую зарплату считать достойной и что делать с теми, кто нуждается в помощи.

В 1937 году Рональд Коуз (Ronald Coase) выдвинул теорию, за которую получил Нобелевскую премию по экономике. Он предположил, что фирмы, с их иерархией, занимают преимущественное положение по отношению к разобщенным рынкам, состоящим только из отдельных лиц. Пользуясь своим преимуществом, фирмы уменьшают операционные издержки на ведение бизнеса, в том числе потому, что обеспечивают долговременные связи, основанные на доверии. Но эта теория не выдержала проверки временем. Предприимчивые люди могут накопить огромные суммы и перекупить даже самые хорошо управляемые компании, вот почему все меньше стимула для создания доверительных отношений внутри фирмы. Все становится товаром и открыто для пересмотра.

Долгие годы академические издания пестрели статьями о национальных «разновидностях каптализма». Все эти разновидности теперь сливаются в единый глобальный гибрид, ближе к англосаксонской модели корпоративного управления

(в интересах акционеров-собственников — shareholders), чем к германской модели управления в интересах заинтересованных сторон (stakeholders), как можно убедиться на примере Японии. «Японское чудо» 1960–1970-х годов основывалось на фирме как социальном институте, с жесткой иерархией, пожизненным наймом, оплатой по стажу и «профсоюзами компании». Это подходило стране, входящей в мировую экономику с изначально низким уровнем дохода. Но жесткость этой модели мешала ей адаптироваться в эпоху глобализации.

В конце концов правительство переписало корпоративное право (приблизив его к американской модели): теперь фирмам разрешалось вводить оплату по результатам труда, систему опционов (поощрений для менеджеров), нанимать «внешних» директоров, повышать сотрудников в должности в зависимости от компетенции, а не от стажа, преследовать цели акционеров и нанимать служащих, находящихся посредине карьерной лестницы. Фирма превратилась в товар, которым ведает финансовый капитал и владельцы которого — акционеры, а не менеджеры. Это была не полностью американизированная модель, но тенденция просматривалась четко.

С 1990 по 2007 год доля акций, принадлежащих иностранцам, выросла примерно в шесть раз. Выпуск акций стал обычным делом, теперь фирмами можно было завладеть. До конца 1990-х наблюдалось менее 500 слияний и приобретений в год, а в 2006 году их было почти три тысячи. Эти изменения стали возможны благодаря реформе, позволившей компаниям использовать акции для покупки других фирм, а реформы учета и отчетности обязывали фирмы к большей прозрачности. В 2007 году законодательство разрешило «трехсторонние слияния», в результате чего иностранные компании стали активнее использовать акции для покупки японских фирм через свои дочерние компании.

Угроза захвата заставила компании ограничить пожизненную занятость, в основном за счет «естественного сокращения» персонала без замены его новыми штатными работниками. Доля фирм, признавших, что они «ориентированы на акционеров»,

в 2007 году увеличилась до 40 процентов, тогда как доля фирм, признавших, что они «ориентированы на работников», уменьшилась до 13 процентов.

В других странах аналогичным образом происходило превращение фирм в товар, в результате жизнь для работников стала еще более нестабильной. Даже те, кто относил себя к салариату, теперь столкнулись с тем, что в любой день могут потерять работу и другие виды гарантий из-за того, что их фирму перекупили или она объявила себя банкротом. Со своей стороны, отчасти для защиты, компании хотят иметь более гибкую рабочую силу, чтобы быстро реагировать на внешние угрозы.

Из-за товаризации стало более подвижным и разделение труда внутри предприятий. Если в каком-то месте деятельность предприятия может обойтись дешевле, эти задачи переводятся на офшор (внутри фирм) или на аутсорс (поручаются фирмам-партнерам или посторонним фирмам). Это приводит к разделению процесса труда, внутренние профессиональные структуры и бюрократические карьеры рушатся из-за неопределенности — люди не знают заранее, будет ли то, за что они привыкли отвечать, передано на офшор или на аутсорс.

Этот раскол сказывается и на совершенствовании навыков. Стимул для вложений в трудовые навыки определяется по стоимости их приобретения, альтернативным издержкам и перспективе дополнительного дохода. Если риск увеличивается или нет возможности практиковать навыки, вложения в них уменьшатся, а вместе с тем уменьшится и психологическая привязанность к компании. Короче говоря, когда фирмы становятся менее стабильными, работники не горят желанием делать там карьеру. И это подталкивает их в сторону прекариата.

Фирма становится подвижней, чем работники, в смысле ее способности переключаться с одного рода деятельности на другой. Большинству служащих переключаться нелегко. Но многие вынуждены зарабатывать, чтобы поддерживать семью, платить за обучение детей, заботиться о престарелых родственниках. Из-за этого порой рушится профессиональная карьера и человек переходит на существование в качестве прекариата.

Для большего числа рабочих в двадцать первом веке уже нет надежды, что фирма — место, где можно сделать карьеру и получать стабильный заработок. И в этом не было бы ничего плохого, если бы социальная политика была нацелена на то, чтобы все, кто трудится на благо фирмы, имели основные гарантии защиты. В наши дни это далеко не так.

Сирены трудовой мобильности: ретоваризация труда

Переход к гибким трудовым отношениям был главной непосредственной причиной роста мирового прекариата. О том, как увеличивалась эта гибкость во всем мире, говорится в другой работе (Standing, 1999b). Здесь же мы только выделим аспекты, ускорившие рост прекариата, остановившись подробнее на основных видах гибкости — это гибкость численности, функциональности и гибкость заработной платы.

Переход к гибкости еще не завершен, и, судя по тому что комментаторы без конца повторяют один и тот же призыв, сейчас наблюдается кратковременный спад. Идет процесс «ретоваризации» труда, приводящий к тому, что трудовые отношения попадают в еще большую зависимость от спроса и предложения, как это показывает их цена — зарплата. Это означает нарушение всех семи форм трудовых гарантий, рассмотренных в первой главе. Слишком часто исследователи сосредотачиваются на одном аспекте — уменьшении гарантий занятости за счет того, что работодателям стало проще увольнять сотрудников (стали меньше издержки на увольнение) и легче привлекать временных работников. Хотя это лишь часть процесса, уменьшение гарантий занятости используется для увеличения других форм гибкости.

Люди со стабильной занятостью больше склонны к коллективности, поскольку чувствуют себя более надежно и уверенно перед своими работодателями. Гарантиям занятости сопутствуют гарантии представительства. Так, «рабочий-гражданин» чувствует, что сам отвечает за свое профессиональное развитие. Без других видов гарантий у работника не может быть гарантий трудовых навыков, поскольку он боится, что его переведут на

другое место, поручат задания, которых он не ожидал и на которые не рассчитывал.

Главное же то, что гибкость трудовых отношений — неизбежность для глобального трудового процесса. Мы должны понять, что она с собой несет, не из атавистического желания повернуть процесс изменений вспять, но чтобы уяснить, как сделать эти изменения более приемлемыми.

- Гибкость численности

В течение трех десятков лет считалось, что, если станет проще увольнять рабочих, появится больше рабочих мест. Якобы тогда потенциальные работодатели будут охотнее нанимать работников, поскольку дешевле будет от них избавиться. Слабые гарантии занятости рассматривались Международным валютным фондом (МВФ), Всемирным банком и другими влиятельными организациями как необходимое условие для привлечения и удержания иностранного капитала. Правительства, естественно, стали наперегонки ослаблять гарантии занятости и добились того, что стало проще нанимать работников без подобных гарантий.

Возникновение прекариата связано в основном с гибкостью численности, с тем, что долгое время называлось «нетипичной» и «нестандартной» формой труда. Ведущие компании большую часть работы передают на контракты, сохраняя при себе небольшую часть салариата (корпоративных граждан), ценя их верность и разделяя с ними свой ключевой актив — *знания*, как это свойственно рентоориентированным фирмам третичного сектора экономики. Если знания распространятся слишком широко, компании утратят контроль над своими активами. Салариат — граждане фирм с правом голоса, с ними советуются или по крайней мере считаются, когда принимаются решения по целому ряду вопросов. Подразумевается, что их права признают владельцы и главные акционеры, имеющие право голоса по стратегически важным вопросам для предприятия или организации.

Одно из свойств мобильности — нарастающее использование временного труда, позволяющее фирмам быстро обновлять

состав служащих, чтобы легче было адаптироваться и менять сферу деятельности. Временная рабочая сила обходится дешевле: зарплаты ниже, платить за выслугу лет временным работникам не нужно, у них меньше прав на пособия и льготы предприятия и т.п. И меньше риска: принимая кого-то на временную работу, фирма не берет на себя обязательств, о которых можно потом пожалеть по той или иной причине.

Там, где преобладают услуги, труд обычно бывает проектно-ориентированный, а не непрерывный. Это усиливает колебания спроса на рабочую силу, а использование временного труда становится почти необходимостью. Есть и менее существенные факторы, способствующие этому. Людям, заключившим временный контракт, порой приходится работать больше, особенно если рабочее задание более трудоемкое по сравнению с тем, что делали штатные сотрудники. Постоянные сотрудники могут воспротивиться таким требованиям. Временных сотрудников также легче поставить в положение неполной занятости, например меньше платить им за меньшее количество часов в периоды простоя предприятия. Ими намного проще управлять, потому что они — боятся. Если они не согласятся выполнять то, что от них требуется, их выставят — без лишнего шума и почти без затрат.

Временных работников иногда используют для того, чтобы вырвать уступки у других сотрудников, которых предупреждают, что они останутся без места, если не согласятся на новые условия, выгодные работодателю. Так, горничные в отелях сети «Хаят» (Hyatt) в США, имея контракт на восемь часов в день и выполняя определенные виды работы, внезапно обнаружили, что работают параллельно с временными работниками из агентства, которых заставляют работать по 12 часов в день и убирать больше номеров (по 30 за смену). Постоянных горничных уволили.

Но самый поразительный пример — это отмирание японской модели найма. Компании приостановили наем молодежи на пожизненный срок и перешли на временные контракты. Получая значительно меньше, временные сотрудники лишены возможности повышения квалификации и получения льгот. На некоторых фабриках даже обязали рабочих носить комбинезоны разных

цветов в зависимости от их рабочего статуса — это уже нечто из области антиутопии, сразу вспоминаются альфы и эпсилоны из романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир».

Фирмы набирают все больше временных работников по одной простой причине — потому что в других фирмах так делают; владельцы сравнивают экономический эффект. Соревновательность путем использования временного труда имеет все более важное значение в мировой системе, по мере того как компании стремятся перенимать то, что делают другие страны и лидеры рынка в их секторе, — это называется «эффект доминирования». Транснациональные компании пытаются насадить свою модель занятости там, где начинают действовать их фирмы-заместители, обычно в ущерб сложившейся местной практике. Так, «передовая» модель «Макдоналдс» (McDonald's) на самом деле подразумевает деквалификацию, смещение работников со стажем, подрыв профсоюзов и низкий уровень зарплат и пособий предприятия. Другие берут с «Макдоналдса» пример. Обозреватели уже обращали внимание на набор приемов в практике трудовых отношений по привлечению менеджеров (Amoore, 2000; Sklair, 2002; Elger, Smith, 2006; Royle, Ortiz, 2009). Одни используют «желтые профсоюзы» — создаваемые и руководимые работодателями, — чтобы побороть независимые профсоюзы. Возникает всемирная модель, в которой корпоративный, технологический и политический факторы влияют на выбор тактики. Представить себе серьезное эффективное сопротивление этому почти невозможно.

Другой пример — «Уолмарт» (Walmart), крупнейший и задающий стандарты американский ретейлер, источник обогащения четырех из десяти самых состоятельных людей в США. Он процветает благодаря хитрому процессу «точно в срок», при этом контролирование затрат на труд при крайне высокой подвижности трудовых ресурсов сделало его одной из самых отвратительных моделей в мире. Временный труд — основа такой системы. Попробуй только возразить против того, что происходит, — и ты уволен.

Смещение в сторону временного труда — примета глобального капитализма. Оно сопровождалось ростом числа кадровых

агентств и посредников по трудоустройству, которые помогали фирмам быстрее переключаться на временных сотрудников и переводить на контракт большую часть трудовых ресурсов. Агентства временного найма — гиганты, формирующие мировой трудовой процесс. Швейцарское «Адекко» (Adecco), на которое работают 700 тысяч временных сотрудников, стало одним из крупнейших частных работодателей в мире. «Пасона» (Pasona), японское кадровое агентство, основанное в 1970-х, ежедневно направляет четверть миллиона людей на работу по краткосрочным контрактам. Основатель «Пасоны» говорит, что гибкость выгодна и фирмам, и работникам, и отметает старую норму долгосрочной занятости как сентиментальность. «Станьте постоянным сотрудником — и вас будут нещадно эксплуатировать до конца дней», — заявил он в интервью журналу *The Economist* (2007). Подобно европейским и американским агентствам, «Пасона» открыла десятки филиалов, которые имеют дело с аутсорсинговыми проектами и продукцией в странах Азии и в США.

По традиции агентства временного найма искали людей для мелкой конторской или малоквалифицированной работы, такой как уборка и уход за больными. Затем некоторые из них напали на «золотую жилу» «претендентов на пособие». А теперь семимильными шагами выходят на профессиональную арену, видя в ней высокодоходный бизнес. Так, если раньше «Адекко» распределяло 20 процентов специалистов-профессионалов и 80 процентов мелких конторских служащих и «синих воротничков» (рабочих с почасовой оплатой), то теперь в ее реестре одна треть специалистов.

Росту числа агентств временного найма, международных кадровых агентств и сомнительных посредников по трудоустройству, которые действуют в странах наподобие ЮАР, способствовали законодательные изменения и признание со стороны таких органов, как Международная организация труда, в 1990-х годах снявшая свои возражения против частных агентств занятости. В Японии в 1999 году был отменен запрет на временные контракты и расширена сфера деятельности для частных агентств занятости: с 2004 года их допустили к промышленному производ-

ству. Эти реформы, естественно, способствовали росту японского прекариата. В Италии прекариат набирал численность благодаря так называемому закону Треу 1997 года (Treu law), вводившему в обиход временные контракты, и закону Бьяджи 2003 года (Biagi law), разрешавшему деятельность частных рекрутинговых агентств. Страны одна за другой убеждались, что глобализация требует увеличения доли временного труда.

Все это сопровождалось явлением, которое называется неуклюжим словом «триангуляция». Трудовое законодательство и коллективный договор создавались на основе прямой связи между работодателем и работником. Но на ком ответственность, если появляется третья сторона — в виде посредника? Кто контролирует (сделку) — конечный работодатель или посредник? Размывание границ принятия решений и ответственности добавляет неуверенности. Есть богатая прецедентная практика, над которой стоит поломать головы юристам. Но сами временные рабочие знают только то, что теперь они должны отчитываться перед двумя хозяевами.

Ситуация часто бывает малоприятная. В канадском Онтарио, например, на законных основаниях действуют такие агентства временной помощи, которые берут с работников подписку, что они отказываются от права выбирать рабочие места и вид работы, управлять своей «рабочей силой», то есть люди сами себя превращают в товар — и даже платят агентству, чтобы зарегистрироваться в нем. Это путь второсортного гражданина с урезанными правами. У человека, перебивающегося временной работой, ограниченный контроль над временем, он должен откликаться по первому требованию, а время, которое он потратит на работу, может превысить время выполнения непосредственного задания.

Так что тенденция к временной занятости сильна. В некоторых странах, особенно в Великобритании и США, очень мало видов занятости относят к временной, поскольку работающие на краткосрочном контракте в расчет не принимаются, даже притом, что у них нет гарантий занятости и, по сути, они временные работники во всех отношениях, кроме названия. Очередное британ-

ское правительство увеличило срок, в течение которого наемные работники не имеют гарантий, и снизило затраты работодателей на расторжение контракта. Это вывод за штат путем обворовывания сотрудников. В других странах в попытках защитить «стандартные трудовые отношения» профсоюзы, правительства и основные работодатели разрешили временную работу наряду со штатной, создав двойственную рабочую силу.

Доля временных работников не уменьшается. Напротив, финансовый шок 2008 года и последовавшая за ним рецессия дали фирмам удобный повод избавиться от «постоянных» сотрудников и нанять побольше временных. К 2010 году временные сотрудники в Японии составляли более трети трудовых ресурсов и более четверти работников самого трудоспособного возраста. В январе 2009 года 500 незадолго до того уволенных бездомных рабочих разбили палаточный лагерь в центре Токио. Когда вокруг собрались зеваки и телерепортеры, городские власти отреагировали следующим образом: протестующим подыскали жилье в неиспользуемых общественных зданиях. И хотя жить там разрешили всего неделю, это вселило в прекариат уверенность, показав общественности, насколько распространено отсутствие социальной защиты. До этого считалось, что о людях заботятся семьи и фирмы, а значит, государству делать этого не нужно. Так что безработному было не просто попросить о помощи. Этот случай ознаменовал сдвиг в общественном восприятии. Прекариат неожиданно стал реальностью.

В США во время кризиса фирмы прибегли к тактике, которая использовалась после крушения советский системы в 1991 году, переведя постоянных сотрудников на «контрактный статус», чтобы избежать фиксированных издержек. В случае с Советским Союзом миллионы рабочих были отправлены в «неоплачиваемые отпуска», а их трудовые книжки по-прежнему оставались в фирмах. У людей оставалась иллюзия, что работа у них все еще есть, но это приводило к обнищанию, а некоторых даже довело до смерти. В США в результате перевода сотрудников на временные контракты они лишались медицинской страховки, оплачиваемых отпусков и т.п. Было бы преувеличением сказать, что США точь-

в-точь повторяли советский путь, однако тактика выталкивания рабочих в прекариат принесла людям немало страданий.

В Европе также поощряется временная занятость. Германия добавила миллионы рабочих к категории временных (Zeiterbeit). В Великобритании лейбористское правительство противилось, а затем отложило реализацию директивы Евросоюза, дающей работникам, нанятым через агентства временного трудоустройства, такие же права, как и штатным, с такой же оплатой труда, отпусками и основными условиями. Это делалось с расчетом сохранить привлекательность Великобритания для иностранных инвестиций. Однако лишь закрепило за работающими по временному контракту статус прекариата.

Испания тем временем стала образцом многоуровневого рынка труда; половина трудоспособного населения этой страны находилась на временных контрактах. В 2010 году Организация экономического сотрудничества и развития подсчитала, что 85 процентов потерянных рабочих мест в Испании после финансового краха относились к временной занятости. Заверяли, что постоянные работники оставались на своих местах, потому что увольнять их было слишком дорого. Но высокие затраты на штатных сотрудников уже вызвали подвижки в сторону найма временных работников, а также к аутсорсингу и найму мигрантов. Правительство и профсоюзы отреагировали на первые призывы к мобильности сохранением гарантий для постоянных работников и созданием буфера из временных. Это привело не только к формированию многоуровневой рабочей силы, но и к тому, что прекариат невзлюбил профсоюзы, которые заботились о своих членах за его счет.

Еще один аспект гибкости численности — рост частичной занятости. Причины этого — изменившееся положение женщин и уклон в сторону сферы услуг. В США в середине 2009 года Бюро трудовой статистики подсчитало, что более 30 миллионов людей «по необходимости» работают с частичной занятостью, и их оказалось вдвое больше, чем безработных, так что уточненный уровень безработицы составил 18,7 процента. Бóльшая часть такой работы так и останется частичной и малооплачиваемой, даже если экономика оживится.

Понятие «частичная занятость» может ввести в заблуждение, поскольку бóльшая часть того, что считается частичной занятостью, на самом деле такой не является. Как еще будет рассмотрено в пятой главе, фирмы знают много способов, как платить людям вроде бы за почасовую работу, но вынуждая их работать больше часов, чем учитывается при оплате. Как рассказала одна женщина в интервью *Wall Street Journal* (Maher, 2008): «Я вроде как частично занята, а работаю полный день». Многим приходится работать неполный день в двух местах, чтобы оплачивать счета или подстраховаться от потери одного из мест.

Гибкость численности также связывали с аутсорсингом (передача функций внешним исполнителям) и офшорингом (перенесением производственных процессов за границу). Финансовый кризис ускорил по всему миру сдвиг в сторону подрядов, даже когда производство и занятость сокращались. Менеджмент отчаянно искал способы уменьшения затрат. Один из них — переключить менее срочные поставки на агентированные суда, что давало больше возможностей для офшоринга, прежде ограниченного из-за необходимости дорогого воздушного транспорта. Компании также стали активнее искать исполнителей и «берега» поближе. Надо ли говорить, что гарантии занятости во всех этих областях призрачные.

И наконец, есть еще такие уловки, как «договор с нулевым временем», когда с кем-то заключают трудовое соглашение, но при этом не уточняют, сколько часов в день (а также дней в неделю) он должен работать и сколько ему за это будут платить. Еще одна уловка — это принудительный «неоплачиваемый отпуск», а по сути временное увольнение, иногда это несколько месяцев подряд без зарплаты, в каких-то случаях — раз в неделю один неоплачиваемый выходной. Это один из рычагов гибкости. Еще одна хитрость — использование стажеров. После экономического кризиса число людей в этом необычном статусе резко увеличилось. Правительства поощряли эту затею и выделяли субсидии. Как и неоплачиваемые отпуска, эти меры здорово помогли работающим и безработным, а бóльшая часть затрат легла на плечи стажеров и их семей.

С учетом всех тонкостей гибкости численности, в итоге получается незащищенная рабочая жизнь для всё большего количества людей, стоящих вплотную к прекариату. Каждый год примерно треть наемных работников в странах ОЭСР по той или иной причине уходит от своего работодателя. В США ежегодно 45 процентов трудоустроенных покидают свои рабочие места. Образ долговременного трудоустройства обманчив, даже притом что меньшинство все еще держится за него. Треть увольнений объясняется созданием и закрытием фирм.

В 1960-е годы типичный работник, выходящий на рынок труда в промышленно развитой стране, мог ожидать, что до наступления пенсионного возраста сменит четырех работодателей. В условиях того времени имело смысл отождествлять себя с фирмой, в которой он работал. В наши дни это было бы большой глупостью. Сейчас типичный работник — вероятнее всего, женщина — может рассчитывать на то, что сменит девять работодателей, прежде чем достигнет 30-летнего возраста. Такова степень изменений, которые несет с собой гибкость численности.

- Функциональная гибкость и негарантированность рабочего места

Функциональная гибкость нужна для того, чтобы фирмы могли изменять систему разделения труда быстро и без затрат, переводя работников с одной должности на другую, с одного рабочего места на другое и меняя для них задания. При мировой конкуренции и продолжающейся технологической революции вполне понятно, почему компании этого хотят и почему правительства этому охотно способствуют. Однако это сопряжено с болезненными изменениями, которые коснулись прекариата. Если гибкость численности ведет к отсутствию гарантий занятости, функциональная гибкость усиливает негарантированность рабочего места.

Одно из послаблений связано с укреплением административной прерогативы в организации процесса работы, именно за это в 1970–1980-е годы шла борьба между работодателями с одной

стороны и профсоюзами и профессиональными организациями — с другой. Работодатели победили. Более жесткая субординация для работников способствовала «пролетаризации» (Standing, 2009), но, как ни странно, была необходима и для «прекариатизации». Установление административного контроля над распределением труда позволило руководству предприятия создать гибкие договоренности, в том числе ослабляющие возможности профессионального роста.

По мере того как все больше предприятий становились транснациональными, управленческий аппарат мог менять сферы деятельности и функции предприятий в пределах своей компании и сети поставщиков. В лексиконе управленцев и тех, кто занимается анализом труда, появились новые понятия. Аутсорсинг стал универсальным словом для всех перекрестных процессов. Возможность контролировать разделение труда облегчила офшор (перевод сотрудников или задач на другую фабрику или в другую страну), а также переход от аутсорсинга (внешнего подряда) к инсорсингу (внутреннему подряду) или наоборот, в зависимости от того, что выгоднее.

Думающий о прибыли менеджер или инженер мог бы только порадоваться такой возможности переключаться. Но подумаем о том, что это означало для рабочих. Многие из них никогда не могли сами влиять на свою карьеру, так что не стоит с ностальгией оглядываться на некий идеализированный «золотой век» (Sennett, 1998; Uchitelle, 2006). Но сейчас таких людей стало гораздо больше. Укрепление прерогативы управления означает, что незащищенность рабочего места стала новой нормой. Может ли человек делать карьеру и приобретать профессиональный статус, когда его в любой момент могут перевести на другую должность или следующая ступень карьерной лестницы вдруг окажется занята внешним подрядчиком?

Похожая тенденция наблюдается и в индивидуальных трудовых соглашениях — это следствие «контрактизации» жизни. В индустриальном обществе нормой считался коллективный договор, заключаемый в результате коллективной договоренности и иногда распространявшийся на другие фирмы в данном секторе.

Но по мере того как профсоюзы и коллективные переговоры отходили на второй план, все большее значение приобретали индивидуальные соглашения. В какой-то момент рабочих, связанных договором, стало меньше, но тенденция к индивидуальным договоренностям остается. По таким договорам фирмы имеют возможность оговаривать для своих работников самый разный режим, разные гарантии и статус, а также перенаправлять одних работников в салариат, других — на стабильные рабочие места, а кого-то — в прекариат, усиливая разделение и иерархию.

Индивидуальные трудовые соглашения позволяют работодателям ужесточать условия, чтобы минимизировать для фирмы неопределенность, связанную с угрозой взысканий за нарушение договора. Индивидуальное трудовое соглашение стало почти глобальной тенденцией с тех пор, как в Китае были приняты Закон о труде от 1994 года и Закон о трудовых соглашениях от 2008 года, в которых закреплялись понятия срочных контрактов и контрактов без определенного срока действия. Это привело к бурному росту аутсорсинга и триангуляции: фирмы учились минимизировать затраты и заключали трудовые соглашения. Поскольку в Китае самый динамичный и обширный рынок труда, эти изменения ознаменовали начало перехода к многоуровневой мировой рабочей силе, когда привилегированный салариат трудится бок о бок с растущим прекариатом. Индивидуальные трудовые соглашения, вывод за штат и прочие формы внешней мобильности связаны с другим неуклюжим понятием — «терциаризация». Оно включает себя нечто большее, чем то, что вкладывается в понятие «третичный сектор», подразумевающий переход в сферу услуг. Десятки лет мировое производство и занятость постепенно переключались на сферу услуг. Популярный термин «деиндустриализация» обманчив, поскольку он подразумевает сокращение и утрату производственных мощностей, однако бóльшая часть изменений вызваны научно-техническими достижениями и изменением характера производства. Даже в Германии, стране с большим объемом экспорта, доля промышленного производства в общем объеме производства и занятости упала до 20 процентов. Во Франции, Великобритании и США этот показатель еще ниже.

Терциаризация подразумевает сочетание разных видов мобильности, когда разделение труда гибкое, размыты границы между рабочим местом, домом и местами общественного пользования, рабочие часы подвижны и люди могут иметь несколько рабочих статусов и несколько трудовых договоров одновременно. Она возвещает новую систему контроля, при которой акцент делается на том, как люди используют свое время. Одно влиятельное суждение об этом явлении высказала итальянская школа. Опираясь на марксизм и идеи Фуко (1977), она описывает этот процесс как создание «общественной фабрики», где общество — продолжение рабочего места (Hardt, Negri, 2000).

Но этот образ не совсем верный. Фабрика — это символ индустриального общества, где труд определялся периодами времени, общества с массовым производством и механизмами прямого контроля на фиксированных рабочих местах. Это не похоже на современную третичную систему. Мобильность означает больше «работы ради работы», стирание границ между рабочим местом, домом и общественными местами и переход от прямого к различным видам непрямого контроля, в которых задействованы все более сложные технические средства.

При функциональной мобильности и терциаризации получила распространение удаленная работа, разделение наемных работников с тенденцией их полного изолирования. Разумеется, многие рады возможности работать, не выходя из дома. В фирме IBM, первой применившей дистанционный труд, 45 процентов сотрудников не ходят в офис регулярно, и компания экономит на этом 100 миллиардов долларов ежегодно (Nairn, 2009). Сотрудникам все чаще выделяют «профили в роуминге», позволяющие им передавать данные и файлы на компьютерную станцию, которую они используют, в том числе на переносной ноутбук. Виртуальные рабочие места стали очень популярны, ведь сотрудники могут работать «дома» и вообще где угодно. Такая организация труда позволяет экономить на офисе, дает возможность компании шире привлекать таланты (в том числе оставлять на рабочих местах женщин после рождения ребенка) и осуществлять свою деятельность без оглядки на официальную продолжительность рабочего

дня, устраняет вероятность офисных интриг и вмешательства коллег, да и с экологической точки зрения все это тоже полезно. Однако обратная сторона медали — нет неформального обмена информацией и меньше ощущается «корпоративный дух».

К тому же удаленные сотрудники рискуют быть вычеркнутыми из официального списка служащих — из-за налогов и взносов в фонд социального страхования. Часть их работы могут не отражать в отчетах, желая скрыть продолжительность труда или доход или с целью усилить эксплуатацию работника, предоставляющего услуги. Такой теневой труд неизбежен в третичной рыночной экономике.

- Демонтаж профессий

Помимо функциональной гибкости и удаленной работы изменения в организации занятости привели к тому, что людям стало труднее контролировать и развивать свой профессиональный потенциал. В эпоху глобализации правительства потихоньку «разобрали» институты «саморегуляции» профессий и ремесел, а на их месте выстроили искусные системы государственного регулирования. Эти системы мешают профессиональным организациям утверждать и воспроизводить свою этику, свои распорядки, устанавливать расценки и распределять вознаграждения, насаждать дисциплину и применять санкции к своим членам, определять способы карьерного продвижения и много чего еще.

Атака на профессиональную саморегуляцию была частью неолиберальной повестки дня. Милтон Фридман, архитектор монетаризма и после Фридриха Хайека самый влиятельный экономист, дававший советы Тэтчер, Рейгану и чилийскому Пиночету, впервые показал, на что он способен, выпустив в 1945 году книгу, содержащую нападки на профессию медиков (Friedman, Kuznets, 1945). Неолибералам понадобились правила, заглушающие любой коллективный голос. Профессиональные сообщества числились первыми в списке на уничтожение.

Государственное регулирование усилилось за счет профессионального лицензирования и перехода в лицензировании

к государственным организациям, ратующим за конкуренцию и рыночный подход. К профессиональным организациям стали предъявлять антимонопольные правила. Профессии, имеющие свои правила, стали считать помехой рынку, поскольку они действуют как монополисты. В результате стало еще больше людей, которым полагалось получать лицензию на профессиональную деятельность и сообразовываться с рыночной практикой.

Перемены были грандиозные. Сегодня в США более 1000 профессий подлежат лицензированию, а это более 20 процентов трудовых ресурсов. В других странах лицензирование тоже быстро распространялось. И если предполагалось, что министерства труда или их эквиваленты возьмут на себя ответственность за регулирование профессиональных практик, на деле ответственность перекладывалась на министерства финансов. Верховный суд и Федеральная торговая комиссия США положили начало этой тенденции в 1970-е годы, отменив пункты в антимонопольных правовых актах, где делалось исключение для профессий. Постепенно конкуренция и финансовые институты стали определять, что профессионалы могут, а чего не могут делать. В Австралии все профессии находятся в ведении Австралийской комиссии по защите потребителей и конкуренции (Competition and Consumer Commission), в Бельгии и Нидерландах профессии регулируются антимонопольными органами этих стран. В Великобритании соответствующие органы под надзором правительства поставили конкуренцию и интересы потребителей во главу угла.

Рыночное регулирование сопровождалось либерализацией профессий, в какой-то степени организованной международными регулирующими механизмами, такими как Генеральное соглашение о торговле услугами, принятое Всемирной торговой организацией, и Директива об услугах Евросоюза (Services Directive). Национальные рынки открылись для иностранной конкуренции в области профессиональных «услуг» в странах, где до этого вопрос о том, кто может заниматься юридической, бухгалтерской практикой, работать архитектором, слесарем и т.п., подлежал национальной юрисдикции.

Даже профессии, которые казались несокрушимым оплотом салариата и класса специалистов, приобрели неявную тенденцию прекариатизации — из-за урезанных «карьер». В финансовом секторе большинство людей заняты на краткосрочных работах. В зале торгов из 1000 человек может быть пятьдесят старше 40 лет и только десять старше пятидесяти. Пик карьеры может наступить всего через пять лет. Лишь немногие становятся победителями и купаются в деньгах. Некоторые переходят в салариат на административные посты. Другие терпят неудачу и переходят в прекариат. Не удивительно, что после 2008 года в США появились частично занятые мини-финансисты, которые совершают торговые операции для нескольких своих клиентов, сидя в спальнях или на кухнях, как воображаемых, так и реальных. Расслоение глубоко проникает во все профессии.

При отсутствии гарантий рабочего места (а это обратная сторона функциональной гибкости и связанного с ней перерегулирования профессий) предприятия могут разделять работников практически по классам, задвигая менее успешных исполнителей в угол или на должности, не требующие высокой квалификации, и приберегая престижные штатные должности для любимцев. Хотя решения, приводящие к расслоению, могут быть связаны с оценкой способностей, контроль над профессиональными структурами посредством менеджеров и административных правил увеличивает масштабы выталкивания людей из профессиональной ниши в прекариат. Это может пагубно сказываться на стремлении к обучению. Зачем стараться приобретать профессиональные навыки, если не от меня зависит, как я буду их применять и совершенствовать?

Такое регулирование приводит к расслоению внутри профессий, порождая «псевдопрофессии», связанные с прекариатом. Согласно анализу национального стратегического профессионального потенциала (National Strategic Skills Audit) 2010 года, среди видов деятельности, получивших наибольшее распространение в Англии за последние десять лет, несколько современных профессий и специальностей: должностное лицо органа охраны окружающей среды, специалист по городскому планированию,

психолог, парикмахер-стилист, но бóльшая часть списка — полупрофессиональные занятия, такие как младший медработник, помощник по правовым вопросам и помощник преподавателя. Это свидетельствует об ослаблении профессиональных сообществ и их разделении на элиты и прекариат, причем последний уже не может подняться вверх по социальной лестнице. Данный процесс, в частности, воплотился в британском Законе о юридических услугах 2007 года, который называют законом «Теско», — он разрешает оказывать типовые юридические услуги, в том числе в супермаркетах, помощникам по правовым вопросам с минимальной подготовкой, не имеющим никаких шансов стать настоящими юристами.

И наконец, возникла сфера профессиональной реструктуризации, отражающая «товаризацию» фирм, которая лишь подстегнет тенденцию прекариатизации. Это товаризация менеджмента, иллюстрацией которой служит увеличение числа временных управляющих, нанятых непосредственно или через агентства — для осуществления краткосрочных проектов. Если руководители школ менеджмента настаивают на том, что менеджер не профессия, стоит ли удивляться, если многие временные управляющие из высококлассных специалистов превратятся в прекариат разового использования.

- Гибкость системы заработной платы: реструктуризация общественного дохода

Одно из главных требований глобализации — гибкость заработной платы. Под этим понятием подразумевается целый ряд перемен, вызвавших рост прекариата. По сути, не просто произошло снижение уровня дохода для большинства работников, но и сам доход становится все более нестабильным. Это особенно заметно на примере общественного дохода, о чем уже говорилось в первой главе.

Происходит реструктуризация общественного дохода. Во-первых, в промышленно развитых странах наблюдается стагнация заработной платы, во многих странах зарплата «заморозилась»

на несколько десятилетий. Небывалых масштабов достигло различие в уровнях заработной платы, в частности штатных работников и тех, кто близок к прекариату. Например, в промышленном секторе Германии зарплата постоянных работников возросла, тогда как зарплата тех, кто заключает «нетипичные» трудовые договоры, резко снизилась. В Японии временным работникам выплачивают зарплату, составляющую 40 процентов от того, что получают штатные сотрудники за аналогичную работу, к тому же им не полагаются ежегодные премии, составляющие примерно 20 процентов от общего заработка. Временные работники даже вынуждены больше платить за еду в столовых на предприятиях или в учреждениях. Когда после рецессии 2008–2010 годов зарплаты «разморозились», уровень зарплат сократившейся группы салариата оказался выше, а у временных рабочих ниже, чем был до этого.

В отличие от остальных групп прекариат в основном рассчитывает на денежное вознаграждение за труд. В двадцатом веке салариат и пролетариат стали больше полагаться на другие виды вознаграждения. Произошло смещение с зарплат на пособия и льготы предприятий и государственные пособия — в основном для работников, занятых полный день. Такое смещение было заметнее всего в Советском Союзе и Китае, где система «данвэй» («железная чашка риса») давала работникам государственных предприятий право на пожизненные льготы и услуги, при условии что они будут послушны. Смещение от денежного вознаграждения к другим видам происходило также и в странах с развитой социальной системой, причем в Западной Европе — больше к государственным пособиям, а в США и Японии — к льготам и пособиям предприятий. То же наблюдалось и в развивающихся странах, где «современный сектор» копировал то, что происходило повсюду.

Некоторые исследователи, например Эспен-Андерсен (Esping-Andersen, 1990), назвали такой отход от зарплат «трудовой детоваризацией», имея в виду, что рабочие в своих доходах становятся менее зависимы от рынка. Но это не совсем верно, поскольку для того, чтобы иметь право на бóльшую часть таких

пособий и льгот, нужно было регулярно участвовать в рынке труда или иметь «кормильца» на стабильной должности. Более точное определение — «мнимая детоваризация». Работники вынуждены подчиняться диктату рынка, чтобы получить эти виды общественного дохода, а это вовсе не значит, что доход становится свободен от рынка.

Так или иначе, но глобализация повернула вспять тенденцию перехода от зарплат к пособиям. Тогда как за салариатом по-прежнему оставалось право на целый ряд пособий и льгот от предприятий (премии, оплаченный бюллетень по болезни, медицинская страховка, оплаченные отпуска, детские сады и ясли, доплата на транспортные расходы, доплаты за жилье и многое другое), сокращающееся «ядро» теряло их одну за другой. Прекариату они и вовсе не полагались. Вот так гибкость заработной платы и сформировала прекариат. Денежные отчисления и предоставление льгот и услуг со стороны работодателя стали включать в себя в основном затраты на оплату труда, особенно в промышленно развитых странах. В условиях конкуренции с Киндией фирмы разгружались от этих затрат, переходя на подряд (аутсоргинг) и офшор и превращая все больше трудовых ресурсов в прекариат, в основном за счет использования временных работников, не имеющих права на льготы и пособия.

Это и называется *ретоваризацией* труда, поскольку оплата труда происходит в основном за счет денежных вознаграждений. Фоном для нее служит все более случайный, несистемный характер занятости и конкурентная гонка. Можно привести множество примеров, но то, что произошло в США, наиболее показательно. Притом что салариат сохранил за собой право на льготы предприятия, ядро работников выталкивалось в сторону прекариата. Доля американских фирм, предоставляющих пособие на медицинское обслуживание, сократилось с 69 процентов в 2000 году до 60 процентов в 2009-м. В 2001 году работодатели оплачивали медицинскую страховку 74 процентам своих сотрудников, к 2010 году — уже 64 процентам. В 1980-м работодатели в США вносили 89 процентов в фонд пенсионного обеспечения, к 2006 году эти взносы сократились до 52 процентов (Dvorak,

Thurm, 2009). К 2009 году лишь 50 процентов американских рабочих имели пенсионные накопления от взносов предприятий.

Главная причина в том, что американские фирмы пытались урезать расходы, приспосабливаясь к кризису глобализации. В 2007 году работодатели в США, все еще предоставлявшие медицинскую страховку, платили в среднем 6700 долларов за человека в год — вдвое больше, чем в 2001 году. Одной из реакций на это была следующая: предложить основному ядру работников «высокофраншизный план медицинского страхования» (то есть с высоким нестрахуемым минимумом), по которому они должны выплачивать первый транш стоимости медицинского обслуживания в пределах определенной суммы. «Форд» в 2008 году предложил собственный «бесфраншизный» план, по которому работники и члены их семей должны были внести первые 400 долларов до начала страхового возмещения и оплачивать 20 процентов большей части счетов за медицинские услуги. Это подрывало их доход.

Тем временем обещанных пенсий предприятий лишались те, кого вытесняли в прекариат. Корпорации кинулись урезать пенсионные и прочие «наследственные издержки» — финансовые обязательства перед бывшими работниками, вышедшими на пенсию по возрасту. Широко распространенные пенсионные планы 401(k)[5],обычно позволяли работодателям варьировать свои взносы. В 2009 году более трети фирм в США урезали соответствующие выплаты по таким планам или вовсе отказались от выплат. Даже Американская ассоциация пенсионеров (ААП) — некоммерческая организация, призванная защищать людей старше пятидесяти, сделала это для собственных сотрудников. Некоторые фирмы, такие как компьютерная компания Unisys, закрыв или заморозив прежние пенсионные схемы, сначала увеличили свои отчисления, чтобы не вызывать возмущения, но впоследствии их приостановили. Пенсии предприятий находятся сейчас в свободном падении.

5 Названы так по номеру статьи Налогового кодекса США.

Это подорвало взаимные обязательства между работодателем и работником. «Форд» (Ford), для нескольких поколений служивший воплощением американского капитализма, часто приостанавливает взносы: с 2001 по 2009 год этот промышленный гигант делал взносы только два с половиной года. Постоянные работники, нанятые после 2013 года, вообще не получат пенсий от компании. «Форд» заявлял, что переходит на самоуправляемые пенсионные счета, чтобы рабочие могли сохранить пенсионную страховку при смене места работы, уверяя, что тогда молодым рабочим «больше не придется думать о карьере лишь в одной компании». На самом деле фирма урезала затраты на оплату труда и переложила риски и затраты на рабочих. Их жизнь стала более нестабильной.

В крупных автомобилестроительных районах штата Мичиган отказ от льгот предприятий замедлился из-за правительственных субсидий и повышения эффективности труда — основы экономичного производства. Но по мере того как у рабочих отбирали льготы, ряды прекариата пополнялись за счет того, что раньше считалось самым маловероятным источником. По мере того как число постоянных работников в машиностроительных фирмах уменьшалось, сократившись за период с 2000 по 2009 год на три четверти, возникла новая группа под названием «цыгане "Дженерал моторс"» — это рабочие, которые переезжали из одного места в другое, по мере того как заводы закрывались один за другим.

Если пенсии компании, на которых строился общественный договор капитализма в двадцатом веке, сводились на нет, то же самое происходило и с государственными пенсиями. Пример подала Великобритания. Британская государственная пенсия в наши дни равняется 15 процентам среднего заработка, и она все уменьшается, а пенсионный возраст собираются отодвинуть с 65 лет до 68. Предполагают, что через какое-то время на пенсию будут выходить лишь после семидесяти, а то и еще позже. Доклад Тернера перед Пенсионной комиссией[6], одобренный лей-

6 Тернер, Джонатан Эдер (Turner, Jonathan Adair) — британский бизнесмен, ученый, член Комитета по денежной политике Банка Англии, занимал должность председателя Управления по финансовому регулиро-

бористами и консерваторами, предложил сделку из трех частей: дольше работай, больше копи — и получишь очень скромную государственную пенсию. Идея была в том, чтобы сдержать размах выдачи пособий по бедности. Но если не повышать основную пенсию и не сдерживать выдачу пособий по бедности (с проверкой нуждаемости), повод делать сбережения ослабнет. А для людей с низким доходом и вовсе не будет никакого смысла делать сбережения, поскольку если они станут копить, то потеряют право на пенсию.

Еще один аспект реструктуризации общественного дохода — переход от фиксированной оплаты к гибкой. И здесь гибкость также дает преимущества работодателям и увеличивает риск и незащищенность для наемных работников. Одним из требований рабочих движений двадцатого века была стабильная прогнозируемая зарплата. Однако мировой капитализм хочет быстро отрегулировать положение с зарплатами. Если ему не удастся это сделать, следует опасаться худшего. В 2009 году по сравнению с 1994-м американские фирмы в среднем придержали вдвое большую часть фонда заработной платы, предназначавшуюся на различные выплаты, такие как премии по результатам труда (Dvorak, Thurm, 2009).

Во время рецессии в начале 1980-х получили распространение концессионные договоры, при этом профсоюзы и работники отказывались от права на льготы в обмен на повышение зарплат. В наши дни низшие категории работников лишены возможности заключать концессионные договоры; предполагается, что их зарплаты должны расти вместе с чистой прибылью, но зарплаты остаются на прежнем уровне. В 2009 году рабочие заводов «Форд» отказались от местной надбавки к заработной плате и потеряли отпускные и стипендии для детей, поступающих в вузы, а также помощь в оплате обучения. Такая система оплаты труда означала переход к более незащищенному образу жизни.

ванию и надзору вплоть до роспуска этого органа в 2013 году. Также был председателем Пенсионной комиссии и Комитета по проблемам изменения климата.

Наблюдались и дальнейшие подвижки в сторону увеличения всех видов мобильности, включая демонтаж профессий. Так, «Форд» заключил с профсоюзом United Auto Workers коллективный договор, по которому замораживались начальные зарплаты, запрещались забастовки и рабочие получали надбавку за то, что соглашались с этими условиями. Следом такие же сделки провернули GM и Chrysler, вдобавок эти предприятия сократили число основных ставок зарплаты, в случае GM — до трех ставок для квалифицированных профессий.

Такие преобразования — часть процесса адаптации, который наблюдается во всем мире. Круг сужается. Когда рабочие в Китае стали бить тревогу, требуя увеличения зарплат и улучшения условий труда, транснациональные компании торжественно выложили кучу денег на зарплаты, но за это отобрали льготы предприятий. Рабочие «Фоксконна» в Шэнчьжэне получали бесплатное питание, одежду и место в общежитии. В июне 2010 года, объявляя о втором серьезном повышении зарплат, глава «Фоксконна» сказал: «С сегодняшнего дня мы передаем эти социальные функции обратно государству». Компания перешла на денежную форму оплаты труда, и создавалось впечатление, будто работники получают больше (рост зарплат составил 96 процентов), но при этом менялся вид вознаграждения и характер трудовых отношений. Глобальная модель добралась и до Китая.

Прекариат в полной мере почувствовал, что несет с собой гибкость заработной платы. Его заработок ниже, он более непостоянный и более непредсказуемый. Непостоянство вовсе не то, что нужно для счастливой жизни. Когда у человека, относящегося к прекариату, потребность в финансах больше обычного — например, он заболел или случилось горе в семье, то, скорее всего, его доход будет ниже среднего. А его экономическая нестабильность еще больше усиливается из-за особенностей работы кредитных рынков. Для такого человека не только цена получения займа будет выше — из-за проблематичной кредитоспособности, но также и нужда в займе будет сильнее, поэтому многие в отчаянии берут «акулий заем» по непосильно высокой процентной ставке и с нереальным графиком погашения.

Есть множество научных работ и совсем немного художественных произведений, показывающих, как в бедных сообществах один вид негарантированности дохода усиливает остальные. Человек с нестабильным доходом, особенно если он то и дело переходит с одной кратковременной низкооплачиваемой работы на другую и имеет дело с недружественной и головоломной системой пособий, быстро и легко оказывается в числе хронических должников.

Долгие годы пагубные последствия реструктуризации общественного дохода и стагнации заработной платы как-то компенсировались государственными субсидиями. О них мы поговорим позже. Но стагнация заработной платы и экономическая нестабильность тех, кого толкают в прекариат, прикрывались дешевыми кредитами, на которые во многих странах ОЭСР выделялись правительственные субсидии. Семьи, принадлежащие к среднему классу, призывали потреблять больше, чем позволяли их доходы, — ловко маскируя тот факт, что заработок неуклонно уменьшался. Это была медвежья услуга. Кризис развеял иллюзию, что все получают выгоду от второго «позолоченного века» бурного экономического развития. Внезапно миллионы американцев и европейцев оказались близки к прекариату.

Короче говоря, общественный доход при мировом капитализме — вещь все более ненадежная. Когда компании «путешествуют налегке», это выливается в нестабильный многоуровневый доход для прекариата. А такая реструктуризация дохода означает, что для тех, чье экономическое положение нестабильно,возрастает *стоимость* жизни. Рыночное общество, которому свойственна нестабильность и подвижность, подсказывает, что лучше застраховаться, вознаграждает тех, кто так поступает, и наказывает тех, кто не может этого сделать. Люди, заключившие временный трудовой договор, не только с большей вероятностью будут испытывать финансовую нужду, им будет гораздо труднее и дороже получить страховку.

Последний аспект реструктуризации общественного дохода в эпоху постглобализации состоит в том, что, если прежде социальное государство, отдельные люди и семьи могли рассчитывать

на неформальные механизмы общественной помощи, теперь таких механизмов не находят — их просто нет. Они были ослаблены ростом государственных пособий и льгот предприятий. На протяжении десятилетий люди привыкли думать, что в них нет необходимости, и они постепенно отмирали. Но когда фирмы освободились от льгот и пособий предприятий, а государство перешло на пособия с проверкой нуждаемости, оказалось, что на поддержку малых сообществ тоже нельзя рассчитывать. «Когда вы в них нуждаетесь, они не придут вам на помощь», — сказал корреспонденту *Financial Times* один 59-летний испанский безработный, который безуспешно просил родственников о поддержке (Mallet, 2009). Система семейной взаимовыручки развалилась. Таким образом, прекариат оказался в уникальном положении. В отличие от старого пролетариата и салариата он не имеет льгот и пособий от предприятия, дающих гарантию дохода, и не получает социальной поддержки, основанной на личном вкладе. И хотя он должен рассчитывать на денежное вознаграждение, оно ниже и более нестабильно и непредсказуемо, чем у других групп. Неравенство в доходах и льготах все заметнее, и прекариату, отброшенному назад, остается полагаться только на ослабленную систему социальной защиты в малых сообществах.

Безработица и нестабильность

Безработица — часть жизни прекариата. Неоднократно делались попытки пересмотреть отношение к ней. В эпоху, предшествующую глобализации, считалось, что безработица обусловлена экономическим и структурным факторами. Безработный — несчастный, которому просто не повезло, он оказался в неправильное время в неправильном месте. Система пособий по безработице основывалась на принципе социального страхования, каждый вносил свой вклад — таким образом люди, для которых вероятность стать безработными мала, субсидировали тех, для кого такая вероятность выше.

Эта модель развалилась, хотя в остаточной форме еще сохраняется в некоторых странах. Все меньше работников в состоянии

делать взносы или рассчитывать, что кто-то их сделает за них, и еще меньше людей, которые удовлетворяют требованиям для выдачи таких пособий. Но в любом случае официальное отношение к безработице радикально изменилось. При неолиберальной модели экономики безработица стала делом личной ответственности, чем-то почти «добровольным». Людей стали рассматривать как более или менее «трудоспособных», а значит, проблему безработицы можно решить, повысив их трудоспособность, обновив их «навыки» или изменив их «привычки» и «настроения». Это упростило переход к следующей стадии — обличать и стыдить безработных как лодырей и иждивенцев. К чему это привело, мы еще поговорим в шестой главе. А сейчас лишь рассмотрим, как безработица сказалась на прекариате.

Первая рецессия в эпоху глобализации в начале 1980-х годов привела к тому, что изменилось официальное отношение к нижнему сегменту рынка рабочей силы, где уже начал возникать прекариат; по-новому также стали оценивать свое положение и те, кто терял работу. В Великобритании гибкие зарплаты и нестабильная работа наряду с высоким уровнем безработицы привели к тому, что рабочие, в особенности молодежь, стали воспринимать «подачку» как некую доблесть — знак того, что они с презрением отказываются от предлагаемых «паршивых» рабочих мест, — и этот отказ подхватили поп-группы, такие как UB40, участники которой сами стояли в очередях за пособием, а название группы означает «бланк № 40 для заявления на пособие по безработице». Хоть это и затронуло только малую часть молодежи с рабочих окраин, однако помогло изменить официальное отношение к безработице, дав повод возродить образ беззаботного бездельника-бедняка.

Реальной проблемой был гибкий рынок труда. Если зарплаты уменьшаются, а нестабильных рабочих мест все больше, пособие по безработице становится чуть более привлекательным. Признавая это, правительства промышленно развитых стран уменьшили размер пособий и сделали так, что получить пособие стало труднее, как и сохранить право на него. Таким образом, отбрасывалась сама суть страхования и его декларируемая цель —

предоставление адекватного дохода для компенсации «временной неспособности зарабатывать», используя выражение Уильяма Бевериджа (Beveridge W., 1942: 7). Но ловушки безработицы ширились, поскольку потеря пособия, вызванная тем, что человек поступал на малооплачиваемую работу, приводила к повышению реальной ставки налога до ста и более процентов.

Этот порочный круг заставил правительства пойти на малоприятные меры. По мере того как уровень зарплат падал, а малооплачиваемые работы становились нормой для нижнего сегмента рынков труда, возрастал валовой процент замещения[7]. Комментаторы из среднего класса жаловались на «чрезмерную щедрость» выплат и заявляли, что, поскольку «работать стало невыгодно», пособия следует урезать. Чтобы работать стало «выгодно», правительства ввели пособия работающим и налоговые льготы для тех, кто получает зарплату и жалованье, — а это верный путь к диспропорциям и неэффективности. Но ловушка безработицы никуда не делась, поэтому политики попытались вынудить безработных устраиваться на работу, какой бы неприятной и малооплачиваемой она ни была.

Глобальная реформа пособий по безработице создала подходящую почву, на которой возрос прекариат. И хотя в разных странах это происходило не совсем одинаково, тенденция была общая. Но главное — изменился сам образ безработного. Теперь, как принято считать, это человек нетрудоспособный, с личными недостатками и чрезмерными запросами в отношении зарплаты или должности. Система пособий предполагает, что сначала нужно проверить, достоин ли человек хоть какой-то помощи, а соответственно, к нему стали предъявлять требования — например, вести себя определенным образом, чтобы заслужить вспомоществование.

Хотя страхование на случай безработицы еще сохраняется в нескольких странах, условия для получения такого пособия

7 Процентное отношение суммы социальной выплаты (например, пенсии, пособия по безработице и т. д.) к сумме заработка до вычета налогов за такой же период (например, за месяц).

всюду ужесточились, периоды, когда человек имеет право на пособие, сократили, а выплаты урезали. Во многих странах лишь малая часть безработных получает пособия, и таких людей все меньше. Получили распространение пособия с проверкой нуждаемости, с вытекающими из этого требованиями к поведению.

В США, как правило, претендовать на пособие могут те, кто не меньше года проработал на последней работе на условиях полной занятости. Более половины безработных (57 процентов в 2010 году) не подпадают под эту категорию. Но на самом деле ситуация еще хуже, поскольку многие из тех, кто не соответствуют этому требованию, выпадают из массива рабочей силы. Две трети опрошенных признались, что боятся потерять пособие до того, как найдут работу. К 2010 году уровень бедности среди безработных и частично безработных был выше, чем в любой из периодов начиная с 1930-х годов: каждый из девяти американцев живет на продовольственные талоны. На каждую вакансию претендовало шесть зарегистрированных соискателей (до кризиса их было почти 1,7), а от длительной безработицы страдают 40 процентов от общего числа безработных — намного больше, чем во время предыдущих рецессий. Это была единственная рецессия со времен Великой депрессии 1930-х годов, которая свела на нет рост рабочих мест, возникших во время предыдущего циклического подъема.

Механизм по созданию рабочих мест, исправно действовавший в богатых странах, дает сбои. Это началось еще до кризиса 2008 года. В США рост ВВП замедлился в период между 1940 и 2000 годами, но рост безработицы замедлился еще сильнее. В 1940-х число занятых в неаграрном секторе возросло почти на 40 процентов, этот рост замедлился в 1950-е, слегка ускорился в 1960-е, упал до 28 процентов в 1970-е и до 20 процентов в 1980–1990-е. Но в 2000-е годы занятость даже уменьшилась на 0,8 процента. Работа не «исчезала», но мировой рынок набирал обороты, оставляя американских рабочих позади.

В условиях глобализации рынка труда рецессии ускоряют рост прекариата. Теперь, когда стало больше временных и других незащищенных рабочих, большие масштабы приобретает потеря

рабочих мест в первой фазе рецессии. Давно прошли времена, когда большое число рабочих временно увольняли, сохраняя за ними места до тех пор, пока спрос не вырастет. Те, кто оказался на обочине, первыми теряли работу. Однако до рецессии они могли и не появиться в статистике занятости или же в статистике безработицы. Это помогает понять, почему в некоторых европейских странах с большим числом рабочих-нелегалов или мигрантов после 2008 года наблюдался лишь небольшой рост официальной безработицы и незначительное уменьшение официальной занятости.

Фирмы использовали рецессию, чтобы перевести больше труда в зону прекариата или реструктурировать его иными способами, в том числе чаще прибегая к офшору и аутсорсингу. Последовавшие вслед за рецессией в США процессы привели к довольно вялому оживлению рынка труда и при этом вызвали мощную волну длительной безработицы. Когда экономический рост оживился после рецессий 1970-х — начала 1980-х, безработица распространилась сразу же и была значительной. Когда же после рецессий 2008–2009 годов рост возобновился, число рабочих мест не увеличивалось более года. Действительно, штаты крайнего юга США теряли рабочие места, вызвав страх «восстановления экономики за счет потери рабочих мест».

В Германии некоторые безработные просто «улетучивались»: те, кто был родом из Восточной Европы, отправились домой в надежде на поддержку малых сообществ у себя на родине, рассчитывая, что смогут вернуться, если на их профессии будет спрос. В США же, напротив, мигранты, теряющие нестабильную работу, не осмеливались ехать домой, опасаясь, что не смогут вернуться. Как ни странно, если бы мигрантам проще было уехать и вернуться, это могло бы повысить занятость в США.

В общем, рецессия многих отбросила в прекариат, отчасти потому, что теряющие работу переходят на более низкий уровень дохода при повторном найме. Американские исследователи (например, Autor, Houseman, 2010) обнаружили, что устроившиеся на временную работу после периода безработицы чаще всего имеют меньший годовой доход и долговременный заработок.

Вот почему безработные не готовы соглашаться на первую же предложенную им работу. Это не леность и не иждивенчество, а обычный здравый смысл.

Тем временем безработные перешли в разряд тех, кого надо «исправлять». Тенденция связывать все и вся контрактом коснулась и безработных. В некоторых странах безработных называют теперь по-новому — «клиентами» — и заставляют подписывать контракт, с определенными обязательствами и наказанием за их невыполнение. По сути, они находятся под психологическим давлением, когда это подписывают. Контракты, подписанные в таких обстоятельствах, по нормам общего права следовало бы оспорить в судебном порядке. О том, к чему это привело, мы поговорим позже.

Терциаризация коснулась и жизни безработного. У него имеется множество «рабочих мест»: биржа труда, офис выдачи пособий, курсы, где учат поиску работы, и он должен заниматься всем этим, «работая ради работы»: заполнять бланки, стоять в очередях, ездить на биржу труда, бегать в поисках работы, ездить на курсы и т.п. Безработный может быть занят целый день, и при этом должен почти все время быть наготове. То, что политики называют ленью, чаще всего мучительное ожидание у телефона в надежде на звонок.

- Ловушка нестабильности

Рынок рабочей силы, основанный на нестабильной работе, предполагает высокие трансакционные издержки для тех, кто на обочине. Эти издержки включают время, необходимое для подачи заявления на пособие, если человек безработный, отсутствие дохода в этот период, время и затраты, связанные с поиском работы, время и затраты на изучение основ новой работы, а также время и затраты на внерабочую деятельность для того, чтобы соответствовать требованиям на новом временном рабочем месте. Все вместе это может быть довольно существенно в сравнении с ожидаемым заработком. Получается так называемая ловушка нестабильности.

Исследования, проведенные в Великобритании в 2010 году компанией Reed in Partnership, помогающей безработным найти работу, показали, что в среднем затраты на получение работы (если учитывать одежду, разъезды, заботу о детях, обучение и т.п.) достигали 146 фунтов — значительная сумма для тех, кто, возможно, уже давно безработный или сменил ряд временных малооплачиваемых работ. В первый месяц на новом месте затраты составили еще 128 фунтов. Если в перспективе только временные низкооплачиваемые работы, негативный стимул из-за ловушки нестабильности еще больше, чем в обычной ловушке бедности, которой так много уделяют внимания. Руководитель фирмы Reed in Partnership отметил: «Многие из тех, с кем мы работаем, не могут даже оплатить транспортные расходы, чтобы приехать на собеседование».

Человек, перебивающийся временными работами, живет в постоянной тревоге. Возьмем, к примеру, женщину, занятую на временной работе и приспособившую свои траты к той сумме, что она получает. Но вот работа кончается. Сбережений у нее минимум. Ей придется ждать несколько недель — а может, и больше, — прежде чем она сможет получить какое-либо государственное пособие. За это время она снова приспосабливается к новым жизненным условиям, ограничивая свои запросы, но не исключено, что ей придется занимать или на ней повиснет долг из-за просроченной квартплаты и т.п. Но есть и еще одно обстоятельство. Люди на временных работах обычно не спешат за пособием. Как правило, они делают это неохотно, только если нужда заставит. Таким образом, долги и обязательства перед родственниками, друзьями и соседями возрастают, а акулы-ростовщики не дремлют. Ловушка нестабильности становится все крепче.

Если нашей женщине повезет, она может получить государственное пособие и выплатить часть долгов — какое-никакое облегчение. Но потом, возможно, ей предложат новую временную малооплачиваемую работу. Она задумается. Какие-то пособия на некоторое время ей еще оставят, по правилу «пусть работа платит», что уменьшит стандартную ловушку бедности. Но она понимает, что, когда работа кончится, ей опять предстоят пугающие трансакционные затраты. Реальность такова, что она просто

не может себе позволить эту новую работу, ведь, мало того что она лишится пособий на то время, пока будет работать, ей придется еще потратиться на то, чтобы вновь получить их. Вот это и есть ловушка нестабильности.

Ловушку нестабильности усиливает размывание поддержки со стороны сообщества. Смена временных работ и простой в промежутках не дает права на государственное пособие или пособие от предприятия, так же мало приходится рассчитывать на помощь семьи и друзей в случае крайней нужды. Это может осложняться долгом и вспышками социальной болезни (наркотики, мелкие правонарушения, например кража по мелочам в магазине). Добавьте ко всему этому стресс от неуверенности в завтрашнем дне и стыд от того, что приходится буквально продавать себя агентствам и потенциальным работодателям. Без такой мощной подпорки, как экономическая защищенность, гибкость рынка труда неизбежно дает такие результаты.

Финансовый шок

Помимо этих долговременных изменений, ведущих к безработице, был еще финансовый крах 2008–2009 годов, подстегнувший рост мирового прекариата. Тогда фирмам пришлось еще активнее сокращать затраты на оплату труда за счет увеличения мобильности рабочей силы, а правительственная политика поощряла эти усилия.

Как и следовало ожидать, прекариат первым ощутил на себе кризис. От временных работников отказаться было проще всего — просто не продлевать с ними договор. Randstad, второе по величине кадровое агентство в мире, сообщило о резком сокращении персонала по всей Европе в 2008 году, заметив, что фирмы были больше готовы пожертвовать рабочими местами, чем во время предыдущих рецессий. Но по мере того как рецессия продолжалась, стало понятно, что это рычаг для увеличения численности прекариата. По данным Adecco, крупнейшего агентства временного найма, новых работников набирали в основном на временные должности (Simonian, 2010).

В Великобритании влияние кризиса было заметно по резкому уменьшению количества наемных работников, при этом количество людей, работающих на себя, почти не сократилось. В первый год рецессии рабочих мест с полной занятостью стало меньше на 650 тысяч с лишним, а мест с частичной занятостью — больше на 80 тысяч, при этом 280 тысяч частично занятых сказали, что не смогли найти работу на полный день. Безработица росла быстрее, чем сокращалась занятость, в основном за счет вливания молодой рабочей силы и более активного участия в рынке труда пожилых работников, ожидающих уменьшения пенсий и сбережений.

В США фирмы отреагировали на кризис, уменьшив число работающих по долгосрочным контрактам, а других заменив новейшей техникой или передав задания на аутсорсинг, отчасти чтобы избежать затрат в случае увольнения. Опрос, проведенный в 2010 году, показал, что по меньшей мере четверть из 8,4 миллиона рабочих мест, сокращенных в США с начала рецессии, так и не восстановились (Izzo, 2010).

После сокращения рабочих мест измеренная производительность труда возросла, и это отнесли за счет того, что работодатели заставляли работников больше трудиться, сдерживая создание новых рабочих мест. Но это, по всей видимости, лишь часть правды, поскольку кризис, вероятно, подстегнул переход к аутсорсингу и теневому труду. Например, произошел настоящий бум аутсорсинга в юриспруденции. Индийская фирма Pangea3, лидер в этом нарождающемся сегменте рынка, за год увеличила свои доходы вдвое. В то время как в Великобритании и США юридические фирмы боролись за выживание, прекратив набор персонала и увольняя юристов или отправляя их в неоплачиваемые отпуска, юристы в Индии только выгадали от рецессии.

По традиции рецессии, как правило, приводят к уменьшению неравенства, но на этот раз разница в доходах только увеличилась — и в целом, и внутри определенных секторов. Так, из-за кризиса увеличилась дифференциация по доходам между ведущими юридическими фирмами и всеми остальными. Элита охраняла свои денежки и статус, сокращая некоторую часть салариата, ограничивая возможности карьерного роста для других

категорий и одновременно увеличивая число юристов, которым присуща незащищенность и нестабильность прекариата. Ведущие компании, предоставляющие финансовые и экономические услуги, также выиграли от классового расслоения, поскольку выбор в пользу репутации и имиджа — самая надежная стратегия во времена нестабильности. В то время как профессия юриста претерпевает глубочайшую реструктуризацию, остальные профессии тоже начинают двигаться в том же направлении или держат некоторое количество защищенных инсайдеров наряду с растущим числом незащищенных «малокарьерных» должностей.

В США широко применялась практика неоплачиваемых отпусков, а также неоплачиваемая сверхурочная работа. В 2010 году в 20 штатах США от наемных работников требовалось взять неоплачиваемый отпуск, и более 200 тысяч работников бюджетного сектора отправлялись бесплатно «гулять» раз в неделю, обычно по пятницам. Многие восприняли это даже с радостью, несмотря на материальные потери, поскольку могли проводить больше времени с семьей, «пятничный отпуск» стал нормой по всей стране. Но это был шаг к вытеснению работников из комфортной зоны салариата.

Неоплачиваемые отпуска получили распространение и в Европе. Одна крупная британская фирма попросила сотрудников взять двухнедельный неоплачиваемый отпуск, и 95 процентов из них согласились. Другие предлагали два месяца отпуска при сохранении половины зарплаты. Компания British Airways предоставила всем штатным сотрудникам возможность частичной занятости, многие охотно откликнулись и безвозмездно трудились в предоставленное время. Это было также золотое время для новой профессии «инструктор по персональному росту», представители которой спешили проконсультировать людей, как лучше реорганизовать свою жизнь.

В 2009 году испанский банк BBVA предложил штатным сотрудникам взять целых пять лет отпуска при сохранении 30 процентов зарплаты. Это давало среднему сотруднику не меньше 12 тысяч фунтов стерлингов и дополнительно медстраховку. Банк решил пойти на это, вместо того чтобы выплачивать шести-

недельное выходное пособие за каждый проработанный год. Работодатель понимал, что многим сотрудникам непросто будет снова привыкать к работе, когда они вернутся, но эта проблема тогда казалась весьма отдаленной.

Другой банк в другой стране высветил двойственное отношение к салариату и прекариату после 2008 года. Реакцией Lloyds Banking Group на банковский кризис, в результате которого банк субсидировало британское правительство, стало сокращение 20 тысяч рабочих мест. В октябре 2010 года банк объявил, что «минимизировал удар по постоянному штату за счет значительного высвобождения временных и контрактных работников». В другой раз, можно не сомневаться, этот банк наймет больше временных и прочих работников, которых легче уволить.

Демонтаж бюджетного сектора

Последний рубеж для прекариата — это бюджетный сектор, долгое время задававший трудовые стандарты и служивший примером стабильной занятости. Он обеспечивает высокий стабильный доход плюс льготы в виде целого ряда компенсаций, при условии соблюдения бюрократических правил и служебной этики.

Многие поколения людей представляли себе госслужбу именно так, и, хоть заработок там и не достигал заоблачных высот, в сравнении с коммерческим сектором бюджетные работники имели если не гарантию сохранения рабочего места, то по крайней мере гарантию занятости, а также стандартные пенсии, медицинскую страховку и т.п. Но как только чиновники начали выполнять приказ своих политических хозяев к переходу на частные рынки труда, пропасть между их привилегированной защищенностью и положением остальной части общества стала зияющей. Понятно, что недалек был тот час, когда гибкости потребуют и от самого бюджетного сектора. Так и случилось во время кризиса 2008 года, хотя первые признаки стали заметны задолго до того.

Атака началась с попыток коммерциализовать, приватизировать и перевести на договорную основу услуги. Стали понем-

ногу вводить временные трудовые договоры и частичную занятость с меньшей оплатой. Затем правительства предприняли наступление на весь сектор в целом. Государственные пенсии были объявлены «непозволительно большими» и «нечестными». Оправдывая урезание зарплат бюджетникам, правительства проводили параллели с частной экономикой. К тому же комплексы мер по налогово-бюджетному стимулированию, валютное стимулирование и субсидии привели к огромному государственному дефициту. И хотя бюджетный сектор был в этом не виноват, он оказался легкой мишенью для сокращения бюджета. Незащищенные частные секторы солидарности не проявили. Финансовые рынки тоже настаивали на сокращении бюджетных расходов в подтверждение того, что правительства «на правильном пути». Началось размывание бюджетного салариата.

Во всем мире бюджетный (или обобществленный) сектор превращался в зону прекариата. Сильнее всего это проявилось в США, где рьяный неолиберальный экономический фанатизм создал финансовый «девятый вал» («идеальный шторм»). Города попадали в хронические должники из-за жестких оков налогово-бюджетных правил, требующих низконалогового режима «сбалансированного бюджета». Годами бюджетники защищали свои зарплаты через собственные профсоюзы и посредством коллективных соглашений, тогда как частный сектор страдал от уменьшения зарплат и сокращения льгот и пособий. Их профсоюзы по-прежнему были крепки. В 2008 году 37 процентов государственных служащих состояли в профсоюзах, почти столько же, сколько в 1980 году, тогда как охват профсоюзами в частном секторе сократился с 20 до 7 процентов. В 2009 году впервые работники государственного сектора составили больше половины всех членов профсоюзов в стране. Они отлично защищали своих членов, но ширящееся неравенство между бюджетным и частным секторами вызывало растущее возмущение.

Кризис дал повод для уменьшения гарантий рабочего места в бюджетном (или обобществленном) секторе посредством увеличения функциональной мобильности. Административные руководители стали настаивать на том, чтобы госслужащие взяли

на себя выполнение иных заданий вместо тех, на которые они соглашались при найме. Один градоначальник в штате Арканзас сказал, явно похваляясь: «Я плачу больше денег меньшему количеству людей и использую их по полной, давая больше поручений» (Bullock, 2009). Какой-нибудь судебный секретарь теперь занимался маркетингом и вел веб-сайт, пожарные стали по совместительству шоферами машин «скорой помощи», а сотрудники станции водоочистки за доплату работали еще и водителями грузовиков. Обзоры по городам и странам показали, что многие собирались воспользоваться кризисом для такого же перераспределения труда.

Всюду политическое право использовало рецессию для усиления кампании по сокращению зарплат, премий и льгот и уменьшению гарантий занятости в бюджетном секторе. Характерно, что, комментируя ситуацию в США, журнал *The Economist* (2009) утверждал, что «госслужащие напрочь испорчены», — на основании того, что в среднем они зарабатывали на 21 процент больше, чем служащие в частном секторе, и имели больше возможностей — на 24 процента — пользоваться медицинскими услугами. Примерно 84 процента государственных и муниципальных служащих все еще имели пенсионную программу с заранее определенными пенсионными выплатами, гарантирующую пенсионерам доход на основании стажа и конечной зарплаты. Для сравнения: в частном секторе таких был 21 процент. Эти цифры можно истолковать так: вот до какой нищеты докатились частные фирмы! Или сравнить с тем, что получала в это время элита и салариат в частном секторе.

Теперь нападкам подвергаются пенсии госслужащих (работников обобществленного сектора), что грозит ухудшить перспективы дохода их отпрысков — прекариата. И снова ситуация в США самая тревожная. Национальная ассоциация специалистов по бюджету штатов (National Association of State Budget Officers) предупредила, что американские штаты столкнутся с огромным дефицитом бюджета в связи с пенсионными обязательствами. Критике госсектора поспособствовали просочившиеся в средства массовой информации рассказы о нескольких

бывших крупных госчиновниках, вышедших на пенсию и купающихся в роскоши.

Но США — это лишь первая ласточка. Атака на госсектор — часть процесса приспособления после 2008 года, происходящего во всех промышленно развитых странах. В Греции при правоцентристском правительстве к и без того огромному госсектору в период с 2004 по 2009 год добавились75 тысяч чиновников. Как только в 2010 году наступил долговой кризис, госсалариат подрезали — и греческий прекариат получил пополнение. Правительство также объявило, что устранит барьеры входа для некоторых профессий, понизив оклады для уменьшения государственных расходов. В Италии также усиливалось давление на государственный сектор. В октябре 2009 года 40 тысяч полицейских прошли маршем по Риму — с требованием повысить зарплаты и обновить парк полицейских машин. Из-за заморозки найма средней возраст итальянского полицейского составлял 45 лет. И они не одиноки, миллионы госслужащих теряли гарантии занятости. В Португалии 50 тысяч госслужащих в феврале 2010 года устроили демонстрацию протеста, выступая против замораживания зарплат, но правительство продолжило сокращение госсектора. В Ирландии, в конце 2010 года вынужденной принять помощь от Евросоюза, с большим трудом завоеванные доходы госсектора (и его порой старомодные льготы) подрезали за считанные месяцы.

В Великобритании, как и в США, две трети всех новых рабочих мест в десятилетии, предшествовавшем 2008 году, приходились на госсектор. Его сокращение увеличит численность прекариата просто потому, что поменяет соотношение государственного и частного секторов в сфере занятости. Но речь идет о том, что все больше госсектора превращается в зону прекариата — из-за приватизации, аутсорсинга и вывода за штат.

Один из аспектов этой атаки — попытка передать больше услуг общественным или неправительственным организациям (НПО). В Великобритании это преподносится как способ уменьшить «большое государство» и создать «большое общество». Но это также способ получить услуги по дешевке, поручив то, чем занимаются штатные работники-профессионалы, людям на

нестабильных договорах и волонтерам. Организации, называющие себя благотворительными, стали основными работодателями, в 2009 году штат работающих в них на условиях полной занятости насчитывал 464 тысячи человек. Более половины своего дохода эти организации получают от правительственных контрактов по оказанию услуг общественного характера. Но сотрудники благотворительных организаций получают не так много и работают на нестабильных трудовых договорах. Существуя за счет частных пожертвований, они удешевляют социальные услуги, оказывая негативное влияние на государственные структуры схожего типа и узаконивая убогие договорные отношения для волонтеров. Это делает данный сектор особенно уязвимым во время рецессии. Если поток пожертвований иссякнет, такие псевдообщественные работники вполне могут и сами оказаться в прекариате. Не удивительно, что, когда рецессия усилилась, многие из них перешли работать в супермаркеты. В действительности перевод социальных услуг на контрактную основу увеличивает численность прекариата, одновременно затрудняя существование мелких благотворительных организаций.

Правительства, имея дело со своими гражданскими служащими, тоже действуют скорее как коммерческие фирмы, стремящиеся к функциональной гибкости и гибкости занятости. Например, экономят офисные площади за счет децентрализации и гибкости труда своих сотрудников. В США в 2000 году был принят закон, обязывающий федеральное правительство и его агентства разработать правила работы в Сети. К 2006 году 140 тысяч федеральных служащих, а это 19 процентов, выполняли работу с альтернативных рабочих мест. Это и есть прекариатизация, когда сотрудника изолируют, ограничивают его пространство и возможность участия в коллективных действиях.

В 2009 году в Испании 24 тысячи гражданских служащих — десять процентов от общей численности — частично работали дома, на условиях, что обязуются половину своего рабочего времени проводить в офисе. Удаленная работа также вводилась и в Италии, где госсектор славится привычкой к «прогулам». В Великобритании новатором стал городской совет Уинчестера,

объединив четыре своих офиса в два и установив систему интернет-записи, чтобы сотрудники могли зарезервировать свободный рабочий стол или комнату для переговоров, когда понадобится. Такая система «горячих столов» обезличивает офис, сотрудник уже не может назвать его «своим». Психологический эффект этого очень важен, поскольку превращение рабочего места в анонимное средство уменьшает привязанность как к фирме или организации, так и к рабочей силе как к субъекту, нуждающемуся в защите.

В итоге бюджетный сектор, долго остававшийся оплотом салариата и задававший стандарты достойного труда, быстро превращается в зону нестабильности, где и возрастает прекариат.

Государство субсидий: бич для прекариата

Один из аспектов глобализации, на который не обращали должного внимания, — это распространение субсидий. И может быть, это один из величайших «обманов» экономической истории, поскольку большая часть субсидий досталась капиталу и высокооплачиваемым сотрудникам в виде «налоговых послаблений», «налоговых каникул» и «налоговых кредитов». Если богатый человек в Великобритании, например, хочет уклониться от налога на часть своих доходов, ему нужно всего лишь занести их в личный пенсионный план, с переносом поступлений на счета будущего периода и с 40-процентной экономией суммы. Едва ли кто-либо из прекариата имеет такую возможность.

Теперь представим, что произошло после кризиса 2008 года. Валютные интервенции в поддержку банков во всем мире в 2008–2009 годах достигли 14 триллионов долларов США, согласно данным Банка Англии (Bank of England). И это, вероятно, заниженное число. Тем временем в условиях бешеного лоббирования со стороны корпораций западные правительства начали осуществлять целый ряд программ субсидирования в ходе так называемого дотационного протекционизма. Не сломленный своей ужасной производительностью, приведшей к краху, американский автопроизводитель GM, пускаясь в финансовые спекуляции, заявил, что займется «покупкой

субсидий» и переведет производство и рабочие места туда, где правительства предложат большие субсидии.

Субсидии — неотъемлемая часть индустриальной политики, обычно ее представляют как поддержку «победителей». На самом деле такие субсидии используются для помощи крупным фирмам или секторам в стрессовых ситуациях, для того чтобы сохранить структуры, содержащие политически важный электорат. Но субсидии не останавливают международного «перераспределения» труда — перевода рабочих мест из стран с высокими издержками в районы с низкими издержками и высокой производительностью. Даже если субсидии помогают на какое-то время сохранить рабочие места с занятостью старого типа, делается это за счет остальных, лишенных поддержки. Вряд ли от субсидий выигрывают самые незащищенные группы общества.

Субсидии, осуществлявшиеся во время кризиса 2008–2009 годов с целью стимулирования продажи автомобилей, давали продавцам машин преимущества перед остальными, и работники автопредприятий оказались в более выгодном положении по сравнению с другими рабочими. Они уж точно не были самыми бедными или самыми незащищенными. С экологической точки зрения такие субсидии поощряют использование ресурсов в ущерб ресурсосбережению. Затем есть субсидии для пособий и льгот предприятий — они уменьшают спрос на рабочую силу, занятую низкопроизводительным трудом. И как мы еще увидим, пособия предприятия — помеха для молодых, так как пожилые люди и мигранты чаще соглашаются работать и без них.

Трудовые субсидии, в том числе налоговые льготы, предоставляемые получающим заработную плату, и субсидии, стимулирующие маргинальную занятость, на самом деле субсидируют капитал, позволяя компаниям получать больше прибыли и меньше платить за работу. И это неоправданно как с экономической точки зрения, так и в плане социальной справедливости. Логическое обоснование основной трудовой субсидии — налоговой скидки — заключается в том, что бедные и менее образованные работники из богатых стран сталкиваются с жесточайшей конкуренцией со стороны дешевой рабочей силы развивающихся

стран, поэтому правительствам следует субсидировать низкие зарплаты, чтобы эти люди получали адекватный доход. Задуманные для устранения неравенства доходов, эти субсидии поощряют рост или сохранение низкооплачиваемых нестабильных работ — работ прекариата. «Подтягивая» доходы до сносного прожиточного уровня, налоговые льготы снимают бремя забот с работодателей, так что те могут спокойно и дальше платить маленькие зарплаты. Дешевый труд означает, что и фирмам тоже не обязательно из кожи вон лезть, повышая производительность. Налоговые льготы и другие субсидии на труд в двадцать первом веке — аналог системы Спинхемленда, введенной по инициативе землевладельцев в графстве Беркшир в 1795 для помощи беднякам и приведшей к пауперизации сельского населения по всей Англии.

Последствия нынешних неосмотрительных действий еще предстоит осознать. Правительствам, ставшим на путь налоговых льгот, придется набирать обороты только для того, чтобы не отставать, поскольку давление в сторону понижения зарплат усиливается, по мере того как к Киндии присоединяются вновь возникающие рынки. Как отмечалось в передовой статье *Financial Times* (2010a), правда без такого логического вывода:

> Если Британия продолжит щедро раздавать пособия, а зарплаты на нижнем уровне останутся неизменными, не исключено, что работники с низким доходом вскоре поймут, что жить на пособие лишь чуть менее выгодно, чем работать. Чтобы убедить население, что работа все еще приносит доход, правительству придется увеличивать субсидии на зарплаты посредством системы налоговых льгот.

И далее автор добавляет: для того чтобы ограничить растущие расходы, правительству придется ужесточать отбор тех, кто «заслуживает поддержки». Это сразу же и было сделано.

В первый послекризисный год,чтобы остановить рост безработицы, 16 стран ОЭСР ввели дотации к заработной плате, стимулирующие занятость, бонусы при найме или общественные работы. В Испании приняли широкую программу общественных

работ, а Великобритания перешла на «золотое приветствие»: фирмы получали до 2500 фунтов за наем любого человека, считающегося безработным более полугода, по 1000 фунтов выдавалось каждому при устройстве на работу и еще 1500 фунтов — на обучение. Это лишь способствовало росту прекариата, поскольку все больше людей оказывалось на временных должностях, а работодатели спешили избавиться от имеющихся работников и заменить их другими. В Южной Корее также ввели субсидию за наем — при условии, что работники согласны на замораживание зарплаты, не имеют права торговаться, а субсидируемые новички получают зарплату, составляющую две трети от заработка уже давно работающих на предприятии, — так создавалась многоуровневая рабочая сила. В США администрация Обамы в 2010 году ввела программу ценой в 13 миллиардов долларов, по которой компаниям предоставлялся налоговый кредит, если они нанимали безработных соискателей. Ушлые работодатели быстро сообразили, как произвести выгодные замены.

Другие страны предпочли программы кратковременной компенсации, в основном направленные на производство: согласно этим программам работодатели могли рассчитывать на временную помощь для компенсации зарплат постоянным работникам. В 2010 году 21 страна Евросоюза утвердила планы кратковременных работ, охватывающие более 2,4 миллиона работников и предлагающие в числе прочего зарплатные субсидии в течение двух с лишним лет. Субсидии компенсировали 60 процентов потери дохода от кратковременной занятости — формула, которую скопировали и другие, например Нидерланды. В США 17 штатов, в том числе Калифорния, временно сократили налог на зарплату и предоставили пособие по безработице для тех, кто вынужден работать неполный день.

Субсидирование частичной занятости действует точно так же, как и другие трудовые субсидии. Оно наносит моральный ущерб, поощряя неэффективность и низкую продуктивность. И искажает рынки, мешая переводить рабочие места в области с более высокой производительностью. И хотя в защиту субсидий говорят, что они «удерживают людей на рабочих местах,

позволяя сохранять таким образом профессиональные навыки», и уменьшают социальные издержки рецессии (Atkins, 2009), они не дают людям двигаться дальше и приобретать новые навыки или лучше использовать уже имеющиеся.

Связав кратковременный труд с государственными субсидиями, правительства изобрели один из верных способов превратить работников с полной занятостью в субсидируемых частично занятых членов прекариата. И поскольку почти все субсидии на краткосрочную занятость имеют конечный срок, многие получили лишь временную передышку, прежде чем окончательно потерять работу.

Горькая ирония состоит в том, что субсидиями уже никого не обманешь. Поддерживая старые работы и содействуя временному труду, правдой и неправдой увеличивая прекариат, они оставляют по себе неприятное ощущение. Приведу слова одного жителя Южной Кореи, разочаровавшегося в системе субсидий и, судя по всему, только что влившегося в ряды прекариата: «Даже если я получу должность таким образом, я проработаю всего несколько месяцев, все это время ощущая себя жалким довеском, существующим за счет щедрости других рабочих» (Choe, 2009).

Теневая экономика

Еще один фактор сыграл роль в увеличении численности прекариата. Это то, что принято называть теневой, серой или невидимой экономикой. По ряду факторов можно предположить, что масштабы ее увеличились, хоть и недооцениваются официальной статистикой. Деиндустриализация сыграла тут свою роль, как и увеличение гибкости численности, поскольку переход от труда, сосредоточенного на крупных фабриках и в офисах, в иные сферы приводит к тому, что трудовые соглашения, скрепленные всего лишь рукопожатием, стало проще установить и труднее отследить. Изменяющийся характер социальных государств тоже имеет к этому отношение: происходящие перемены подрывают социальную солидарность и принципы, лежащие в основе прогрессивного прямого налога и социального страхования.

Но каковы бы ни были причины, теневая экономика именно то место, где обретается большая часть прекариата, подвергаясь эксплуатации и угнетению. Исследования, проведенные Фридрихом Шнайдером из Линцского университета (*The Economist*, 2010b), показывают, что неофициальная экономика составляет более четверти ВВП Греции, более 20 процентов ВВП Италии, Испании и Португалии и более 10 процентов ВВП Германии, Франции и Великобритании. Автор исследования объясняет уход от налогов по большей части «налоговым бунтом», утверждая, что люди неохотно платят налоги, когда видят, что ценность услуг, оказываемых им государством, невелика. Если так, то сокращение госуслуг с целью уменьшить дефицит бюджета может вызвать еще больший налоговый бунт, сведя к нулю меры по сокращению расходов, — и дефицит как был, так и останется. Учитывая размах теневой экономики и существование подушки теневого труда во время относительного подъема, как это было перед кризисом 2008 года, значительное количества труда остается неучтенным. Неблагоприятная статистика роста занятости может ввести в заблуждение. Подобным же образом рецессия может начаться со спада в теневом труде, при этом создастся впечатление, что занятость не так сильно падает, а безработица не так сильно растет, особенно если учесть, что те, кто находится в тени, не имеют права на государственные пособия.

Все это согласуется с официальными данными. За первые два года рецессии сокращение занятости по всей Европе всего в три раза превышало процентную норму. В Испании к 2010 году показатель официальной безработицы увеличился до 4,5 миллионов человек — намного выше того уровня, который, по прогнозам профсоюзов, должен был привести к мятежам. Но никаких мятежей не последовало. Некоторые приписали это традиционной терпимости безработных и семейным связям, позволяющим получать общественные пособия. Другие считали, что тут скорее дело в процветающей теневой экономике. По оценке профсоюза служащих налоговой инспекции Gestha, подпольная экономика составляла 23 процента ВВП, и ее доля увеличивалась, тогда как официальный ВВП стремительно сокращался.

Глобализирующаяся экономика открытого рынка, которой свойственны неформальные договоры, частичная и временная занятость, ориентированность на проекты и мириады личных услуг, несомненно способствует теневому труду. И это не преувеличение, это часть глобального рынка.

Уменьшение социальной мобильности

И наконец, самое показательное: расслоение, связанное с глобализацией трудового процесса, привело к снижению восходящей мобильности, а низкая восходящая мобильность — характерная черта прекариата. Как заметил Дэниел Коэн (Cohen, 2009:19), говоря о французских рабочих, сегодня мало кто поднимается до уровня среднего менеджмента и «сейчас больше вероятность на всю жизнь застрять в самом низу шкалы заработной платы». В Великобритании социальная мобильность уменьшилась, что связывали с ростом неравенства. Как показало проведенное лейбористским правительством национальное социологическое панельное исследование равноправия (National Equality Panel) (см. также Wilkinson, Pickett, 2009), в 2010 году ребенку, рожденному в бедности, было труднее всего подняться по социальной лестнице по сравнению с любым другим периодом с начала 1950-х. Те, кто родился в 1970 году, имели меньше шансов повысить свой социальный статус, чем рожденные в 1958-м. И это лишь один из признаков того, что класс все еще имеет значение.

Но самое поразительное то, что в Соединенных Штатах, создавших себе прочный образ страны с неограниченными возможностями для восходящей мобильности, социальная мобильность давно уже снизилась. Межпоколенческая мобильность там низка даже по международным стандартам (Sawhill, Haskins, 2009). Для детей, рожденных в самых низких и самых высоких квантилях, больше вероятность остаться там, если сравнивать их с детьми в Великобритании, и намного больше, чем в Швеции или Дании. Когда неравенство достигает рекордных уровней, а социальная мобильность снижается, совершенно очевидно, что неолиберальная экономическая и социальная модель не справилась

с поставленной задачей — обеспечить социальную мобильность на основании заслуг.

Одна из причин снижения социальной мобильности — уничтожение рабочих мест со средним доходом. Например, в Великобритании число рабочих мест в верхней десятке хорошо оплачиваемых с 1979 по 1999 год увеличилось почти на 80 процентов. Во второй десятке — на 25 процентов, в нижних двух десятках тоже наблюдался рост (Goos, Manning, 2007). Но количество рабочих мест в шести десятках, занимающих промежуточное положение, сократилось. Эта тенденция, а она повторилась во многих других странах, означает, что средний класс страдает от нестабильности доходов и находится под давлением: его выпихивают в прекариат.

Подытоживая сказанное

В эпоху глобализации был жесткий общественный договор: от работников требовалось согласие на гибкий труд в обмен на меры по сохранению рабочих мест, чтобы уровень жизни большинства из них поднялся. Это была сделка в духе Фауста. Жизненный уровень поддерживался за счет того, что потреблению позволили превышать доходы, а заработку — превышать стоимость самой работы. И если последнее привело к неэффективности и искажению рыночного равновесия, то первое завело огромные массы населения в ужасную долговую яму. Рано или поздно нечистый должен был сделать свое дело, и для многих этот момент настал вместе с кризисом 2008 года, когда их уменьшившиеся доходы оказались меньше той суммы, что была нужна для оплаты долгов по кредитам, которые их так уговаривали когда-то брать. Новый общественный слой готов был присоединиться к прекариату.

В конце эпохи глобализации общественный договор расторгли. Со стороны работодателей — потому, что многие пожелали «путешествовать налегке». Со стороны работников — потому, что усилился

стресс, неуверенность и психологическое отчуждение. Во многих странах участились самоубийства, связанные с работой, особенно во Франции, Японии и по всей Скандинавии, этой Мекке социал-демократии. В США за один год количество таких случаев увеличилось на 28 процентов. Тем временем, по данным американской консультационной фирмы «Центр политики сбалансированности трудовой жизни» (Center for Work-Life Policy), доля работников, заявивших о лояльности своим работодателям, снизилась с 95 до 39 процентов, а процент тех, кто выразил доверие к работодателям, упал с 79 до 22. В эпоху прекариата лояльность и доверие становятся зыбкими и хрупкими.

Нетрудно понять, почему прекариат растет. Но по мере роста все более зловещими становятся его дисфункциональные черты. Незащищенность влечет за собой социальные болезни, наркоманию, постоянную тревогу. Тюрьмы переполнены. Банды Робин Гуда утрачивают чувство юмора. И на политическую арену выползают темные силы. Но об этом мы поговорим позже, после того как разберем, кто пополняет ряды прекариата и что происходит с основными фондами общества глобального рынка.

3 Кто пополняет ряды прекариата?

Можно сказать: на самом деле все, большинство из нас. От этого никто не застрахован, и оказаться в прекариате может едва ли не каждый — из-за несчастного случая или если кризис уничтожит все «подушки безопасности», на которые мы привыкли полагаться. При этом не следует забывать, что прекариат — это не только жертвы обстоятельств: одни попадают в прекариат, потому что отказываются от доступных альтернатив, другие — потому что это их в данный момент устраивает. Короче говоря, прекариат многолик.

Кто-то оказывается в прекариате из-за собственных ошибок и неудач, кого-то насильно туда выталкивают, кто-то присоединяется к прекариату, рассчитывая, что это будет первая ступень в новом направлении, даже если пока не ясно в каком, а кто-то попадает туда поневоле — обычно это люди преклонного возраста, студенты, рассчитывающие подзаработать, как это все чаще случается в последнее время в Японии. А кто-то вдруг понимает, что все, чему он учился и что привык делать, перешло в нестабильную зону прекариатизированного образа жизни.

В этой главе, посвященной демографии, и главе четвертой — о мигрантах — мы рассмотрим группы, для которых относительно высока вероятность оказаться в прекариате. Демографический анализ мы проведем на основании сравнения женщин с мужчинами и молодежи — с людьми старшего поколения. В каждой из групп есть «оптимисты» (grinners), которые охотно соглашаются на нестабильную работу, и «нытики» (groaners), вынужденные пойти на это за отсутствием другого выбора. Среди молодежи «оптимисты» — это студенты и путешествующие бэкпекеры, которые рады любому случайному заработку без долгосрочных перспектив, «нытики» — те, кто не может вписаться в рынок труда через стадию обучения специальности или ее аналогам или встречает конкуренцию со стороны «более дешевых» пожилых работников, не нуждающихся в пособиях от предприятий.

Среди людей пожилого возраста «оптимисты» — это люди с достаточно хорошей пенсией и медицинской страховкой, они могут взяться за случайную работу, просто чтобы чувствовать себе при деле или когда хочется подзаработать, а «нытики» — это те, у кого слишком маленькая пенсия или кто сталкивается с конкуренцией с более энергичной молодежью и менее нуждающимися пожилыми людьми.

Если говорить о женщинах, то «оптимистки» — это те, у кого есть спутник жизни, принадлежащий к салариату, и они рассматривают работу как источник дополнительного дохода, а «нытики» — это обычно одинокие женщины, вынужденные зарабатывать на жизнь, а также те, у кого тройная нагрузка: им приходится заботиться о детях и престарелых родственниках и при этом зарабатывать. Среди мужчин «оптимисты» — те, у кого спутница жизни имеет приличный доход, а «нытики» — как правило, кормильцы семьи, способные устроиться только на нестабильную работу.

Женщины: феминизация жизни?

С началом эпохи глобализации стало очевидно, что доля женщин во всех областях занятости возрастает: во всем мире наблюдалась тенденция к феминизации труда (Standing, 1989, 1999a). Это была феминизация в двух смыслах: увеличивалось число работающих женщин и росло число «гибких» рабочих мест, как правило занимаемых женщинами. Такая тенденция была отражением информализации (отхода от государственного регулирования) труда, увеличения сектора услуг и использования молодых женщин в зонах экспортного производства. Это не означало, что женщины повсеместно решили увеличить свой доход или улучшить условия труда. На самом деле разница в гендерных зарплатах и общественном доходе была по-прежнему несправедливой, хоть и уменьшилась немного в некоторых странах.

Появление и распространение новых видов работ привело к увеличению спроса на женщин-работниц, а также к перемещению мужчин на низкооплачиваемые должности, которые долгое

время считались подходящими только для женщин. Если гибкость труда означает больше кратковременных работ, тогда нет смысла нанимать мужчин, рассчитывающих — по праву или нет — на долгосрочные трудовые отношения. И работодатель может не сильно опасаться, что женщины введут его в лишние расходы помимо зарплаты из-за того, что могут уйти в декрет или взять отпуск по уходу за детьми. Работодатель может об этом вовсе не думать, если оговоренный срок работы всего каких-нибудь несколько месяцев, если договоренность неофициальная или зависит от колеблющегося спроса либо если перерывы в работе не влекут за собой никаких затрат.

В эпоху глобализации экспортно ориентированная индустриализация в развивающихся странах наглым образом основывалась на превращении молодых женщин в прекариат: их призывали работать за гроши, вовсе не рассчитывая, что они задержатся надолго. К феминизации труда привело и множество других факторов, и тоже двояко. Среди них отказ от «семейной зарплаты» — характерная черта индустриальной эпохи, результат договоренности между капиталом и рабочим классом. Промышленный пролетариат приучил нас к мысли, что мужчина-рабочий должен получать зарплату, достаточную для того, чтобы поддерживать нуклеарную семью, а не только самого рабочего. И это золотое правило было забыто. При «индивидуализированной» зарплате предпочтение в найме отдается женщинам: мужчина неохотно согласится на низкий заработок, женщины же никогда не рассчитывали, что смогут получать «семейную» зарплату.

Кроме того, становилось все больше работы в сфере услуг, где мужская сила не требовалась и длительный период обучения специальности был не обязателен. Сыграли роль и политические факторы. В 1980-е социал-демократическая программа начала терять темп, одним из признаков этого стало смещение акцентов с социального *равенства* на социальную *справедливость*. Уменьшение дискриминации и гендерного неравенства в заработной плате стали приоритетными целями, а уменьшение структурного неравенства отошло на задний план. Некоторые меры, направленные на то, чтобы установить социальную справедливость, даже

еще сильнее подчеркивали неравенство. Отсутствие эгалитарной программы означало, что в выигрыше от антидискриминационных законов были в основном женщины, занимавшие относительно высокое положение, а не женщины из незащищенных слоев общества.

По причине того или вследствие, но возрастающая роль женщин на рынке труда совпала с ростом прекариата. Женщины заняли непропорционально большую долю нестабильных рабочих мест, поскольку охотнее соглашались работать по краткосрочным договорам и даже вовсе без договора. И такое происходило не только в Европе и Северной Америке. В Японии переход к нерегулярной работе совпал с увеличением доли женщин в трудовых ресурсах. В 2008 году более половины женщин в Японии были заняты на нестабильных работах; для сравнения: среди мужчин этот показатель был менее одной пятой. В Южной Корее 57 процентов женщин работали нестабильно и лишь 35 процентов — мужчин.

Япония опередила всех. Гендерное неравенство — часть культурной традиции, ее унаследовал и прекариат, в котором женщины сосредоточились на временных должностях с низкой производительностью. Результат этого — одно из самых резких различий в оплате женского и мужского труда в промышленно развитых странах. В 2010 году 44 процента работниц в Японии получали меньше прожиточного минимума. Сказалось и распространение временного труда. Зарплата женщин на постоянных должностях составляет 68 процентов от зарплаты мужчин, но на временных работах женщинам платят менее половины «мужской» зарплаты. Так что эта тенденция имеет вдвойне неблагоприятный эффект. И что еще усиливает несправедливость: многих японских женщин направляют на работу по уходу за престарелыми, где зарплаты совсем низкие.

И это высвечивает очередную проблему двадцать первого века. По мере наступления глобальной феминизации все больше женщин несут тройную ношу. Предполагается, что они возьмут на себя заботу о детях и о доме и одновременно будут участвовать в рынке труда, чтобы позволить себе этот «дом»,

а еще — будут заботиться о престарелых родственниках, которых становится все больше.

Из-за того что женщины всегда выполняли бóльшую часть работы по уходу, этому не уделялось внимания в экономической статистике и социальной политике. В двадцатом веке дошло до полного абсурда, когда работу по уходу за другими вообще не считали работой. Либеральная риторика мало помогала. Уход за другими, как правило ограниченный пределами семьи, относился к частной сфере, тогда как труд — к общественной.

Поскольку считалось, что общественная сфера дает больше свободы, значит, нужно как можно больше женщин отправить трудиться — для раскрепощения. Так уровень экономической активности женщин стал мерилом освобождения (Sen, 1999).

Это хорошо для среднего класса, женщин с высшим образованием, которые могут рассчитывать на штатную занятость с перспективой карьерного роста. Но большинство женщин, стоящих у сборочного конвейера, строчащих на швейной машинке в тускло освещенной мастерской или сидящих за кассой от смены до смены, вряд ли скажут вам, что работа — это освобождение. Для них это скорее часть тройной нагрузки, ведь обычно женщина «в свободное время» должна еще заботиться о детях и ухаживать за престарелыми родственниками.

То, что женщины могут получить работу, действительно большое достижение. Но победа дается дорогой ценой — платить за это приходится самим женщинам, а отчасти и мужчинам. По большей части это временные, тупиковые должности, с частичной занятостью, без каких-либо карьерных перспектив. И все же правительства настаивают на том, чтобы женщины их занимали.

В Великобритании более 40 процентов трудящихся женщин работают неполный день, получая за час меньше, чем могли бы при штатной работе. В 2009 году правительство предложило помощь женщинам, работающим в штате полный день, при переходе на частичную занятость — посредством субсидий, делая акцент на гибкость труда. Начали составлять национальную базу данных по должностям с частичной занятостью, имея в виду «сидящих дома» матерей, которые хотели бы «вернуться

к работе», и объявили о готовящихся мерах, которые поспособствуют тому, чтобы одинокие родители с маленькими детьми искали «работу».

В Германии, как и во Франции, женщины составляют до 80 процентов всех штатных работников, а зарабатывают они на четверть меньше, чем мужчины. Женщинам с детьми затруднительно работать полный день: нужно отводить детей в ясли и детский сад, делать покупки для семьи. Правительство Меркель предложило «родительские деньги» — связанное с зарплатой пособие, позволяющее каждому родителю брать до 12 месяцев отпуска. Но консерваторы в правительстве настояли на том, чтобы продление срока по уходу за детьми сопровождалось новым пособием — Betreuungsgeld, которое выдается только матерям, если они сидят дома с детьми. Это несправедливо — ведь есть женщины, которые хотят (или которым приходится) работать, пока они присматривают за детьми, а их этого пособия лишают.

По мере того как женщины пополняют ряды прекариата, выполняя традиционную роль — матери при маленьких детях и новую — сиделки при пожилых родственниках, все больше женщин становятся главными «добытчиками» в семье. И не только потому, что среди них все больше матерей-одиночек или просто одиноких. Гендерные роли тоже меняются. В США образованных женщин по сравнению с мужчинами стало больше, а в возрастной группе 30–44 года женщин с высшим образованием даже больше, чем мужчин. В 1970 году только 4 процента замужних женщин зарабатывали больше, чем их мужья, теперь это каждая из пяти. Так как большинство людей выбирают спутника жизни в пределах группы с примерно одинаковым образованием, много зарабатывающий мужчина с большей вероятностью женится на много зарабатывающей женщине, что усиливает неравенство между семьями. Но хотя много говорят и пишут о преуспевающих дамах, женщин, которые зарабатывают больше, чем их спутники, мы с большей вероятностью найдем в семьях с низким доходом — в прекариате.

Женщины все чаще становятся «добытчиками», «кормильцами» семьи. В Великобритании это объясняли тем, что муж-

чины уже не так стремятся участвовать в карьерной гонке, как раньше, а многие выбывают из нее из-за неудачи — и становятся «домохозяевами». В 1960 году только 4 процента женщин в возрасте от 16 до 60 лет зарабатывали больше, чем их спутники жизни. К 2009 году в США каждая пятая женщина — а всего 2,7 миллиона — называла себя «добытчицей в семье» (National Equality Panel, 2010). Примерно 214 тысяч мужчин ответили, что не ходят на работу, потому что присматривают за семьей или за домом, — скачок на 80 процентов за 15 лет. Тем временем число женщин, сказавших такое о себе, уменьшилось с 2,7 миллиона до 2 миллионов, то есть почти на четверть. Роб Уильямс (Rob Williams), руководитель влиятельной организации — британского Института вопросов отцовства — так прокомментировал ситуацию: «Сама идея, что мужчина должен быть кормильцем семьи, рушится. По сравнению с 1970-ми мужчины стали более свободными и стало больше таких, кто не хочет делать карьеру, а хочет проводить больше времени с детьми» (Barrow, 2010).

Однако чаще мужчина и женщина вынужденно меняются ролями. При каждой последующей рецессии безработица среди мужчин возрастала сильнее, чем женская безработица, а доля работающих женщин увеличивалась. Действительно, вслед за кризисом 2008 года настал уникальный момент. В 2010 году впервые в истории женщины в США занимали половину всех рабочих мест в стране.

Великая рецессия ударила в первую очередь по мужчинам. От безработицы пострадало больше мужчин, чем женщин, поскольку исчезали основные рабочие места — промышленного рабочего класса. В США доля трудоустроенных мужчин снизилась до 70 процентов в 2009 году, достигнув самого низкого уровня с 1948 года, когда начали вести такую статистику. К 2010 году каждый пятый мужчина-американец в возрасте от 25 до 55 лет был безработным. В 1960-е 95 процентов мужчин этой возрастной группы имели работу. В странах Евросоюза три четверти рабочих мест, созданных с 2000 года, заняли женщины.

Как ни странно, возросшая «общественная» вовлеченность женщин в экономику все чаще сопровождалась боязнью неу-

дач из-за нестабильности разного рода. Это явление получило жутковатое название «синдром побирушки» — страх оказаться на улице из-за неудач с работой. В 2006 году исследование страхования жизни показало, что 90 процентов американских женщин не чувствуют себя уверенно в финансовом отношении и почти половина опрошенных сказали, что «ужасно боятся стать побирушкой». Причем это распространялось и на женщин с годовым доходом свыше 100 тысяч долларов. Еще больше женщин признали, что испытывают обеспокоенность из-за денег. Как заметила одна из опрошенных: «Внутреннее ощущение, что ты как побирушка, морщинистая, неухоженная, — это не шутка. Это самое ужасное из того, что можно представить в будущем». И такое происходило в ведущей экономике мира. А после кризиса стало еще хуже.

Как правило, во многих официальных исследованиях также не учитывается та область прекариата, которая всегда была женской, — секс-услуги. А это миллионы женщин во всем мире — многие попадают в эту группу не по своей воле, кого-то нужда заставляет, кто-то добровольно выбирает такой образ жизни по той или иной причине. В области секс-услуг тоже существуют классовые различия, и те, кто оказался «на дне», влачат типичное существование прекариата: сдают свое тело внаем без всякого контроля со своей стороны. То, что их объявляют вне закона и не признают за ними прав, только подчеркивает их бедственное положение.

А что же можно сказать о мужчинах, попадающих в прекариат? Тут причины совсем другие. И может быть, самая главная — приспособление. Ощущение нестабильности, неуверенности вызвано страхом потерять то, что имеешь. Все больше мужчин оказываются в таком положении — по сравнению с их собственным прошлым, с предыдущими поколениями мужчин, с надеждами и ожиданиями, внушенными им семьей и обществом. По мере того как прекариат растет и карьерные должности исчезают, «потеря лица» сопровождается потерей дохода и связанных с ним внешних атрибутов статуса. Когда мир создает незащищенный труд, мужчины, рассчитывающие на стабильность и карьерный

рост, рискуют оказаться разочарованными. Более того, демонтаж профессиональных сообществ и отмена старых понятий о профессиональной карьере приводят к так называемой статусной фрустрации, когда мужчины, сталкиваясь с суровой реальностью, осознают, что их карьера порушена.

- «Мужественность» под угрозой?

Хотя мужчины и женщины в прекариате сталкиваются с совершенно разными проблемами, активная часть прекариата пополняется за счет групп нетрадиционной сексуальной ориентации. Это объясняется просто. Геи и лесбиянки чувствуют себя неуверенно в обществе, где нормой считается гетеросексуальное поведение и стандартная нуклеарная семья. Но есть и другие трудности, связанные с развитием рынка труда. Феминизация труда сказывается на традиционном представлении о мужественности и женственности. В частности, социологи давно уже обеспокоены тем, что молодые мужчины становятся более отчужденными и аномически деморализованными.

Исторически так сложилось, что молодые мужчины, взрослея, ориентировались на ролевые модели. У них был образец мужского поведения. Они брали пример с отцов, которые достаточно хорошо зарабатывали, чтобы поддерживать жену и детей, и под конец жизни пользовались почетом и уважением. Это была сексистская и патриархальная модель, далеко не идеальная, однако она крепко утвердилась в умах и служила образцом для многих поколений. В наши дни у молодых людей из рабочего класса не так много реалистичных ролевых моделей, дающих основание для самоуважения, а перспектива в будущем стать «кормильцем» семьи весьма туманна.

Нехватка вдохновляющих ролевых моделей — это, вероятно, сказавшиеся на следующем поколении последствия гибкости труда, насаждавшейся в 1980–1990-е годы. Результат — позднее взросление: молодым мужчинам недостает мотивации для самостоятельной жизни. Как заметила Люси Расселл (Lucie Russell), руководитель британской благотворительной организации Young

Minds: «Разве могут мальчики стать мужчинами, не имея соответствующей роли или работы?»

Все начинается еще со школы, где девочки по успеваемости сильно опережают мальчиков. В Англии и Уэльсе 64 процента девочек получают сертификат о среднем образовании (GCSE) с высшей оценкой (экзамены на этот сертификат сдают в возрасте 15–16 лет), а среди мальчиков — только 54 процента. Мальчикам не только не хватает примера в собственной семье, их еще и обучают преимущественно женщины. Примерно в 5000 британских школ вообще нет преподавателей-мужчин. С высшим образованием в этом плане еще хуже: половина молодых женщин после школы поступают в высшие учебные заведения, а для юношей этот показатель всего 37 процентов. Примерно такая же картина наблюдается и в других странах. В целом в американских и европейских университетах студенток на треть больше, чем студентов. А по окончании университета для британских выпускников-мужчин вероятность остаться без работы на 50 процентов выше, чем для женщин.

Вследствие этой нестабильности все больше молодых мужчин продолжают жить вместе со своими родителями или поблизости от них, рассчитывая на их поддержку в случае крайней нужды. В Италии это распространенное явление, в этой стране молодых (и даже не очень молодых, сорокалетних) мужчин, живущих с родителями, называют *mammoni* — маменькины сынки. В Великобритании более четверти мужчин в возрасте от 25 до 29 лет живут вместе с родителями — их вдвое больше, чем живущих с родителями женщин того же возраста. Каждый десятый мужчина в 35 лет все еще проживает в родительском доме. С этим связан образ «сына-бумеранга», который после университета или института возвращается домой, но все, что ему остается, это случайные заработки, долги, наркотики и апатия, сопровождающаяся смутным желанием «путешествовать».

Нестабильность не способствует браку, а молодые люди не спешат заводить детей. В 2008 году в Англии и Уэльсе сочетались браком лишь 232 990 пар — самый низкий показатель с 1895 года! «Коэффициент брачности», определяемый по коли-

честву заключаемых браков на душу населения, достиг низшего уровня с 1862 года, когда начали вести такую статистику. «Коэффициент брачности» также резко снижался на поздних стадиях этапа «разукорененности» в ходе Великой трансформации в конце девятнадцатого столетия — во времена, когда незащищенность и нестабильность стали распространенным явлением. Похожая тенденция к понижению наблюдалась по всей Европе, при этом увеличивалось число пар, предпочитавших браку сожительство. По расчетам, к 2015 году большинство детей в Англии и в Уэльсе будут рождены вне официального брака.

Мужчины и женщины позже женятся. С 1998 по 2008 год в Англии и в Уэльсе средний возраст молодоженов, впервые вступающих в брак, увеличился на три года и для мужчин, и для женщин. Условный средний возраст мужчин, впервые вступающих в брак, составил 31,5 года, у женщин этот возраст был 29,9 года. Более поздний возраст, вероятно, связан с увеличением затрат — как фактических издержек, так и величины потерь вследствие риска, то есть неудачного брака. Все это свидетельствует о нестабильности, которую ощущают и мужчина, и женщина, хотя каждый по-своему.

Из-за этой тенденции в промышленно развитых странах увеличилось число домохозяйств, состоящих из одного лица. Но как мы видели, молодежь также тянется назад к родительскому дому, добавляя собственную нестабильность к родительской. Появились неологизмы, описывающие эту группу: «кипперы» (Kippers, сокращение от Kids in Parent's Pockets Eroding Retirement Savings — «детки, залезающие в родительский карман и тратящие пенсионные сбережения») и «айподы» (Ipods, сокращение от Insecure, pressurised, overtaxed, debt-ridden and saving — «неуверенные, загнанные, обремененные налогами, долгами и экономящие»).

Эл Хокер и Шив Малик (Howker, Malik, 2010) в своей нашумевшей книге подробно рассказали, с чем предположительно сталкиваются сейчас молодые люди вроде них самих (хотя профессиональные биографии авторов этого не подтверждают). И вкратце так подытожили суть «своего» существования:

Наша работа и жилье — все по краткосрочным контрактам, наш путь извилист, как меандр, и единственная надежная точка на этом пути — родительский дом, где прошло наше детство…

Еще не явилось поколение, которое спасет Англию, а тем временем накапливаются долги, все более случайным становится заработок, жить становится все труднее.

Молодежь: городские кочевники

Всемирная молодежь, а это более миллиарда человек в возрасте от 15 до 25 лет, представляет собой самую многочисленную молодежную возрастную группу в истории, а в развивающихся странах это преобладающее большинство. Человечество понемногу «дряхлеет», но при этом вокруг множество молодых людей, которым есть из-за чего переживать. И хотя в прекариат входят многие другие группы, самый привычный образ прекариата — это молодые люди, окончившие школу и колледж только для того, чтобы в результате годами пребывать в неопределенности. Зачастую это еще обиднее, поскольку поколение их родителей имело в этом возрасте стабильную работу.

Молодежь всегда вливалась в трудовые ресурсы на неопределенных позициях: сначала нужно было доказать, на что ты способен, и поучиться. Но сегодня молодежи не предлагают приличной сделки. Многие устраиваются на временные должности, которые едва ли подпадают под понятие «трудоустройство». Одним из ловких трюков мобильности было продление испытательного срока, когда фирмы могут официально меньше платить и предоставлять меньше пособий и льгот.

Многие недовольны тем, что стало труднее перейти на долгосрочные трудовые соглашения. Во Франции, например, 75 процентов молодых работников устраивались на работу по временному трудовому договору, и большинство так и остались временными: только те, у кого есть дипломы, могут рассчитывать со временем на постоянную должность. По традиции молодые в принципе готовы к тому, что вначале придется побыть аутсай-

дерами, поскольку надеются в конце концов стать в фирме или учреждении «своими». А до тех пор можно пожить за родительский счет. Семейная поддержка на первом этапе облегчала тяготы нестабильности. Но в наши дни нестабильность расширила свои границы, а семейная солидарность ослабла, семья стала более хрупкой, и старшее поколение не может рассчитывать на адекватную ответную помощь со стороны младшего поколения.

Одно из следствий реструктуризации общественного дохода и гибкости заработной платы — резкое уменьшение зарплаты и доходов у молодых в сравнении со старшим поколением в семье. Дело не только в том, что много молодежи занято на нестабильных работах, где зарплаты ниже: переговорные позиции молодых людей при устройстве на любую работу стали заметно слабее, а отсутствие пособий от предприятий и государства добавляет им уязвимости — вплоть до нищеты.

Это происходит, например, в Японии, где с 1997 по 2008 год среднегодовой заработок рабочих в возрасте примерно 20 лет снизился на 14 процентов. В отчете Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения от 2010 года говорилось, что 56 процентов трудоустроенных в возрасте от 16 до 34 лет нуждаются во втором источнике дохода для возмещения основных расходов.

Молодые не любят неопределенности и, как правило, так или иначе подумывают о карьере. Но многие из тех, кто хочет чего-то добиться в жизни, уже наслышаны о том, как люди старшего поколения «тянули лямку» в конторе или на заводе, и эти рассказы их вовсе не вдохновляют. Они отвергают лейборизм с его стабильной штатной работой, продолжающейся чуть ли не пожизненно. Согласно международным опросам общественного мнения, почти две трети молодых людей сказали, что предпочитают «самозанятость», то есть хотят работать на себя, а не на кого-то. Но гибкий рабочий рынок, выкованный старшим поколением политиков и коммерческими интересами, обрекает большинство молодых людей годами прозябать в прекариате.

Молодежь составляет ядро прекариата и поведет его на борьбу за достойное будущее. Молодежь всегда была недовольна

настоящим и мечтала о светлом будущем. Некоторые исследователи, например Дэниел Коэн (Cohen, 2009: 28), считают точкой отсчета майские события 1968 года, когда молодежь заявила о себе как «независимая общественная сила». Действительно, дети, рожденные во времена бэби-бума — послевоенного демографического взрыва, разрушили порядок, созданный поколением их родителей. Но молодежь всегда, на протяжении всей истории, была зачинщиком перемен. Скорее, 1968 год ознаменовал рождение прекариата, который отвергает общество промышленного труда с его унылым лейборизмом. Выступая против капитализма, дети послевоенных лет воспользовались пенсиями и другие льготами, в том числе получили дешевые товары от вновь появляющихся рыночных экономик, а затем придумали гибкость и нестабильность для тех, кто придет им на смену. Один безработный разочаровавшийся выпускник (Hankinson, 2010) написал: «Дети бэби-бума имели бесплатное образование, доступное жилье, солидные пенсии, которые могли получить довольно рано, и вторые дома. Нам же оставили образование в долг и лестницу улучшения жилищных условий с прогнившими перекладинами. А финансовая система, сделавшая наших родителей богатыми, предлагает нам на выбор дрянную работу либо вообще никакой».

Конечно, эти гневные упреки предыдущему поколению не совсем справедливы, в них не учитываются классы. Только крошечная часть британских детей бэби-бума поступала в университеты, тогда как в наши дни половина всех вчерашних школьников в той или иной форме получает высшее образование. Многие представители старшего поколения пострадали от разрушительного действия деиндустриализации: шахтеры, металлурги, портовые рабочие, печатники и т.п. — всех их отодвинули в прошлое. А многие женщины испытали на себе дополнительный гнет экономической маргинальности. Такая интерпретация с точки зрения межпоколенческих противоречиями уводит в сторону, поскольку соответствует консервативной точке зрения, осторожно оставляющей за скобками роль глобализации (Willetts, 2010). Положение сегодняшней молодежи не хуже, чем у предыдущих

поколений. Просто ситуация другая, и зависит она от социальной принадлежности. У прежнего рабочего класса был силен дух солидарности, передававшийся в рабочих сообществах из поколения в поколение. Теперь эти сообщества скорее зона прекариата, так же как студенческие городки и сообщества, которые итальянцы называют alternativi.

Теперь эти сообщества отживают свое, что создает три проблемы для сегодняшних молодых. Они видели, как их родители теряли социальный статус, доход, все, что составляло предмет их гордости и давало ощущение стабильности, так что у молодых нет примера для подражания и они легко попадаются в ловушки прекариата с низкооплачиваемыми работами, периодической безработицей и вынужденным бездельем. В бедняцких кварталах «рабочая этика» передавалась из поколения в поколение (Shildrick, MacDonald, Webster, Garthwaite, 2010). Но опыт прекариатизированного существования, пережитый одним поколением, точно так же передается через мировоззренческие и поведенческие нормы следующему. Первое поколение, испытавшее на себе системную гибкость, взрослело в 1980-е. Это их дети вышли на рынок труда в двадцать первом веке. И не случайно у многих из них и заработок, и карьера хуже, чем у их родителей. Примечательно, что среди молодых британцев больше таких, кто относит себя к рабочему классу, и меньше — тех, кто считает, что к этому классу относятся их родители. Это ощущение «падения», которое сказывается и на их представлении о будущем.

- Образование становится товаром

Коммодификация образования (превращение образования в товар) также вызывает разочарованность и недовольство. Система образования, направленная на улучшение «человеческого капитала», не обеспечивает лучшими рабочими местами. Образование, продающееся как некое капиталовложение (которое для большинства покупателей никогда не окупится), — это просто обман. Взять хотя бы такой пример: в Испании 40 процентов выпускников университетов через год после окончания вуза ока-

зываются на малоквалифицированных должностях, для которых такой уровень подготовки, как у них, не требуется. И это приводит лишь к повальной статусной фрустрации.

В настоящее время диплом колледжа или университета означает немалую среднюю денежную прибавку к доходам за всю последующую карьеру: в Великобритании это 200 тысяч фунтов стерлингов для мужчин (Browne, 2010). С этой точки зрения введение высокой платы за обучение выглядит оправданным. Но при повышенной плате есть риск, что университетские предметы, не предвещающие большой финансовой отдачи, будут отодвинуты на задний план, притом что указанный выше доход — величина средняя. В рыночном обществе процветают рынки, действующие по принципу «победитель получает все», вот почему разница в доходах перешла пределы, допустимые с точки зрения производительности. Лишь немногие студенты — и таких все меньше — получают после вуза высокие доходы, как раз и образующие это среднее арифметическое. Большинство же получают должности с доходом намного меньше этого среднего числа.

Причина происходящего — в рынке труда. Экономики постоянно создают все новые виды работ, но мы знаем, в каком направлении это движется. Например, в ближайшее десятилетие менее половины всех новых рабочих мест в США будут предназначены для дипломированных специалистов (Florida, 2010). И вероятно, если исходить из прошлого опыта, 40 процентов из них займут люди без дипломов. В конце концов, Билл Гейтс был недоучкой. Так что только треть всех новых рабочих мест будет доступна молодым людям с высшим образованием.

Большинству же придется браться за работы, которые не требуют высокой квалификации. И это обидно. Им будут втолковывать, что надо с энтузиазмом относиться к своему новому делу, не требующему высокой квалификации, и выплачивать долг за обучение, на которое их подбили обещанием, что диплом обеспечит им высокооплачиваемую работу.

Неолиберальное государство видоизменяло систему школьного образования, чтобы сделать ее закономерной частью рыночного общества, подталкивая обучение в сторону накопления

«человеческого капитала» и трудовой подготовки. Это один из самых отвратительных аспектов глобализации.

На протяжении веков считалось, что образование освобождает от невежества и помогает развивать способности, заложенные от природы. Идея Просвещения состояла в том, что человек, приобретая знания, совершенствует мир и сам совершенствуется. В рыночном обществе эта задача отошла на задний план.

Происходит глобализация системы образования. Ее нагло представляют как индустрию, источник выгоды и экспортной выручки, как область конкуренции, когда страны, университеты и школы оцениваются по результативности. То, что происходит, беспрецедентно. Администраторы взяли под контроль школы и университеты, насаждая бизнес-модель, заточенную под рынок. И лидером этой глобальной «индустрии» являются США, притом что стандарты там катастрофически упали. Идея в том, чтобы воспроизводить продукты под названием «сертификаты» и «выпускники». Университеты больше соревнуются между собой не по уровню обучения, а по уровню «роскоши»: где лучше общежития, спортзалы и танцплощадки, где числится больше знаменитых ученых, сделавших себе имя в академической науке, не связанной с преподаванием.

Словно символизируя утрату ценностей просвещения, в Великобритании в 2009 году ответственность за деятельность университетов переложили с отдела образования на отдел по делам бизнеса. Тогдашний министр по делам бизнеса и инноваций лорд Мандельсон так объяснил это решение: «Я хочу, чтобы университеты больше сосредоточились на коммерциализации плодов своих усилий… бизнес должен быть во главе угла».

Товаризация образования на всех уровнях носит глобальный характер. Одна преуспевающая шведская коммерческая компания экспортирует стандартизованную систему обучения, которая минимизирует прямые контакты между учителями и учениками и контролирует и тех и других с помощью электронной системы. В вузах стало популярно обучение без преподавателя и «аудитории без преподавателя» (Giridharadas, 2009). Масачусетский технологический институт запустил проект Open Courseware

Consortium, призвав к сотрудничеству вузы из других стран: в рамках этого проекта в Интернете публикуются бесплатные онлайн-курсы, в том числе лекции преподавателей, видеоуроки и экзаменационные вопросы. Портал iTunes предлагает лекции из Беркли, Оксфорда и других учебных заведений. Народный университет (University of the People), основанный израильским предпринимателем, предлагает получить диплом бакалавра без помощи преподавателей, посредством так называемого взаимного обучения: студенты учатся не у преподавателей, а у таких же студентов, обмениваясь вопросами и ответами в режиме онлайн.

Сторонники товаризации уверяют, что она якобы «делает потребителей ответственными». Скотт Макнили (Scott McNealy), гендиректор Sun Microsystems и один из инвесторов американского Университета западных губернаторов (Western Governors University), считает, что преподавателям следует смотреть на себя как на «тренеров, а не создателей контента», приспосабливая материал к студентам и при этом ориентируясь на чужую, более авторитетную, учебную программу. Такая товаризация — и стандартизация — обесценивает образование, подрывая суть профессии и препятствуя передаче неформальных знаний. Она укрепляет рынки, где «победитель получает все», и ускоряет демонтаж профессиональных сообществ. Рыночные отношения в человеческом капитале — это ставка на «звездных» преподавателей и знаменитые университеты, выбор в пользу нормы и общепринятых стереотипов. Враг не у ворот — он уже вошел в них.

Международные финансовые институты, такие как Всемирный банк, считают, что «неподходящие учебные программы», не имеющие отношения к экономике, следует убрать. В докладе, сделанном по поручению президента Франции Николя Саркози, отмечалось, что с младших классов учеников следует настраивать на трудовую занятость и что во всех начальных школах следует преподавать экономику. Британское лейбористское правительство попросило Управление по финансовому регулированию и надзору (Financial Services Authority) выработать рекомендации, как «внедрять культуру предпринимательства» в школах. В Италии премьер-министр Сильвио Берлускони заявил: все, что нужно

студентам знать, это три «i»: inglese, internet, impresa (английский язык, Интернет, предпринимательство). Вместо того чтобы изучать культуру и историю, дети должны научиться, как стать идеальными потребителями и получить рабочие места.

В четырех городах США в качестве эксперимента введена схема, когда школьникам доплачивают за обучение. В Далласе второклассникам платят по 2 доллара за каждую прочитанную книжку, в Чикаго старшеклассникам платят за хорошую успеваемость, в Вашингтоне, округ Колумбия, ученикам шестых – восьмых классов платят за хорошее поведение и регулярное посещение занятий. Некоторые родители жаловались, что это лишает детей естественной мотивации к получению знаний (Turque, 2010). Но рынок уверенно шагает вперед.

Тем временем поступают тревожные сигналы о том, что перестают читать, — это связано со всеобщим синдромом дефицита внимания. В документальном фильме «В ожидании Супермена» ("Waiting for Superman") отмечается, что сейчас впервые в истории появилось поколение американцев, которые менее грамотны, чем их предшественники (Harris, 2010). Как заметил преподаватель английского языка Марк Бауэрлейн (Mark Bauerlein) в интервью «Нью-Йорк таймс» "New York Times" (Bernstein, 2009): «У нас катастрофически низкий уровень в области обществознания и истории». Но вряд ли это интересно тем, кто ратует за товаризацию: ведь обществознание не поможет вам приобрести работу. Оно даже не сделает вас «счастливыми».

Компьютерное обучение и стандартизованные курсы занимают все больше места в системе образования. Французский экономист Даниель Коэн отмечал с одобрением: «Университет для нового века — то же, что фордистская фирма для века прошлого» (Cohen, 2009: 81). Но образование порождает нечто не имеющее исторических прецедентов. Людям продают все больше и больше «дипломов», которые все меньше и меньше ценятся. Продавцов уговаривают производить все новые и новые дипломы, покупателей — покупать еще и еще, и, если на них висит долг за приобретение прежней «корочки», им приходится одалживаться по новой, чтобы получить следующую, что хорошо только лишь

в том случае, если они найдут работу, которая окупит все эти затраты. Чем же это безумие грозит прекариату?

Давайте посмотрим, как это отражается на профессионализме. Мэтью Кроуфорд в своей книге-бестселлере «Уроки труда, или Учимся вкладывать душу» (Matthew Crawford. *Shop Class as Soulcraft*, 2009) обвиняет Америку в том, что она обесценивает квалифицированный труд. Он утверждает, что если раньше школьников учили основам профессий, которые были им интересны (на уроках труда), то теперь они должны посещать курсы, которые помогут им выдержать конкуренцию при поступлении в университеты. Реальные трудовые навыки принесены в жертву привычке получать как можно больше сертификатов.

Отчасти прекариат создается из-за опрощения системы образования. Идея в том, чтобы увеличить прибыли за счет увеличения «пропускной способности» вузов. В Великобритании сотни финансируемых за счет бюджета университетских курсов предоставляют академические дипломы, даже если изучаемые предметы к академической науке не имеют ни малейшего отношения. Союз налогоплательщиков (The Taxpayers' Alliance) в 2007 году выявил 401 случай «ненастоящих» курсов. Так, например, в Плимутском университетском колледже св. Марка и св. Иоанна (University College Plymouth St Mark and St John) выдавали диплом бакалавра с отличием по специальности «путешествие с философской мотивацией», а в Городском университете Лидса (Leeds Metropolitan University) — по «организации стиля жизни».

Также процветает нетрадиционная медицина. Ричард Томкинс (Tomkins, 2009) приводит 42 университета, предлагающих 84 курса по таким предметам, как рефлексология, ароматерапия, акупунктура и фитотерапия, в том числе 51 курс с получением диплома бакалавра. Это свидетельствует о том, что опять наступают «Темные века» — отход от рационального Просвещения к эмоциональному типу мышления, ассоциирующемуся с религией и предрассудками. За отсутствием очевидных доказательств ревнители альтернативной медицины цитируют свидетельства пациентов. Но это равносильно исцелению верой с эффектом плацебо.

Товаризация высшего образования узаконивает иррациональное. Любые курсы возможны, если на них есть спрос, если их можно продать потребителям, готовым платить. Практически любой может организовать псевдокурсы с выдачей сертификата, «потому что вы этого заслуживаете», что означает: потому что вы или ваши родители в состоянии платить, а мы намерены дать вам желаемое, а не то, что, по нашему убеждению, относится к науке или имеет ценность на основании накопленных столетиями знаний. Курсы и экзамены упрощаются, чтобы повысить процент успешно сдавших экзамены и не отпугнуть студентов: их нужно заманить и заставить раскошелиться.

Стоимость обучения в вузе растет быстрее, чем доходы, особенно в США. В этой стране с 1970 по 2010 год, когда средний показатель доходов на семью вырос в 6,5 раза, стоимость обучения в частном колледже выросла в 13 раз, а стоимость обучения в колледже, финансируемом из бюджета штата, — в 15 раз для жителей штата и в 24 раза для студентов из других штатов. Соотношение цена — качество тоже изменилось к худшему. В 1961 году студенты дневного отделения в колледже с четырехлетним сроком обучения посещали занятия в среднем 24 часа в неделю, а в 2010 году — всего 14 часов. Высок процент отчислений и академических отпусков: только 40 процентов студентов завершают образование за четыре года. И профессура, и студенты берут временную подработку. Слабая преподавательская нагрузка позволяет ученым больше времени уделять оплачиваемой исследовательской работе, а завышенные оценки позволяют студентам легче приобрести диплом. И такое «прохладное» отношение к учебе дает свои плоды. Старший преподавательский состав университетов «Лиги плюща», несильно перегруженный лекциями, теперь берет творческий отпуск раз в три года, обычно это было раз в семь лет. Чаще всего их функция лишь номинальная, для галочки.

Но не стоит их винить. Они действуют в соответствии с требованиями рыночного общества. Эта система разъедает профессиональную этику образования. Рынок строится на соглашательстве. Личные интересы — то, что прославлял Адам Смит и на

что молятся экономисты-неолибералы. Но многие профессора и учителя, живущие в этом коммерциализованном пространстве, вовсе не циники и не обманщики. Большинство поневоле смиряется, пытаясь приспособиться. Неолиберальное государство, насаждающее коммерческое поведение, в ответ на отказ преподавателей учить стандартно вводит надуманное тестирование качества работы и всяческие проверки с вытекающими из них санкциями и наказаниями. Страдает и молодежь, и преподаватели.

Тем временем международной реакцией на финансовый кризис 2008 года стало в числе прочего сокращение бюджетного обучения и дальнейший перенос затрат на плечи студентов и их семей. Бывший губернатор штата Калифорния Арнольд Шварценеггер сократил миллиард долларов из бюджета Калифорнийского университета (University of California). Плата за обучение поднялась на 20 процентов, вспомогательный штат уволили, профессуру отправили в неоплачиваемый отпуск. Его инициативу подхватили и в других штатах. В Великобритании правительство в 2009 году объявило, что собирается сократить расходы на высшее образование. Союз преподавателей вузов объявил о возможном закрытии 30 университетов, с сокращением 14 тысяч рабочих мест. Новое правительство увеличило запланированные сокращения и дало понять, что высшее образование должно стать еще более экономически оправданным. Искусство и общественные науки — вещи не обязательные.

Во всем мире сокращение бюджетных расходов усиливает спрос на обучение на коммерческой основе. В частный университет города Финикс, крупнейшего американского «поставщика образовательных услуг», увеличил набор студентов по всему миру в 2009 году с 384 тысяч до 455 тысяч. В Англии предприниматели и корпорации спонсируют школьные «академии», что позволяет им влиять на учебную программу и специальности. Такую схему, принятую лейбористским правительством, подхватила и претворяет в жизнь коалиция консерваторов/либерал-демократов. Медиагруппа Руперта Мердока собирается спонсировать школу в Лондоне, как это уже делает в Нью-Йорке, и можно не сомневаться, что она будет насаждать там свою правую идеологию. Еще

одна лондонская школа спонсировалась печально известными братьями Леман — до того, как их банк[8] обанкротился в 2008 году.

Товаризация образования — социальный недуг. За все нужно платить. Если образование продается как товар, пригодный для капиталовложений, если предлагается несчетное количество дипломов и сертификатов, но они не окупаются (то есть не позволяют найти хорошую работу с высоким окладом, чтобы вернуть долги, на которые человека подбили, уговаривая покупать все больше и больше такого «товара»), то еще больше обиженных и озлобленных присоединится к прекариату. В связи с этим вспоминается «рынок лимонов»[9]. Как говорится в старом советском анекдоте: «Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем». Вариант с образованием будет следующий: «Они делают вид, что обучают нас, мы делаем вид, что учимся». Инфантилизация мозгов — часть этого процесса, но не для верхушки общества, а для широких масс. Учебные курсы становятся проще, так что экзаменационные оценки можно и завысить. Профессора могут не беспокоиться.

- Со школьной скамьи — в прекариат

Можно заметить, что товаризованная система образования сейчас претерпевает реструктуризацию, с тем чтобы молодые кадры легко и естественно вписывались в гибкую систему труда, состоящую из привилегированной элиты, немногочисленного технического рабочего класса и растущего прекариата. Если индустрия образования продает дипломы-товары и если подразумевается, что большинство студентов не смогут сделать профессиональную карьеру, тогда открывается больший простор для предоставления «плебейских» товаров. Один юный любитель серфинга сказал, что собирается в Плимутский университет

8 Lehman Brothers Holdings, Inc.

9 Имеется в виду статья Джорджа Акерлофа «Рынок "лимонов": неопределенность качества и рыночный механизм», в которой рассматривается рынок подержанных машин, которые бывают двух видов: качественные и бессмысленные груды металла — «лимоны».

(Plymouth University) «изучать серфинг и его технологию»: на этом курсе он должен будет «два раза в неделю кататься на доске, это обязательная дисциплина». Таковы оболванивающие дипломы для оболваненных работников.

В Германии знаменитая система профтехобразования сворачивается, при этом все больше молодежи попадает в «переходную систему» — исправительные школы, которые редко дают серьезные навыки. Профессиональное обучение — вещь сугубо специальная, для этого существуют особые сертифицированные школы. Пекарь и кондитер —две разные специальности, а если кто-то хочет заправлять в «Макдоналдсе», пусть изучает Systemgastronomie. Из-за такой узкой специализации найти работу становится труднее. В 2005 году более трети выпускников все еще оставались безработными через год после завершения учебы. Эта система, удобная для индустриальной эпохи, стала неэффективной, ее жесткость в условиях гибкой экономики приводит к неизбежным сбоям.

Прослеживается тенденция к общей подготовке, облегчающей смену профессий и дающей возможность большему числу учебных заведений официально заниматься профтехобучением. Однако немецкая система действует таким образом, что все больше молодых людей вытесняются в прекариат. Детей уже в десять лет распределяют по средним школам трех уровней. Низший уровень, Hauptschulen, по традиции поставляющий будущих учеников профессионально-технических заведений, стал прибежищем для плохо успевающих детей, большинство из них оказываются сейчас в «переходной» системе. А система профтехобразования набирает учащихся из школ среднего уровня — Realschulen, прежде эти школы выпускали будущих «белых воротничков». Даже выпускники элитарных школ — Gymnasien — теперь могут попасть в подмастерья, хотя по идее они должны готовить к поступлению в университеты. Система образования приспосабливается к новым условиям и соответственно воздействует на молодежь.

Затем это разделение на потоки продолжается и на рынке рабочей силы. Таким образом, государственная бюрократия опре-

делила четыре карьерные дорожки, и, если ты оказался на одной из них, у тебя мало шансов перейти на другую. Одна отведена исключительно для людей с Meisterbrief — высшим званием в профессиональной области. При такой жесткой системе потоков те, кому с ранних лет не удалось попасть на привилегированную дорожку, понимают, что стремиться туда бессмысленно.

Немецкая система подводит свою молодежь: сравнительные показатели, приведенные ОЭСР в 2001 году, свидетельствуют о том, что успеваемость у 15-летних в Германии гораздо хуже, чем в других промышленно развитых странах. Более 20 процентов из них не умеют толком читать и считать, многие подростки вообще бросили школу. В отдельных регионах страны проведена реформа, призванная разрушить кастовые границы профессиональной и университетской подготовки. Но дело продвигается медленно. Вместо этого образование в Германии движется к трехуровневой системе потоков учащихся, причем все большая часть системы готовит молодежь к жизни в прекариате.

Система потоков, то есть распределение школьников по учебным классам в зависимости от их способностей, набирает силу и в США. Там школьное профессиональное обучение давно уже считается презренным уделом тупиц. А университеты рассматриваются как верный путь к высоким зарплатам и возможности работать в любой стране. К 2005 году пятая часть старшеклассников изучала профессиональные дисциплины, тогда как в 1982 году — одна треть. И все же требования рынка труда обернулись против покупателей дипломов. Похоже, сознавая это, Консультативный экономический совет при президенте США Обаме предложил выдавать больше дипломов о двухгодичном обучении в технических колледжах, в некоторых штатах пытаются оживить профессиональное образование, получают распространение «академии карьеры», где академические и технические программы сочетаются с приобретением трудового опыта. Президент Обама попросил каждого американца посвятить как минимум один год профессиональной подготовке. Большие надежды возлагают на муниципальные колледжи. Промежуточный процесс распределения школьников по классам

становится все более определенным, подготавливая молодежь к более низкому уровню рабочей жизни.

А на другой стороне земного шара миллионы выпускников второразрядных университетов пополняют ряды китайского прекариата. Набор студентов в университеты увеличился с 1 миллиона в 2000 году до 7 миллионов в 2010-м. Эта система создала знакомый нам путь социальной иммобильности (Chan, 2010). Те, кто поступает в хорошую начальную школу, переходят затем в хорошую среднюю школу — именно оттуда набирают студентов лучшие университеты. Но массы все же воспитываются в бедных семьях, живут в бедных регионах, ходят в простую начальную школу и завершают образование в простой средней школе, из которой попасть в лучшие университеты немыслимо.

Начиная с 2006-го ежегодно более миллиона выпускников университетов оказываются без работы. Их называют «племя муравьев» (Si, 2009), или «бродячее племя», поскольку они живут колониями или бродят по студенческим городкам в отчаянной попытке заручиться поддержкой и помощью. Группы бывших выпускников селятся на городских окраинах в жалких лачугах. Три четверти из них — выходцы из сельских районов, и у них нет документов на проживание. Почти все они люди одинокие, перебиваются случайными заработками, а мизерную зарплату делят на всех. При таких зарплатах нужно работать год, чтобы выкупить крошечную каморку в ветхом жилище.

- Ловушки нестабильности для молодежи

Две ловушки нестабильности поджидают молодежь с высшим образованием. Одна из них долговая. Предположим, они хотят добиться профессионального признания и сделать карьеру, что требует долговременной стратегии. Они выходят из колледжа с дипломами и долгами — судебные приставы уже начеку и ждут, когда выпускник заработает (или не заработает), чтобы прийти и потребовать долг. Но очень многие вскоре обнаруживают, что работу они могут получить только временную, а заработка не

хватает, чтобы расплатиться с долгами. Их должности не соответствуют их квалификации и ожиданиям. Они видят и слышат, что миллионы их сверстников выполняют работу, для которой приобретенные навыки вовсе не обязательны. Они вынуждены брать что подвернется, а не то, что позволит им стать признанными специалистами в той области деятельности, к которой их готовили в колледже. Но что еще хуже — некоторые потенциальные работодатели, зная о том, что работник обременен долгами, относятся к нему с подозрением.

В Токио студентов с непогашенной ссудой на образование заносят в черный список, в дальнейшем им бывает труднее найти работу из-за сомнительной кредитной истории. Фирмы, занятые подбором персонала, наводят соответствующие справки. Так что одно вытекает из другого. В целом молодежь разрывается между ожиданиями, основанными на имеющемся дипломе и долгих годах обучения, и необходимостью много зарабатывать. Это и есть вторая ловушка нестабильности. Они соглашаются на временную работу, потому что им нужен достаточный заработок, чтобы жить и возвращать долги. А могут и не согласиться, потому что это разрушит их карьерную перспективу. Если они откажутся от временной «тупиковой» работы, их могут заклеймить как лентяев и паразитов. Если они возьмутся за нее, они могут оказаться на неверном пути.

Много говорилось о том, действительно ли у нынешней молодежи иное отношение к работе, нежели у их предшественников. Говорят, им хочется больше так называемого баланса между работой и личной жизнью, как это называют политики, но это смешно: на самом деле трудно представить, как можно желать дисбаланса между жизнью и работой. Считается, что люди поколения Y, которое еще называют поколением миллениума, или поколением «айпод» (в общем, это все родившиеся после середины 1970-х), менее амбициозны в материальном плане и менее привязаны к рабочим местам, чем бэби-бумеры (рожденные в период с 1946 по 1970 год) или поколение X (родившиеся в промежутке). На самом деле это может быть связано с особенностями рабочих мест, доступных молодому поколению, и обилием

ловушек нестабильности. По психологическим и экономическим причинам многие просто не готовы привязаться к работам, которые могут исчезнуть в любую минуту.

Согласно результатам некоторых исследований, проведенных в США, большинство молодых наемных работников признали свою лояльность работодателю (Hewlett et al., 2009). Однако опрос наемных работников с высшим образованием в двух компаниях показал, что 89 процентов поколения Y и 87 процентов бэби-бумеров также ценят гибкую занятость, и больше чем две трети признались, что хотели бы работать какое-то время удаленно. Только мизерная часть — меньшинство в каждом из этих поколений — сказали, что «работа для них главное», большинство же не рассматривали работу как путь к счастью. В этом отношении оба поколения похожи, разница — в реальности, с которой они сталкиваются. Эти исследования проводились среди тех, кто умудрился получить штатные должности, и вполне естественно, что они проявляли бóльшую приверженность к своим рабочим местам, чем те, у кого постоянной работы нет.

Исследования, проведенные в Великобритании (Centre for Women in Business, 2009), также показали, что молодые профессионалы проявляют лояльность к своим фирмам, но эта лояльность условная, так как большинство из них готовы уйти, если не дождутся повышения. Их родители слишком доверяли «организациям», не оправдавшим доверия, и не хотели бы повторения подобной обидной ситуации. И хотя некоторые уверяли, что Великая рецессия была для поколения Y чем-то вроде «проверки на годность» (Tulgan, 2009), возможно, на самом деле она лишь укрепила молодежь во мнении, что «система» против них.

И наконец, ловушки нестабильности отражают расхождения между ожиданиями молодежи и системой подготовки «человеческого капитала», продающей дипломы и сертификаты по фальшивому каталогу. Бóльшая часть должностей, предлагаемых молодежи, вовсе не требует многолетних занятий в вузе, и то, что обучение преподносят как подготовку к работе, рождает ложные иллюзии, заканчивающиеся недоумением, досадой и разочарованием.

- Стажеромания

Тем временем получил распространение новый вид нестабильной работы, сугубо для молодых. Популярный в старые добрые времена «испытательный срок», по крайней мере в принципе, заканчивался, как и профподготовка, получением стабильной должности. Стажерство этого не обещает. Говорят, что стажер приобретает полезный опыт, который прямо или косвенно откроет ему дорогу к постоянной занятости. На деле многие работодатели видят в стажерах (практикантах) способ приобрести дешевую разовую рабочую силу. И все же молодежь рвется получить эти неоплачиваемые или малооплачиваемые стажерские места в надежде поучаствовать в трудовом процессе, приобрести навыки и опыт, расширить круг полезных знакомств и, может быть, каким-то образом закрепиться на этой работе.

В некоторых странах стажерство становится чем-то вроде rite de passage (переходного обряда) для молодежи из среднего класса. В США даже имеются «виртуальные стажеры», работающие удаленно на одну или несколько компаний; они занимаются исследованиями, переговорами о продажах, маркетингом, графическим дизайном или развитием социальных сетей. И хотя студенты таким образом знакомятся с потенциальными сферами будущей трудовой деятельности и могут работать там, где их это устраивает, у этой медали есть и обратная сторона — изоляция и отсутствие коллектива для установления деловых связей.

В США стажеры могут получать ежемесячное пособие по безработице в размере до 400 долларов, пока они официально указывают, что ищут работу. Стажерство маскирует безработицу, создает искусственную занятость и помогает улучшить послужной список. Федеральный закон запрещает использовать стажеров в качестве временной замены постоянных сотрудников. Однако проследить за этим трудно. Чтобы избежать юридических сложностей, некоторые фирмы вводят ограничения для стажеров, принимая только студентов с дипломами вузов. Поэтому некоторые молодые работники поступают в учебные

заведения только для того, чтобы их взяли в стажеры. Молодые люди, оказавшиеся безработными, также становятся стажерами. Этим соискателям стажерских мест советуют говорить, что они хотели бы попробовать свои силы на другом поприще или поучиться чему-то, — только не признаваться, что они потеряли работу, а другой у них нет (Needleman, 2009). Все это очень печально.

Стажерство прокралось в политику рынка труда. Согласно Административному плану стажерства в Южной Корее, принятому в 2008 году, выпускникам предлагается временная стажерская работа в правительственных ведомствах или госучреждениях на срок до 11 месяцев. Стажеры при этом не считаются госслужащими, на них не распространяется Закон о трудовых нормах и Закон о государственной службе, после участия в этой программе они не становятся госслужащими, не могут стать полноценными штатными сотрудниками, а их зарплата ниже минимальной. Они могут пройти курс обучения для сотрудников, чаще всего это удаленное обучение, но, поскольку большинство из них стажируются пять месяцев, а не одиннадцать, обозначенных как крайний срок, этого времени для нормального обучения явно недостаточно. По данным проведенного опроса, лишь 8 процентов сказали, что стажерство дало им возможность развить профессиональные навыки.

В Великобритании стажеры в основном набираются из семей среднего класса, которые в состоянии поддерживать отпрысков, желающих заполучить лишнюю галочку в резюме и зацепиться за реальную работу. Проводились даже аукционы для стажеров в средствах массовой информации и прочих привилегированных секторах, поскольку неоплачиваемый или оплачиваемый «трудовой опыт» все чаще становится основным требованием при получении «достойного места». И хотя нанимать человека совсем без жалованья противозаконно, именно это и происходит со стажерами. Суд по делу, которое рассматривалось в 2009 году («Николя Ветта против "Лондон Дримз"» — Nicola Vetta vs London Dreams), постановил, что стажерка имела право на минимальную заработную плату по стране, даже при-

том что согласилась работать на кинокомпанию на условиях «только возмещения расходов». Юридически никто не может «соглашаться» работать на условиях незаконного найма. Но такое случается повсеместно.

Стажерство представляет нешуточную угрозу молодежи из прекариата и других социальных слоев. Даже если стажерам и платят сколько-нибудь, им поручают дешевую и бесперспективную работу, что снижает потолок зарплат и уменьшает перспективы роста для других, кого могут взять в штат. Конечно, некоторым молодым людям стажерская практика может дать некоторые преимущества в дальнейшей карьере, но это все равно что покупать лотерейный билет: затраты неизбежны, только в данном случае ложатся они на семью стажера.

И наконец, было бы ошибкой считать, что стажерство всего лишь одна из особенностей богатых стран и молодежи из среднего класса. Эта практика распространена и в Южной Корее, и в Китае. Забастовка на крупном заводе фирмы «Хонда» по выпуску трансмиссий в Фошане показала, что стажеры составляют треть от всей численности сотрудников: стало понятно, насколько широко распространено в китайской промышленности использование труда студентов и временных работников (Mitchell, 2010). Здесь, как и всюду, стажеры — незащищенная замена регулярной рабочей силе.

- Конфликт поколений

Молодежь в промышленно развитых странах выходит на рынок труда, где от нее ждут все больших «жертв» — поскольку за счет низких зарплат молодежи финансируются пособия пенсионерам, которых становится все больше. Демографические данные не радуют. В Японии тенденция старения населения наиболее заметна: если в 1950 году на каждого пенсионера приходилось десять работающих, то в 2000 году их было всего четыре и, по прогнозам, к 2025 году их число сократится до двух. Не менее 70 процентов бюджета социального обеспечения этой страны направляется на помощь пожилым и только 4 процента — детям

(Kingston, 2010). Как обстоят дела с пожилыми, мы еще поговорим далее. А сейчас нас интересует прежде всего молодежь.

Молодежи в двадцать первом веке приходится приобретать больше дипломов и сертификатов, причем задорого, чтобы получить хотя бы надежду на рабочее место с возможной перспективой карьеры (для многих она так и остается туманной надеждой). Но даже если они займут долгожданное место, им, нынешним работникам, придется делать отчисления на пенсии для работников вчерашних. Поскольку стоимость пенсионного обеспечения растет, в основном из-за старения населения, государство увеличивает сумму, которую должны отчислять в пенсионный фонд сегодняшние наемные работники, и одновременно повышает планку пенсионного возраста. Но что еще хуже для нынешних трудящихся — государство сокращает реальную стоимость завтрашних государственных пенсий. Сегодняшних работников призывают активнее участвовать в пенсионном плане с фиксированными взносами, что подразумевает больше рисков (то есть вместо гарантированного уровня пенсии пенсионные выплаты будут зависеть от деятельности инвестиционных фондов, ценность которых может существенно колебаться). Часто работников заставляют вносить отчисления в пенсионные фонды, делающие капиталовложения от их имени независимо от того, относится это к компетенции фонда или нет.

- Люди без голоса и рецессия после 2008 года

Молодежь выходит на рынки труда в некотором замешательстве, многие разочарованы отсутствием ожидаемого статуса, чувствуют свою экономическую незащищенность и не видят реальной возможности строить карьеру. Во многих странах к этой удручающей перспективе добавляется еще и безработица. Финансовый кризис больно ударил по молодежи. Миллионы потеряли работу, миллионы других не смогли ее найти, а те, кто нашел, обнаружили, что их заработок гораздо ниже, чем у их предшественников. К 2010 году безработица среди молодежи (в возрасте от 16 до 24 лет) в Испании составляла более 40 процентов, в Ирлан-

дии 28 процентов, в Италии 27 процентов, в Греции 25 процентов. Уровень безработицы среди американских тинейджеров и вовсе достиг шокирующей отметки в 52 процента. Во всем мире процент молодежи, оказавшейся вне рынка труда, втрое превышает долю взрослых. Многие продолжили или попытались продолжить обучение, тем самым раскручивая спираль повышения «квалификационных» требований для получения рабочих мест.

В Японии кризис усилился переходом молодежи в прекариат, когда компании заморозили наем на начальные позиции для руководящего салариата. По традиции выпускники университетов ежегодно в марте поступали на штатную работу, которая обеспечивала им впоследствии пожизненную занятость. Во время экономического спада начала 1990-х такая практика была частично приостановлена, а после 2000 года заморозка найма стала широко распространенной. В 2010 году каждый пятый выпускник вуза не получал предложения о работе. Модель салариата рассыпалась на глазах. Почти половина всех крупных и средних фирм заявили, что не собираются нанимать новых штатных сотрудников. И когда работодатели начали по собственной воле крушить устоявшиеся нормы найма, выпускникам пришлось приспосабливаться к новым условиям и новым перспективам.

Замешательство молодежи на рынке труда усугублялось тем, что она не имела возможности заявить о своем разочаровании — не имела «голоса», чтобы выторговать для себя более защищенное будущее. Укрепление прав постоянных работников, как следствие деятельности профсоюзов и социал-демократических движений двадцатого века, настроило прекариатизированную молодежь против профсоюзов. Молодежь считает, что профсоюзы защищают интересы рабочих старого типа, молодым же на подобные привилегии рассчитывать не приходится. В прежних бастионах тред-юнионизма, таких как Испания или Италия, молодежь отворачивается от профсоюзов. Если честно, профсоюзы хотели распространить привилегии и на временных рабочих. Но не преуспели. Они видят, что всюду происходит уменьшение зарплат и сокращение рабочих мест, подрывающие их легитимность, — дело дошло до того, что политики социал-демократы

считают своим долгом дистанцироваться от профсоюзов. Даже сами профсоюзные лидеры в растерянности. Ричард Трумка, которого в 2010 году избрали главой AFL-CIO[10], признал, что, когда молодые люди «смотрят на профсоюзы, чаще всего они видят пережиток экономики своих родителей».

Сегодня молодежи трудно установить коллективные связи на производстве, отчасти потому, что они — часть гибкой рабочей силы, занимают временные должности, работают удаленно и т.п. Молодежь составляет костяк мировых городских кочевников, быстро перемещаясь с одного публичного места на другое, от интернет-кафе до любой другой площадки, служащей для них и рабочим, и игровым местом. Так, Алессандро Дельфанти, организатор сети San Precario Connection, заметил: «Наше поколение утратило право затевать конфликт в производственной сфере» (Johal, 2010). Это верно, но молодежь нуждается в коллективном голосе в том или ином виде.

- Мрачные перспективы

Молодежь сталкивается с разного рода трудностями. Многих заманивает ловушка прекариатизированного существования. Для многих, прошедших через коммерциализированную систему образования, наступает период статусной фрустрации. Для кого-то недолгий период игры в прекариат — лишь интерлюдия между институтом и завидным местом в богатом салариате или даже в элите, однако большинству молодых будущее сулит лишь цепь постоянно сменяющихся временных работ, без каких-либо перспектив профессионального карьерного роста. Все больше молодых понимают, что все дело в «возможности устроиться на работу», что нужно показать себя с лучшей стороны, проявляя гибкость и понимая при этом, что все это весьма далеко от того, что им действительно хочется.

10 Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов.

Кому-то эта задача не по силам. Из-за противоречий между образованием и перспективой незащищенного труда некоторые вообще отказываются от поиска работы — выбирают богемный образ жизни, который у итальянцев называется alternativi, или «когнитариат», предпочитая материальному благополучию творческий дух и независимость (Florida, 2003: 35). Немногие на такое отваживаются, и опять-таки это фаустовская сделка: за свободу платить все равно когда-нибудь придется, ведь в старости у тебя не будет пенсии и прочих материальных благ. Но со стороны это выглядит заманчиво.

Уоррен Бафетт (Warren Buffett) предложил теорию снежного кома. Чем раньше вы определитесь со своими профессиональными навыками и стремлениями, тем дальше они будут «катиться», накапливаясь, набирая вес и силу. Если драгоценные ранние годы потрачены на поиски то одной, то другой нестабильной работы, способность к дальнейшему развитию резко снижается. Поэтому молодежь может озлобиться. Перспектива постоянной нестабильности вызывает ощущение, что эти препоны искусственные, неестественные.

Таков итог. Молодежь из прекариата протестует против затуманивания света знаний и против товаризации жизни, ведущей к явной нестыковке между коммерциализованным обучением и профессиями, к которым молодежь готовилась и которые для нее недоступны. Жизнь разворачивается перед молодыми как большая трагедия статусной фрустрации, при этом они не признают лейборизма, оставляя его своим «предкам». И это повод, чтобы задуматься.

- Старики: «нытики» и «оптимисты»

Мир «стареет», и мы с этой мыслью давно свыклись. Можно описать тот же процесс как «омоложение», потому что, хотя продолжительность жизни увеличилась и процент людей преклонного возраста в народонаселении становится выше, все больше «старичков» продолжают вести активный образ жизни. Теперь часто говорят, что сегодняшний 70-летний — это вче-

рашний 50-летний. Может, это говорится для успокоения, но по сути верно.

В то время как молодежь борется за место под солнцем, пожилые люди пребывают в замешательстве — кто в приятном, а кто и нет. Десятилетиями им твердили, что они не нужны, выгоняли раньше времени на пенсию во времена рецессий, а теперь им объясняют, что они должны работать дольше.

В период первой рецессии неолиберальной эпохи, в начале 1980-х, правительства богатых стран поспешили отодвинуть стариков в экономическую тень, снабдив пенсиями по нетрудоспособности (даже притом что многие из них были по-прежнему трудоспособны) или выдав специальные пособия по безработице и в связи с ранним увольнением по возрасту. Все это делалось с целью освободить рабочие места для молодежи. И хотя политикам того времени идея представлялась довольно разумной, на деле это оказалось ошибкой, за которую пришлось расплачиваться. Главный результат: фактический срок выхода на пенсию стал заметно ниже официального. К 2004 году в странах ОЭСР лишь 60 процентов людей в возрасте 54–64 года имели работу, тогда как среди тех, кому от 24 до 49 лет, работающих было 76 процентов.

Тем временем в экономически развитых странах молодые женщины перестали заводить детей, коэффициент фертильности стал ниже темпов воспроизводства. И правительства вдруг испугались пенсионной «бомбы замедленного действия», так как количество людей, чей возраст приближается к пенсионному, превысило число молодых работников, вливающихся в ряды рабочей силы, а именно они могут финансово пополнять пенсионные фонды. Назревал кризис.

- Отмирание пенсий

Эпоха пенсий была очередным чудом современного мира, хоть и заняла лишь крохотный отрезок истории. Это было одно из заблуждений глобализации. В течение нескольких лет в промышленно развитых странах за вычетом налогов и взносов в фонд социального обеспечения обязательная пенсия состав-

ляла 70 процентов от предыдущего чистого дохода, а для малооплачиваемых — более 80 процентов. В Нидерландах в 2005 году средняя сумма чистых пенсионных выплат превышала чистый средний заработок, в Испании она составляла более 80 процентов от него, в Италии, Швеции, Канаде и Франции более 60 процентов, в Германии и США около 60 процентов. Из крупных стран ОЭСР только в Великобритании и Японии она оставалась в пределах 50 процентов. Государственная пенсия в Великобритании упала до такого низкого уровня, что начиная с 2012 года связь между заработком и пенсией, разрушенную правительством Тэтчер, стали восстанавливать.

На самом деле напугала политиков и пенсионные фонды простая арифметика. Во всем мире доля населения в возрасте 65 лет и старше с 2010 по 2040 год должна увеличиться вдвое, до 14 процентов. В Западной Европе, если не остановить миграционный поток, процент представителей этой возрастной группы увеличится с 18 до 28. К 2050 году пятой части 9-миллиардного населения будет за 60, а в сегодняшних богатых странах таких окажется не менее трети. Примерно каждому десятому будет за восемьдесят. В развивающихся странах уже 490 миллионов людей в возрасте старше шестидесяти, и их будет еще больше — к 2050 году почти 1500 миллионов. По прогнозам ООН, ожидаемая при рождении продолжительность жизни увеличится с 68 лет в 2010 году до 76 лет к 2050 году, а в богатых странах — с 77 до 83 лет. При этом пожилых женщин будет больше, поскольку в среднем они живут на пять лет дольше мужчин.

Некоторые дают еще более оптимистичные прогнозы насчет долголетия. Согласно наблюдавшейся длительное время тенденции каждый год продолжительность жизни увеличивалась на три месяца, так что к 2050 году ожидаемая продолжительность жизни в странах, где она традиционно высока, будет более 90 лет. При этом увеличивается жизненная активность пожилых. Нетрудоспособных среди людей старше 65 лет стало меньше, и наблюдается сокращение периода повышенной заболеваемости в последние годы жизни. Так что деятельных «старичков» вокруг станет намного больше.

Проблема в том, что пенсии не рассчитаны на ситуацию, которую мы наблюдаем в двадцать первом веке. Когда США вводили у себя в 1935 году программу Social Security (государственных пенсий), направленную на предотвращение обнищания пожилых людей, работники выходили на пенсию в 65 лет, а средняя ожидаемая продолжительность жизни равнялась 62 годам. С тех пор ожидаемая продолжительность жизни увеличилась до 78 лет. В 1983 году США узаконили поэтапное повышение пенсионного возраста, предполагая к 2027 году поднять планку до 67 лет. Но это означает, что обещанное пенсионное обеспечение распространится на куда больший период, чем это было в 1930-х, если не будут предприняты дальнейшие изменения. А они будут. Аналогичные изменения происходят во всех богатых странах.

Главное для нашего анализа то, что среднестатистический человек может прожить много лет, официально находясь на пенсии. В ОЭСР в 2007 году подсчитали, что в странах, входящих в эту организацию, мужчины предположительно могут провести на пенсии от 14 до 24 лет, а женщины — от 21 года до 28 лет. Это на 50 процентов больше, чем в 1970 году, причем цифры эти занижены, поскольку учитывалась ожидаемая продолжительность жизни по состоянию на 2007 год, а не в будущем. Так что в финансовом плане ситуация весьма проблематичная.

Согласно данным МВФ, потери финансового кризиса покажутся ерундой по сравнению с потерями «кризиса старения». Эти подсчеты сделаны с учетом трудностей, с которыми сейчас сталкивается пенсионный фонд: предполагается, что нынешняя схема участия в трудовых ресурсах получит дальнейшее развитие и повысится удельный вес «престарелого населения» — то есть число людей в возрасте от 15 до 64 лет, поделенное на число людей в возрасте 65 лет и старше. В странах Евросоюза этот удельный вес в 2040 году сократится с четырех до двух. Таким образом, если сегодня на поддержание одного пенсионера идут отчисления из зарплат четырех работающих, к 2040 году эта нагрузка падет всего лишь на двух. Но все куда серьезнее, поскольку не каждый в возрасте от 15 до 64 лет трудоустроен.

Если принять это во внимание, удельный вес престарелого и несамодеятельного населения сократится с трехдо менее чем полутора. Грубо говоря, каждые три трудоустроенных человека будут поддерживать двух человек старше 65 лет, если они будут на пенсии.

Но этого не случится. Идея пенсии по возрасту отомрет наряду с самой пенсией, которая годилась лишь для индустриальной эпохи. Реакцией на финансовый кризис стало сворачивание всех схем ранней пенсии и пособий по нетрудоспособности в связи с возрастом, уменьшение государственных пенсий, увеличение возраста, по достижении которого люди могут претендовать на какую-либо государственную пенсию, и возраста, когда они могут претендовать на полную государственную пенсию. Суммы отчислений увеличиваются, а планка пенсионного возраста отодвигается, больше даже для женщин, чем для мужчин, чтобы добиться в этом плане равноправия. Увеличивается и срок, в течение которого человек должен делать пенсионные отчисления для получения права на государственную пенсию, и еще больше становится срок, в течение которого нужно делать отчисления, чтобы получить полную пенсию. В некоторых странах, особенно в Скандинавии, официальный возраст для получения государственной пенсии сейчас привязан к ожидаемой продолжительности жизни, так что возможность получать пенсию будет отдаляться, поскольку в среднем люди живут дольше, и еще больше отдаляться с каждым очередным «прорывом» в медицине.

Все это, вместе взятое, рушит старый общественный договор. Но картина куда более сложная, поскольку, хотя правительства и понимают, что с пенсиями оказались в финансовой дыре, они обеспокоены тем, как эффект старения скажется на предложении рабочей силы. И как бы дико ни выглядело это в разгар рецессии, правительства ищут способы удержать пожилых работников в трудовых ресурсах, вместо того чтобы отправить их на пенсию: им кажется, что работников будет не хватать. И самый удобный способ решить эту проблему — упростить для пожилых переход в прекариат.

- От ранней пенсии до пенсионного труда

Политики нашли выход. Поскольку становится больше работ, по сути своей прекариатских, их вполне можно поручить пожилым, а поскольку пожилых людей вокруг множество, все больше работ попадают в категорию прекариатских. Такая вот наблюдается зависимость.

Взять, например, Великобританию. Лес Мэйхью (Mayhew, 2009) заметил, что участие в трудовых ресурсах резко сокращается после 50 лет — примерно когда человек получает право на частную пенсию. К 64 годам менее половины мужчин и менее трети женщин заняты трудовой деятельностью. Большинство из них здоровы, и уровень здоровья людей в возрасте 50–70 лет неуклонно повышается. Чем крепче здоровье у человека и чем лучше образование, тем больше вероятность, что в пожилом возрасте он будет экономически активным. Мэйхью подсчитал, что среднестатистический человек достаточно здоров, чтобы работать еще 11 лет после установленного государством возраста выхода на пенсию — то есть после 65 лет. И пожилых наперебой уговаривают работать.

Многие и без лишнего напоминания это делают, часто неофициально. Многие уже оказались в рядах прекариата. Действительно, пожилые люди стали главной движущей силой в развитии этого класса. Пожилые люди представляют собой дешевую рабочую силу, им платят мало, льгот и пособий у них почти нет, их можно без труда уволить. В чем-то они похожи на мигрантов, о которых пойдет речь дальше. А в чем-то и нет, потому что большинство из них довольны прекариатским существованием, в узком смысле этого слова. Они часто просто рады, что пригодились. Многие из них уже работают на добровольных началах. Организация, защищающая интересы пожилых людей, — Age Concern — подсчитала, что в этом качестве они приносят британской экономике 30 миллиардов фунтов стерлингов в год, и это не считая заботы о внуках (и, как это бывает все чаще, о детях).

Пожилые люди предпочитают частичную занятость, временные работы или работают на себя. По результатам опроса общественного мнения в США и Европе выяснилось, что в этих

странах, за исключением Франции и Германии, большая часть бэби-бумеров предпочитают работать дольше для большей пенсии, но при этом многие из них за частичную занятость. А в 2007 году опрос общественного мнения Eurobarometer («Евробарометр») показал, что 61 процент американцев хотели бы работать на себя, а не ходить на службу. И хотя европейцы младше 24 лет почти все высказались за относительную свободу и готовность рисковать, европейцы постарше все же предпочли работу на работодателя. Однако возрастные различия перекрыли национальные. Почти 57 процентов португальцев отдали предпочтения самозанятости, среди бельгийцев таких было 30 процентов. Все это большое подспорье политикам, мечтающим облегчить пожилым участие в рынке труда по достижении пенсионного возраста. И молодые, и старые смотрят на это положительно, хотя настроения варьируются от страны к стране. Почти пять человек из каждой десятки опрошенных в Великобритании, Дании, Финляндии и Нидерландах заявили «Евробарометру», что пожилым людям нужно помогать искать работу, если они этого хотят. По контрасту 55 процентов греков были против, а в Греции, на Кипре, в Венгрии, Италии и Португалии большинство опрошенных высказали опасение, что пожилые будут отнимать рабочие места у молодых.

В период рецессии после 2008 года правительства предприняли обратное тому, что сделали в 1980-е: вынуждали пожилых оставаться на рынке труда, ограничив выдачу пособий по нетрудоспособности и затруднив ранний выход на пенсию. Многим пожилым пришлось забыть о заслуженном отдыхе, так как из-за финансового кризиса их пенсионные накопления пострадали.

Показательно, что занятость пожилых во время рецессии после 2008 года не так сильно уменьшилась, как занятость молодых. В США, отчасти из-за кризиса пенсионных выплат, приток пожилой рабочей силы увеличился. Согласно одному исследованию, 44 процента опрошенных в возрасте старше 50 лет решили отложить выход на пенсию и половина из них собиралась работать на три года дольше, чем планировалось ранее. Более четверти американской рабочей силы — это люди старше 55 лет, а значит, ожидается существенное увеличение доли пожилых работников

в трудовых ресурсах. Согласно ежегодному опросу общественного мнения, проводимому Институтом исследования пенсий рабочих и служащих (Employee Benefit Research Institute), изменения произошли, и разительные. В 2007 году 17 процентов опрошенных планировали выйти на пенсию до достижения 60-летнего возраста, а в 2009-м таких оказалось лишь 9 процентов. Тех, кто подумывал выйти на пенсию с 60 до 65 лет, тоже стало меньше. Планирующих уйти на покой после 65 стало больше (31 процент вместо 24). И еще больше увеличилась доля тех, кто вовсе не собирался на заслуженный отдых (с 11 до 20 процентов). О каком серьезном изменении в сознании говорят эти цифры! Это не классический эффект «вторичной занятости», присущий каждой рецессии в двадцатом веке. Это что-то новое.

Старение населения осложняет межпоколенческие связи. В индустриальном обществе молодежь и взрослые наиболее трудоспособного возраста обеспечивали своих детей и не думали о родителях: пожилые люди не особо нуждались в поддержке — они были далеко, не требовали многого, а у кого-то родителей уже не было в живых. В наши дни все больше молодых, имея в перспективе прекариатизированную жизнь, не представляют, как смогут поддерживать родителей, особенно в течение длительного времени. А из-за позднего деторождения такая перспектива еще более пугающая: ведь им придется одновременно заботиться и о престарелых родителях, и о маленьких детях.

Так что пожилые не могут рассчитывать на помощь детей. И им приходится выходить на рынок труда, где они охотно вливаются в ряды прекариата. Но это влечет за собой последствия. Поколение пожилых, лишенных семейной поддержки, может стать тяжким финансовым бременем. Правительства некоторых стран не хотят мириться с этой перспективой. Киндия идет впереди всех. В Китае, как и в Индии, принятый в 1996 году закон вменяет взрослым в обязанность заботиться о своих родителях. Придавая формальный статус давней конфуцианской традиции, государство дало понять, что эта традиция под угрозой. Есть опасения, что распространится правило «четыре — два — один», то есть на одного представителя младшего поколения будет воз-

ложена забота о двух родителях и четырех старших предках: двух дедушках и двух бабушках. А жить в ячейке из трех поколений может быть непросто из-за географической мобильности.

В других странах власти возлагают больше надежд на «работоспособных» пожилых, которые поддержат беспомощных стариков, и на женщин, несущих тройную нагрузку: заботу о детях, о стариках плюс работа для заработка. Ну а для самых обделенных есть социальные работники и дома престарелых.

- Дотационное поколение

Прекариат активно пополняется за счет пожилых людей, которым не нужна карьера или льготы и пособия, положенные при долговременном найме. Они представляют собой угрозу для молодежи и других групп в прекариате, поскольку легко соглашаются на малооплачиваемую краткосрочную работу. Их не беспокоит отсутствие карьерного роста, в отличие от молодых. Однако пожилых можно также условно разделить на «оптимистов» и «нытиков».

Оптимистам просто хочется что-то делать. У них есть какая-никакая поддержка в виде пенсии, ипотечные взносы за дом у них уплачены, медицинской страховки хватает на лечение, дети взрослые и сами за себя отвечают, может быть даже помогают в случае необходимости, в том числе и финансово. Многим просто хочется найти зыбкий баланс между работой и жизнью. Обычно считается, что этим прежде всего озабочены молодые пары, имеющие детей. Но у пожилых свои причины. Люси Келлауэй (Kellaway, 2009) очень удивилась, когда 56-летний бывший директор по маркетингу сообщил ей, что стал почтальоном.

> Но после его рассказа мне многое стало понятно. Его новая работа дает ему возможность проявить смекалку. Каждый день он возвращается домой в час пополудни — и может больше не думать о работе вплоть до 7.30 следующего утра. На его прежней должности офисные дела не давали ему покоя даже дома, так что он толком не мог

ни на чем сосредоточиться. И я вдруг начала понимать, почему он так любит нынешнее свое занятие. Не потому, что ему так нравится быть почтальоном, а потому, что для него это лучше, чем быть старшим менеджером. И он с радостью таскает тяжелую сумку, потому что знает другой вариант. Он знает, какая это мука: проводить рабочие часы, уговаривая людей сделать то, чего им не хочется, и отвечать за то, что ты не можешь изменить.

Многие пожилые могли бы примерно то же сказать о себе, даже радуясь, что делают что-то не для карьеры. Они устраиваются на временные должности, понимая, что там не пригодятся их опыт и знания. И тем самым они составляют опасную конкуренцию молодым работникам, надеющимся вырасти в профессиональном плане.

А у «нытиков», как правило, нет нормальной пенсии, не выплачены долги за жилье и зачастую нет семьи. Им нужны деньги, они боятся оказаться на улице — в роли попоршайки. Их отчаянное положение также делает их угрозой остальным группам в прекариате, поскольку они согласны на все. Но и пожилым «оптимистам», и пожилым «нытикам» в прекариате становится легче состязаться с молодежью, поскольку правительства реагируют на пенсионный кризис и прогнозы сокращения в будущем рабочей силы.

Во-первых, правительства предлагают субсидии для частных (а иногда и общественных) пенсионных инвестиций. Опасаясь очередного витка пенсионных затрат, правительства ввели налоговые льготы для частных пенсионных сбережений. И это несправедливо, как и большинство субсидий. Это как взятка тем, кто может позволить себе сделать что-то в своих долгосрочных интересах. С точки зрения равенства этому трудно найти оправдание. Субсидии позволяют пожилым более активно соперничать с молодыми работниками. Те, кому за пятьдесят или за шестьдесят, получают пенсионный доход по схемам субсидирования и поэтому могут браться за работу с более низкой зарплатой, без пенсионных отчислений со стороны работодателя. И их легче уговорить работать неофициально, «не для отчета».

Во-вторых, правительства дают фирмам больше возможностей удерживать пожилых сотрудников и даже нанимать новых. Некоторые выделяют на это субсидии. В Японии зарабатывать на жизнь в глубоком пенсионном возрасте становится нормой. Но в таких фирмах, как Hitachi, тех, кому исполнилось шестьдесят, нанимают заново, но на меньшее жалованье (в случае с Hitachi это 80 процентов обычной зарплаты), с пониженным статусом и без надбавки за выслугу лет, которую покрывает правительственная субсидия.

В-третьих, пожилые люди — последний рубеж для защитного регулирования. Из-за представлений, сложившихся в индустриальном обществе, по-прежнему сплошь и рядом встречается дискриминация по возрасту. Политики борются с этим. Началось все с американского закона «О дискриминации по возрасту при трудоустройстве» от 1967 года (Age Discrimination in Employment Act of 1967), который уравнивал в правах на трудоустройство людей старше 40 лет с остальными. Позднее была принята поправка: фирмы могут устанавливать обязательный возраст выхода на пенсию для большинства должностей. Во Франции правительство ввело налогообложение — так называемый налог Делаланда, размером вплоть до годовой зарплаты, — для фирм, которые увольняют пожилых рабочих. Из-за этого налога фирмы стали бояться брать на работу пожилых людей, и в 2010 году его решили отменить. Но во многих странах, следуя директиве Евросоюза, стараются запретить дискриминацию по возрасту.

Если мы признаем, что производительность труда с возрастом снижается, тогда законы против возрастной дискриминации могут привести к тому, что работодатели попытаются как-то иначе избавляться от работников с меньшей производительностью труда. Если правительства пытаются компенсировать готовность держать сотрудников с низкой производительностью предоставлением субсидий для пожилых, тогда возможности, может, и сравняются. Но в третичной системе разница в производительности не так уж и велика. Политики, вознамерившись уравнять возможности, на самом деле лишь добавят преимуществ пожилым. Вегард Скирбекк (Vegard Skirbekk) из Международ-

ного института прикладного системного анализа (International Institute for Applied Systems Analysis) показал, что во многих профессиях производительность труда в зрелом возрасте действительно снижается. Но работ, относимых к категории 3D (dirty, dangerous and demanding, то есть грязные, опасные и тяжелые), становится все меньше, и все больше таких, где требуются когнитивные способности, а они действительно снижаются после 50 лет. Притупляется «подвижный интеллект» — в том числе способность делать вычисления, приспосабливаться к новому. Но к счастью для пожилых, «кристаллизованный интеллект» — общие знания, опыт и навыки речи — не снижается до глубокой старости. И даже, может быть, те, у кого за плечами более карьерноориентированный опыт, приобретают качества, которых нет у людей, долгое время находившихся в прекариатизированном положении. Поэтому люди с карьерным опытом имеют больше преимуществ на множестве должностей.

У пожилых явно есть и еще одно преимущество: в отличие от молодых им не нужны льготы и пособия предприятий. Им не нужен декретный отпуск, ясли, медицинская страховка, дотации на жилье, членство в спортклубе и т.п. Поэтому раз они обходятся предприятию дешевле, пожилые подрывают переговорные позиции молодежи.

В США корпорации держатся за детей бэби-бума предпенсионного возраста, придумывая разные поощрения, чтобы они больше работали, или используя налоговые послабления. Например, Cisco Systems, компания, производящая сетевое оборудование, связала свою элегантно названную «сеть наследия лидеров» (то есть сотрудников предпенсионного возраста) с «сетью новой смены» (тоже эвфемизм, но попроще) для поощрения передачи опыта и знаний. Это означает для пожилых — больше «работы ради работы» и больше трудозатрат. Придумали для этого даже красивое название: «менторство» (на деле — почти бесплатное натаскивание).

И поскольку пенсионеров становится все больше, нежелание сегодняшних работников платить за вчерашних будет все заметнее, особенно когда они поймут, что им самим в будущем

на такую денежную поддержку рассчитывать не приходится. Выход — многокомпонентные пенсионные системы, с частными планами в качестве субсидируемого дополнения к съеживающимся государственным программам. Это шаг к пожизненным накопительным планам, которые теоретически будут удобны для прекариата и «квалифицированных кадров», добавляя источник гарантированного дохода в виде доступной ссуды в случае нужды. На практике эти изменения могут лишь увеличить количество незащищенных просто потому, что многие не могут делать отчисления регулярно или достаточно часто. Люди не способны достаточно накопить, чтобы покрыть пенсионные риски, и получится ограниченное взаимосубсидирование — вроде того, что мы видим в схемах социального страхования.

Пенсионные риски осложняются тем, что пенсионные фонды могут обанкротиться или сделать неудачные капиталовложения, как произошло после финансового кризиса. Рискуют пожилые, в том числе поэтому каждый раз во время рецессии они пополняют резерв рабочей силы, подстегивая безработицу и способствуя снижению уровня зарплат.

Призыв пожилых к труду может дорого обойтись государству. Больше работы может означать меньше бесплатной работы, которую обычно выполняют пожилые люди. Многие пенсионеры трудятся на общественных началах, ухаживают за больными, присматривают за внуками, немощными престарелыми родственниками и т.п. Активное выталкивание их в прекариат приведет к неизбежным потерям в этой области. Но самая большая проблема — в том, что пожилые получают дотации, в отличие от молодых работников, и охотнее переходят в статус прекариата. Чтобы разрешить эти противоречия, требуются дальнейшие реформы, о характере которых пойдет речь в седьмой главе.

Этнические меньшинства

Непонятно, всегда ли этнические меньшинства будут пополнять ряды прекариата. Мы упоминаем их здесь потому, что они оказываются перед высокими барьерами на рынке труда. Но оче-

видно, что этнические меньшинства пытаются воспроизводить свои профессиональные ниши из поколение в поколение, часто посредством семейного бизнеса и этнических контактов и связей.

Это ни в коем случае не относится ко всем меньшинствам. Так, в США во время рецессии после 2008 года наступила так называемая мужская безработица, от которой сильнее всего пострадали чернокожие. Половина всех молодых мужчин-афроамериканцев к концу 2009 года были безработными, и эта пугающая статистика основана лишь на показателях рынка труда, без учета заключенных, а в то время чернокожих за решеткой было почти в пять раз больше, чем белых.

Чернокожие американцы становятся жертвами жестокого стечения обстоятельств: это тюремное прошлое, концентрация в регионах с высоким уровнем безработицы, ограниченность связей в мелком бизнесе, а также низкий уровень образования. К 2010 году лишь около половины всех взрослых чернокожих были трудоустроены, причем молодых чернокожих мужчин — всего 40 процентов. Для белых взрослых мужчин этот показатель равнялся 59 процентам. Чернокожие, потерявшие работу, в среднем оставались безработными на пять недель дольше, чем остальные, — это влекло за собой потерю трудовых навыков, позитивного настроя, контактов и т.п. Шансы сделать карьеру и не попасть в прекариат для них очень невелики.

Нетрудоспособные: понятие пересматривается?

Понятие «нетрудоспособный» наводит на грустные мысли. У всех есть недостатки того или иного свойства. И многие из нас живут, не давая окружающим повода задуматься о своей ущербности: физической, умственной, психологической и т.п. Но многие страдают оттого, что их конкретное расстройство заметили и обращаются с ними соответственно.

В нашем наполненном электроникой мире мгновенной диагностики и коммуникации проще определить и классифицировать человеческий недостаток и навсегда приклеить к нему этот ярлык. А значит, больше людей попадает в поле зрения, чтобы их

классифицировать, попытаться вылечить или проигнорировать. И здесь есть опасность дискриминации.

Так недееспособность и прекариат сходятся воедино. Те, кого сочли «особыми», вероятно, обнаружат, что круг их возможностей сузился до нестабильных прекариатских, более того, их, скорее всего, будут еще и подталкивать в ту сторону. А один из аспектов старения общества таков, что все больше людей доживают до глубокой старости, когда становятся недееспособными, а из-за того, что живут дольше, их ущербность дольше остается на виду.

Государство отреагировало на увеличивающиеся случаи недееспособности, создав целый политический арсенал. С точки зрения рынка труда есть утвержденная система квот, специальные рабочие места, антидискриминационные законы, поправки для обеспечения равных возможностей на рабочих местах и т.п. И государство всячески старалось выявить достойных несчастных, отсеяв лишних. В 1980-х во многих странах прибегали к пособиям по нетрудоспособности, зачастую не совсем оправданно: людей спасали от безработицы, не давая при этом работы. К началу двадцать первого века правительства стали смотреть на растущие счета пособий придирчивым взглядом счетовода и решили сократить их: пересмотреть статус инвалидности, найти среди инвалидов таких, кто дееспособен, и отправить их на работу. Многие через эту боковую дверцу попали в прекариат.

Теперь об аспекте, который редко обсуждается на публичных дебатах: о временной нетрудоспособности. Именно она служит важной и все более крепкой сцепкой между нетрудоспособностью и прекариатом. Миллионы людей время от времени испытывают болезненные состояния: причиной может быть мигрень или депрессия, диабет или эпилепсия. Вероятнее всего, они будут потеряны для всемирного гибкого рынка труда: работодатели не захотят таких нанимать и постараются поскорее избавиться от работников с ограниченной дееспособностью. Многие из них переключатся на работы прекариата, и для них начнется цикл разочарований и неуверенности в завтрашнем дне. Не исключено, что проблемы со здоровьем от этого еще больше усилятся и даже появятся новые. Люди с временной нетрудоспособностью могут

наткнуться на заградительные барьеры в самой системе социальной защиты. Им могут сказать, что они способны работать, а это действительно так, и откажут в пособии. Возможно, большинство из них хотело бы получить постоянную работу. Но кто их возьмет, если есть другие, более «надежные»?

Криминализованные: прекариат из-за решетки

Прекариат растет за счет огромного числа людей, которые тем или иным образом криминализованы. Их стало больше чем обычно. Одной из характерных черт глобализации стал рост числа заключенных. Все больше становится арестованных, осужденных и отправленных за решетку — эти граждане превращаются в резидентов, лишенных основных прав. По большей части они обречены на существование в качестве прекариата. Это во многом было связано с возрождением утилитаризма и стремлением наказать нарушителей, с новыми технологическими возможностями государственного надзора и приватизацией охранных служб, тюрем и т.п.

Произошло обратное тому, что предсказывали в 1970-е Мишель Фуко (Michel Foucault), Дэвид Ротман (David Rothman) и Майкл Игнатьев (Michael Ignatieff), полагавшие, что тюремная система отмирает: тюрьмы стали крупным, хорошо развитым учреждением и сильным политическим инструментом. С 1970-х в Бельгии, Франции и Великобритании количество тюрем удвоилось, в Греции, Нидерландах и Испании — утроилось и в пять раз увеличилось в США (Wacquant, 2008). Каждый день к итальянским узникам добавляется 70 новых. Тюрьма — индикатор прекариата, лаборатория прекариатизированной жизни.

США, Китай и Россия в плане криминализации опережают всех, заключая в тюремные камеры миллионы своих граждан и многих иностранных. На 50 американцев по меньшей мере у одного имеется криминальное прошлое, и его права в обществе ограничены. Такие страны с возросшим уровнем преступности, как Великобритания и Франция, делают из жителей криминализованных резидентов. Около 40 процентов всех лиц, содержа-

щихся в британских тюрьмах, это бывшие «неблагополучные дети», воспитанники приемных семей. Они будут по-прежнему нарушать закон, потому что у них нет работы и они не могут ее получить из-за того, что сидели в тюрьме.

Криминализация обрекает людей на прекариатизированное существование, с ненадежной и бесперспективной работой, к тому же людям с криминальным прошлым бывает очень трудно наладить стабильную жизнь. И это двойное наказание практически на каждом шагу, поскольку оказывается, что они не просто наказаны за совершенное преступление — перед ними возникают преграды, не дающие им наравне с обычными гражданами участвовать в жизни общества.

Однако прекариат также растет и в самих тюрьмах. В четвертой главе мы поговорим о том, как в Китае используется труд заключенных. Но даже такие непохожие страны, как США, Великобритания и Индия, все движутся в примерно одинаковом направлении. В самой крупной индийской тюрьме за пределами Дели, приватизированной разумеется, используют труд узников для производства разной продукции, большая часть продается онлайн: трудно найти рабочую силу дешевле, люди работают по восемь часов в смену, шесть дней в неделю. Узники с дипломами зарабатывают примерно 1 доллар в день, остальные чуть меньше. А в Великобритании в 2010 году новый министр юстиции заявил, что тюремный труд следует расширить, и высказал пожелание, чтобы заключенные работали по 40 часов в неделю. В США тюремный труд за скудное жалованье давно стал нормой. Так что прекариату вне тюремных застенков будет с кем посоревноваться.

Подытоживая сказанное

Прекариат объединяет людей с разным социальным опытом и состоит не только из групп, которые мы только что рассмотрели. Правильнее будет сказать, что есть разный прекариат, с разной степенью незащищенности и разным отношением к своему нестабильному существованию.

Рост мирового прекариата совпал с четырьмя значитель-

ными переменами. Женщины стали вытеснять мужчин, так что даже заговорили о мужской безработице и феминизации рынков труда. Пока мужчин заталкивали в прекариат, женщинам пришлось нести тройную нагрузку. Но что еще важнее, пожилые стройными рядами стали выходить на рынок труда, получая субсидии, если соглашались, за нестабильную работу — в результате понижался уровень зарплат, а молодежи стало труднее устроиться на работу. Молодежь, со своей стороны, оказалась в состоянии статусной фрустрации, без перспектив профессионального роста, в окружении получающих субсидии соперников — как соотечественников, так и иностранцев. Если молодые требуют большего, их начинают обвинять в лености, как мы это еще увидим. Ситуация безвыходная.

Также примечательно, что, судя по всему, увеличивается процент взрослого населения, страдающего от той или иной общественно признанной нетрудоспособности, и этим людям достаются нестабильные бесперспективные работы, часто субсидируемые государством. И наконец, по разным причинам все больше людей криминализуется, и им достается место под нижней ступенью прекариата. Остается рассмотреть последнюю категорию, так сказать легкую пехоту, всего этого процесса — мигрантов.

Мигранты составляют значительную долю мирового прекариата. За счет мигрантов численность прекариата растет, но они же могут стать и главной жертвой: мигрантов часто демонизируют, представляя дело так, будто они виновны во всех тех проблемах, которые на самом деле возникли не по их вине. И все же, за редким исключением, мигранты стремятся лишь к одному — к лучшей жизни.

Понятие «мигрант» тянет за собой исторический шлейф и охватывает множество типов образа жизни и поведения. Некоторые мигранты напоминают кочевников: они переезжают с места на место, не имея постоянного пристанища, и — вынужденно или по привычке — выбирают бродячую жизнь, надеясь в один прекрасный день где-нибудь окончательно осесть. Настоящий кочевник всегда знал, куда он направляется и зачем. Современный кочевник действует по обстоятельствам и скорее полагается на случай. Существуют «маятниковые» мигранты — они уезжают из дома на заработки или ради нового опыта, но рано или поздно собираются вернуться обратно. А еще есть мигранты-невозвращенцы — беженцы, они переезжают в другие страны в поисках политического или иного убежища с намерением остаться там навсегда.

Если копнуть чуть поглубже и обратиться к реалиям середины двадцатого века, когда экономики были более закрытыми, мы увидим, что по мере развития процессов глобализации возросла и мобильность жителей планеты. Ежегодно национальные границы пересекает миллиард людей, и количество их только растет. Согласно данным Международной организации миграции (International Organisation for Migration), в 2010 году в мире насчитывалось 214 миллионов мигрантов, иначе говоря, они составляли три процента мирового населения. Возможно, эта цифра даже несколько занижена, поскольку, естественно, она не учитывает нелегальных мигрантов, не попадающих в статистические сводки. Кроме того, около 740 миллионов людей являются «внутренними»

мигрантами, и среди них 200 миллионов китайцев, переехавших из сельской местности в индустриальные центры, — а они по многим признакам напоминают международных мигрантов (House, 2009).

И хотя после финансового кризиса 2008 года легальная иммиграция в промышленно развитые страны замедлилась, до этого она неуклонно увеличивалась на 11 процентов в год (OECD, 2010a). Каждый четвертый австралийский рабочий — мигрант, так же как каждый пятый ирландский рабочий. В Европе 12 миллионов европейских граждан живут в европейских странах, не являющихся их родиной.

Самый крупный поток мигрантов по-прежнему принимают США. В первое десятилетие двадцать первого века ежегодно в страну въезжало свыше миллиона легальных мигрантов и примерно полмиллиона нелегальных. В настоящее время здесь мигрантом является каждый восьмой, и примерно один из шести работников имеет иностранное происхождение — это самый высокий показатель с 1920-х годов. Из-за тщательно возведенных барьеров доля мигрантов в американской рабочей силе снизилась с 21 процента в 1910 году до 5 процентов в 1970-м. Однако к 2010 году она опять подскочила до 16 процентов. В Калифорнии иммигрантом является каждый третий работник, а в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Неваде — каждый четвертый. Хотя мигранты главным образом задействованы в сельском хозяйстве, строительстве, ресторанном обслуживании, здравоохранении и на транспорте, четверть высококвалифицированных работников с ученой степенью имеют иностранное происхождение.

Большие потоки мигрантов принимают также и другие страны. К 2000 году мигранты составляли свыше 10 процентов населения в 70 странах, тогда как в 1970 году стран с такими показателями было всего 48. В Германии мигрантами либо потомками мигрантов являются 16 миллионов человек при общей численности населения 82 миллиона. В некоторых городах иммигранты составляют более трети населения, причем более половины из них дети. В других европейских городах наблюдается та же тенденция: доля мигрантов неуклонно растет отчасти из-за низкой рождаемости среди местных жителей. В Великобритании мигран-

том является каждый десятый, и в первое десятилетие двадцать первого века наблюдался беспрецедентный приток переселенцев из-за границы. Если данная тенденция сохранится, то во второй половине двадцать первого века белые британцы рискуют оказаться в меньшинстве (Coleman, 2010).

Современная миграция не сводится к переезду из бедных стран в богатые. Всего лишь около трети мировых мигрантов — это переселенцы из бедных стран в богатые, тогда как еще треть — это переселенцы из одной богатой страны в другую и треть — переселенцы из одной бедной страны в другую. Во многих странах, в частности в ЮАР, одновременно наблюдаются крупные отток и приток людей. Более того, несмотря на то что образ мигранта по-прежнему связан с переселенческими районами, в современной миграции выделяют семь признаков, характерных для эпохи глобальных преобразований и приводящих к росту прекариата.

Первый признак — исторически большая доля нелегалов. Многие правительства смотрят на этот факт сквозь пальцы, заверяя, что ограничивают миграцию, тогда как на самом деле они способствуют росту низкооплачиваемых трудовых ресурсов. Больше всего нелегальных мигрантов проживает в США: по оценкам специалистов, в 2008 году их насчитывалось 12 миллионов — что на 42 процента больше, чем в 2000 году, — причем более половины из них — выходцы из Мексики. Ответ на этот политический вызов был довольно невнятным. В 2006 году Палата представителей приняла законопроект, который объявил нелегальную миграцию тяжким преступлением, однако инициатива не нашла поддержки в Сенате. Аналогичная попытка была предпринята в 2007 году, но и на этот раз она не увенчалась успехом. В 2009 году два профсоюза составили план урегулирования ситуации и развернули кампанию по легализации незаконных мигрантов. Но тоже не преуспели. Сторонники реформ выдвигали множество аргументов и, в частности, заявляли, что выведение иммигрантской экономики из тени повысит собираемость налогов, покончит со злоупотреблениями, которым подвергаются нелегалы, будет способствовать повсеместному росту зарплат и экономическому подъему. Однако

не хватило политической воли перейти от заявлений к действиям. Слишком многим было на руку существование армии нелегалов, а популисты подняли шум, что легализация мигрантов ударит по благополучию местных граждан.

В других странах также увеличивался приток нелегальных мигрантов, что приводило к аналогичным политическим маневрам и конфликтам интересов. Нелегальные работники являются дешевой рабочей силой, при необходимости или в случае неподчинения требованиям работодателей их можно легко уволить и выслать из страны. Они не числятся в штате компаний, не учитываются при подсчете домохозяйств и во время рецессий легко вытесняются на задворки общества. В период экономического подъема показатели производительности чудесным образом устремляются вверх, поскольку статистические данные не отражают реально нанятой рабочей силы, а во время рецессий снижение показателей трудовой занятости происходит медленнее, чем падение спроса и предложения. Так что нелегальные мигранты действительно представляют собой теневую резервную армию.

Второй признак: в отличие от последнего пика миграции в начале двадцатого века, когда большую часть мигрантов составляли переселенцы, все более возрастает доля «маятниковых» мигрантов. Современные «маятниковые» мигранты считают себя гастарбайтерами: они перебираются на новые места в поисках временной работы, рассчитывая отсылать деньги оставшейся дома родне.

Третий отличительный признак — это феминизация миграции (OECD, 2010b). В потоке международных мигрантов все более заметное место занимают женщины, зачастую одинокие, причем по своему числу они бьют все исторические рекорды. Женщины составляют значительную долю внутренних мигрантов, в некоторых странах — бóльшую часть. Наряду с такими угрожающими и хорошо документированными тенденциями, как контрабанда и проституция, отметим и «оковы домохозяйства», когда сельские женщины уезжают на заработки в город, поручая заботу о собственных детях третьим лицам. Часто связанные жесткими обязательствами или долгами, они уязвимы, беззащитны и зачастую

влачат полуподпольное существование. Часть переездов также связана с сомнительными браками — когда молодые женщины, поддавшись на уговоры родных или следуя культурной традиции, соглашаются на сомнительные брачные предложения. Тем не менее бóльшую часть мигрантов традиционно составляли мужчины, устремляющихся на поиски лучшей жизни.

Четвертый признак миграции в эпоху глобализации — это высокая мобильность студентов. И хотя сама по себе данная тенденция не нова, армия мобильных студентов существенно расширилась — правда, отчасти из-за антитеррористических мер, значительное их число направляется не в США, а в другие страны. С 2001 по 2008 год доля иностранных студентов в США снизилась с 28 до 21 процента, меж тем как количество мобильных студентов в мире увеличилось на 50 процентов.

Пятый признак — это перемещение внутри многонациональных корпораций. Этот феномен также восходит к далекому прошлому — например, в Средние века так вели себя крупные торговые банки. Теперь же переезды приобрели систематический характер. Они затрагивают большинство звеньев — от управленческого состава до младшего персонала. Итог — рваная карьера и мешанина разнообразного опыта.

Шестой признак более зловещий. Никогда прежде мир не знал такого количества беженцев и людей, ищущих политического убежища. Отношение к этим двум категориям мигрантов закреплено юридически в конвенции ООН 1951 года «О статусе беженца» (Convention Relating to the Status of Refugees), принятой в связи с массовыми перемещениями во время и после Второй мировой войны. В те времена проблема воспринималась как краткосрочная и требовала разового урегулирования: людям помогали вернуться домой либо устроиться в других странах. Теперь же число людей, стремящихся покинуть зоны конфликтов, опасаясь притеснений, возрастает стремительными темпами, при этом им все труднее становится въехать в избранные ими страны, поскольку возникающие на их пути препоны становятся все более жесткими. Многие мигранты становятся социально и экономически уязвимыми, причем это состояние приобретает хронический характер.

По данным Агентства ООН по делам беженцев, в 2009 году насчитывалось свыше 15 миллионов беженцев, большинство — в странах Азии и Африки, и еще миллион претендовал на политическое убежище и ожидал решения соответствующих органов. В результате конфликтов около 27 миллионов людей покинули места исконного проживания и переместились в другие точки в пределах своих стран (данные Центра мониторинга за внутренними перемещениями — Internal Displacement Monitoring Centre, 2010). В глобальном смысле перед нашими глазами разворачивается трагедия. Миллионы людей годами влачат унизительное существование в грязных общежитиях, центрах для беженцев, в палаточных лагерях или на пустоши, утрачивая профессиональные навыки и вообще человеческий облик.

Благородный принцип невысылки, состоящий в том, что ни одна страна не имеет права выслать человека на родину, если там он подвергается опасности, превратился в источник злоупотреблений. В некоторых странах процесс рассмотрения дел беженцев в среднем растягивается на 15 лет и более. Ухудшилось положение лиц, застрявших в транзитных странах и рассчитывающих перебраться в государства, куда их не хотят пускать. Во многих странах, в которых большинство граждан выступает за ограничение иммиграции, беженцы и претенденты на политическое убежище вызывают более враждебное отношение, чем находящиеся в более благоприятном положении экономические мигранты.

Наконец, существует новая категория мигрантов — «экологические беженцы». К 2050 году 200 миллионов людей могут покинуть дома из-за ухудшения экологической обстановки — подъема уровня моря или других результатов климатических изменений (данные Фонда экологической справедливости — Environmental Justice Foundation, 2009). В 2005 году ураган «Катрина» спровоцировал самое крупное в истории США перемещение людей. За две недели северную часть побережья Мексиканского залива покинуло 1,5 миллиона беженцев — в три раза больше, чем зону «Пыльного котла» на Западе США в 1930-е годы, во время катастрофических пыльных бурь. Половина жителей Нового Орлеана не вернулась в родной город даже пять лет спустя. Это весьма

красноречивый факт, и он свидетельствует о том, что ситуация в Новом Орлеане далеко не уникальна.

Итак, миграция усиливается и меняет свой характер, порождая все более сильную неуверенность и делая социально незащищенными все более крупные группы людей. Но и это еще не все. Происходит «детерриторизация» ("de-territorialisation") миграции. Таким неуклюжим словом обозначается малоприятная тенденция. Внутри государственных границ начинают с подозрением относиться к людям, которые «внешне похожи на мигрантов»: их останавливают на улице полицейские либо дружинники и заставляют предъявить удостоверения личности и документы, подтверждающие их легальный статус.

В 2010 году в американском штате Аризона был принят закон SB1070 о «детерриторизации»: от людей, задержанных по подозрению в незаконной деятельности, стали требовать доказательств, что они легальные мигранты. Защитники этого закона утверждают, что в таких действиях нет ничего расистского, однако именно вследствие него люди, похожие на мигрантов, переходят в статус подозреваемых у полиции. То, что происходит в Аризоне, происходит и в большей части мира.

Новые резиденты

Рассматривая различные категории мигрантов — кочевники, «маятниковые» мигранты, нелегалы, беженцы, переселенцы и т.д., — вспомним о забытом статусе, который имеет глубокие исторические корни. Речь идет о *резиденте* — как противовесе *гражданину*. В Средние века в Англии и других европейских странах резидентом считался проживающий в данной стране иностранец, наделенный монархом либо правителем отдельными — но далеко не всеми — правами, автоматически предоставляемыми уроженцам данной страны либо ее гражданам. Иностранцу-резиденту за определенную плату жаловалась «привилегия», дающая ему возможность купить землю либо заниматься своим ремеслом.

Согласно общему праву резидент не был полноправным гражданином, его статус соответствовал современному виду

на жительство; этот закон восходит к практике, существовавшей в Древнем Риме, когда переселенцу предоставлялось право постоянного проживания, но не разрешалось участвовать в политической жизни. Позднее слово «резидент» на Западе приобрело другой подтекст и стало обозначать завсегдатаев того или иного места, например завсегдатаев ночных клубов. Перед отменой рабства в США резидентами также называли негров, не являвшихся рабами.

Все иностранные мигранты являются резидентами, причем их различные группы наделены неким набором прав — гражданских, социальных, политических, экономических и культурных, — но не более того. Современная система международного права признает существование разных категорий резидентов. Наименее защищенные — это лица, ищущие политического убежища, и нелегальные мигранты. Они пользуются гражданскими правами (например, правом защиты от физической расправы), обычно на основе территориального принципа, то есть эти права действительны до тех пор, пока они пребывают на территории государства, однако эти люди не имеют ни политических, ни экономических прав. Чуть более защищенными являются натурализовавшиеся временные резиденты, однако их экономические и политические права также урезаны. Лучше защищены те, кто выполнили все необходимые формальности и стали полноценными гражданами. Эта система имеет множество уровней, она сложилась спонтанно и различается даже в пределах одного регионального блока, каким является Европейский союз.

Натурализация иностранцев также порождает проблемы, они связаны с двойным гражданством и разнообразными статусами. Иногда мигранты не хотят получать гражданство стран, где они проживают либо работают, из страха потерять гражданство родной страны. Бывает и так, что человек имеет право проживать в стране, но не имеет права там работать и зарабатывать, имея при этом право работать в другой стране без права проживать там, если не найдет работу. Некоторые юристы называют этот феномен «космополитической натурализацией» — cosmopolitan denizenship (Zolberg, 1995).

Тем не менее категория «резидент» полезна, поскольку дает возможность сформулировать, что можно и чего нельзя делать в социуме. В самой нижней части шкалы находятся претенденты на политическое убежище, которые практически бесправны. По мере увеличения их числа правительство все сильнее перекрывает им кислород. Зачастую их унижают и воспринимают так, будто они преступники. Наиболее приспособленные пытаются выживать, примыкая к прекариату и перенимая его привычки. Многие просто чахнут, видя, что их жизнь пошла насмарку.

За ними следуют нелегальные мигранты — они наделены общегражданскими правами, однако у них отсутствуют экономические, социальные и политические права. Как правило, у них нет иного выбора, кроме как пополнить ряды прекариата, причем многие работают на теневую экономику. В США миллионы нелегальных мигрантов, не имеющих права на работу, находят себе применение на рынке труда. Они живут под вечной угрозой депортации и без всякой социальной защиты, в частности не получая пособий по безработице. В Испании существование теневой экономики объясняется наличием миллионов нелегальных мигрантов. И вполне вероятно, аналогичная ситуация складывается в большинстве стран мира.

Мигранты с временным видом на жительство въезжают в страну по рабочей визе и могут легально работать только в определенных сферах. Они обладают неким набором социальных прав: могут получать пособия на уровне предприятия и государства и, возможно, имеют право стать членами экономических организаций — профсоюзов или торгово-промышленных ассоциаций. Однако они поражены либо существенно ограничены в правах в том, что касается социально-экономической мобильности, а отсутствие политических прав практически лишает их возможности интегрироваться в местное общество. Такие мигранты — классические резиденты.

Далее следуют резиденты, имеющие долгосрочный вид на жительство и формальное разрешение выбирать себе работу по нраву. Они чувствуют себя относительно защищенными, тем не менее и этой группе может грозить ущемление экономических

и социальных прав. В частности, в тех случаях, когда их квалификация не признается в стране, в которую они приезжают. Так, дипломированным инженерам, архитекторам или дантистам может быть отказано в праве работать по специальности лишь на том основании, что их диплом не соответствует местным стандартам. В итоге для миллионов квалифицированных мигрантов закрывается путь в профессию, и они пополняют собой прекариат: им приходится браться за неквалифицированную работу, которая не соответствует ни уровню их знаний, ни предыдущему опыту.

Это несоответствие в основном и дало толчок лицензированию отдельных видов профессиональной деятельности с выдачей соответствующего сертификата (Standing, 2009). Только в Германии получить работу по специальности не могут более полумиллиона мигрантов, поскольку государство не признает их квалификацию. Однако этот феномен имеет глобальный характер. Выдача лицензий на осуществление профессиональной деятельности стала средством по ограничению и структурированию миграции. В Нью-Йорке совсем не трудно встретить мигрантов-адвокатов и кандидатов наук, крутящих баранку такси. В странах с федеративным устройством наподобие США, Австралии и Канады даже переселенцы из одного штата или провинции в другую область могут оказаться в положении резидентов и потерять право работать по специальности либо заниматься торговлей. Однако значительно чаще такого рода препятствия возникают при пересечении государственных границ. Лицензирование стало частью глобализации процесса труда и в настоящее время представляет собой мощный заслон, лишающий экономических прав все большее количество людей.

Как правило, по закону резиденты не допускаются на государственную службу и не могут занимать политические посты — им легче заняться мелким предпринимательством, чем работать по найму. Их чаще выставляют за порог ради сохранения общественной безопасности, если они ведут себя не как «добропорядочные граждане». Подобное отношение мешает процессу интеграции и закрепляет за мигрантами статус аутсайдеров. Во Франции и Германии действует трехуровневая система: полноценные политические права принадлежат гражданам, усеченные

политические права — гражданам других стран Европейского союза, что же до представителей третьего мира (не ЕС), то у них нет вообще никаких политических прав. В Великобритании представители некоторых третьих стран — из Британского содружества наций и Ирландии — относятся к первой или второй группе.

Правительства ужесточали требования к желающим стать легальными мигрантами, тем самым увеличивая количество обладателей резидентского статуса, то есть людей с ущемленными правами. Резиденты могли обладать правами *де-юре*, однако *де-факто* они были лишены многих гарантий. Самые вопиющие примеры мы находим в развивающихся странах.

В Индии, где по определению все индийцы наделены равными правами, эта норма не распространяется на сферы закона, политики и практической деятельности. Например, после многолетней борьбы обитатели трущоб могут получить право голоса и продовольственные талоны, но их никогда не подключат к городскому водопроводу и канализации. Процедура приобретения прав, связанных с местным резидентством, не разработана и может занять произвольное количество времени. Внутренние мигранты имеют право проживать и работать в любой точке страны, однако при переезде в ряд штатов они не могут записать детей в школу и получить продовольственные или промтоварные талоны, поскольку каждый штат самостоятельно вырабатывает законы относительно приезжих. В положении резидентов также находятся работники неформального сектора. Например, надомный работник, обитающий в городских трущобах, не будет иметь прав на электричество. Уличный торговец воспринимается как преступник. А такие «неграждане», как домашняя прислуга из Бангладеш и Непала, вообще не имеют никаких прав.

Заметнее всего число резидентов подскочило в Китае. Здесь частично ущемленными в правах оказались 200 миллионов сельских мигрантов, переехавших в города и промзоны, где производится продукция, поставляемая на мировой рынок. Из-за отсутствия «хукоу» (прописки) они не имеют права на получение пособий и не могут легально устроиться на работу в своей собственной стране.

В отличие от миграции начала двадцатого века современная миграция в меньшей степени предполагает ассимиляцию и приобретение нового гражданства. Скорее это обратный процесс, связанный с утратой гражданства. Вместо того чтобы закрепиться на новом месте и стать постоянными жителями, многие мигранты лишаются сразу нескольких гражданских привилегий: они не получают тех прав, которые гарантированы местным гражданам, не пользуются правами, которые гарантированы гражданам той страны, из которой они прибыли, и лишены прав, предоставляемых тем, кто находится в стране на законных основаниях. Помимо того, многие не имеют права работать по специальности. При этом у них мало шансов приобрести права, которых они лишены, что дает возможность подвергать их жестокой эксплуатации. Они не становятся частью пролетариата — рабочего класса, состоящего из постоянных работников. Это работники одноразового употребления, они не получают никаких пособий ни от государства, ни от предприятия, на котором трудятся, и их можно в любой момент вышвырнуть на улицу. А если они будут сопротивляться — работодатель подключит полицию, недовольных оштрафуют как нарушителей закона и вышлют из страны.

Таким образом мы получаем фрагментацию трудового процесса, при которой у разных видов прекариата имеются различные гарантии и разные структуры общественного дохода. И это связано с вопросом социальной и профессиональной идентичности. У коренных жителей идентичность может быть разноплановой, легальные мигранты могут сосредоточиться на той, которая дает им наибольшую защищенность, а нелегалы боятся даже думать об идентичности — иначе их разоблачат и депортируют.

Теперь, прояснив для себя понятие «резидент» и не забывая о нем, рассмотрим различные группы мигрантов и их роль в росте мирового прекариата.

- Беженцы и нуждающиеся в политическом убежище

Начнем с беженцев и претендентов на политическое убежище. Об их бедственном положении свидетельствует следующий пример. Согласно докладу омбудсмена парламента и Службы

здравоохранения (Parliamentary and Health Service Ombudsman, 2010), в Службе пограничного контроля Великобритании (UKBA), занятой решением иммиграционных вопросов, скопилось четверть миллиона дел претендентов на политическое убежище. Их ходатайства не рассматриваются годами; некий сомалиец, которому в 2000 году был предоставлен вид на жительство в Великобритании, получил все необходимые документы только в 2008-м. Люди, подобные ему, заняты в теневой экономике — они маргинализированы. Статус резидента приносит им жалкое денежное пособие (42 фунта стерлингов в неделю) и не дает права работать — из-за намерения лейбористского правительства урезать помощь ищущим политического убежища. Можно сказать, что это верный способ вытеснить резидентов в прекариат и в теневую экономику.

- Неучтенные и нелегальные мигранты

Демонизация нелегальных мигрантов стала частью популистской реакции на незащищенность, распространяющуюся на прекариат в целом. Именно нелегалов, а не политику гибкости трудовых ресурсов и сокращение социального обеспечения принято винить в бедственном положении местных работников. В 2008 году во время перевыборов премьер-министра Италии в первом же заявлении Сильвио Берлускони поклялся уничтожить «армию зла», как он заклеймил нелегальных мигрантов. Безотлагательно было принято постановление о гражданских патрулях, причем никто и не думал скрывать, против кого направлена эта мера. Берлускони также разогнал в Италии цыганские таборы.

В 2010 году в Калабрии, самой южной области Италии, произошли массовые беспорядки, устроенные африканскими мигрантами; причиной стала невыплата зарплат. После подавления волнений временные лагеря были снесены бульдозерами и многие мигранты без промедления депортированы. Африканцы использовались как дешевая рабочая сила и работали на фермах и сельскохозяйственных предприятиях, контролируемых местной мафией, и после наступления финансового кризиса им просто перестали платить зарплату. Когда африканцы устроили

протест — возможно, подстрекаемые самой мафией, которая предвидела подобное развитие событий, — патрули открыли по бунтовщикам огонь и стали их избивать — под аплодисменты местных жителей. Бунтам предшествовали годы притеснений, и африканцы неоднократно подвергались нападениям молодчиков. Однако Роберто Марони, министр внутренних дел Италии, заявил в интервью, что случившиеся беспорядки — результат «чрезмерной толерантности». Аналогичные нападки на иммигрантов происходили по всей Италии.

Во Франции президент Николя Саркози, притом что он сам вышел из иммигрантской семьи, занял популистскую позицию и приказал снести нелегальные поселения, в которых проживали цыгане, и выслать последних из страны. Цыган выслали в Болгарию и Румынию, но многие поклялись вернуться, поскольку имели законное право передвигаться по территории всего Европейского союза. Из докладной записки министра внутренних дел, содержание которой стало случайно известно общественности, следовало, что цыгане были главной мишенью, так что, скорее всего, можно говорить о нарушении французской конституции (Willsher, 2010). Выступая на пресс-конференции, министр по делам иммиграции Эрик Бессон сказал: «Свободное передвижение по Европе не означает свободного выбора местожительства». По всей видимости, это означает, что мигрантам следует указать на дверь. Что же это за общество?

Тем временем по другую сторону Атлантики вооруженные группы ревнителей общественного порядка с религиозной символикой на татуировках и майках заняли позиции на границе между Аризоной и Мексикой, высматривая в бинокли отчаявшихся мексиканцев, бегущих в их направлении, — многие из этих нарушителей границы всего-навсего стремились к лучшей жизни. Некоторые мигранты действительно имели при себе наркотики — часто их к этому принуждают наркодилеры. Были среди них и преступники — как и в любой другой группе населения. Однако их демонизация имеет всепроникающий характер. Рост мигрантского прекариата в США сопровождался официальными рейдами в стиле коммандос на фабриках, где предположительно использовалась

нелегальная рабочая сила. И хотя президент Обама приказал прекратить подобные рейды, все может легко вернуться на круги своя.

Принятый в 2010 году в штате Аризона закон признал нелегальную иммиграцию судебно наказуемым поступком, карающимся как на уровне штата, так и на федеральном уровне. В результате усилились трения между мигрантами и «коренными жителями» Аризоны, которые боялись оказаться в прекариате. Местной полиции вменили в обязанность после «законного контакта» проверять иммиграционный статус лиц, вызывающих «обоснованное подозрение», и арестовывать людей без документов. В результате полиция стала останавливать машины, за рулем которых сидели водители с внешностью латиноамериканцев. Этот закон задел за живое латиноамериканцев и сочувствующие им группы и вызвал общенациональный протест. Тем не менее это был кивок в сторону популистов, связанный с явлением, которые некоторые именуют «культурным конфликтом поколений», но которое, по сути, является слегка прикрытым расизмом. В Аризоне белые составляют 83 процента взрослого населения, однако белых детей насчитывается всего 43 процента. Взрослые белые считают, что их налоги уходят на поддержку «чужого» потомства. Подобные настроения льют воду на мельницу «Движения чаепития» с его популистскими антиналоговыми лозунгами, а в этом движении, как известно, видную роль играют мужчины поколения бэби-бумеров. Нечто аналогичное мы наблюдаем в Германии, где во многих городах детей мигрантов уже значительно больше, чем детей местных жителей.

Судя по всему, аризонский закон поддерживает большинство американцев. Опрос общественного мнения показал, насколько население одобряет его положения.

— За то, чтобы увеличить штрафы для работодателей, нанимающих нелегальных иммигрантов, высказалось 80 процентов опрошенных.

— За то, чтобы приравнять наем нелегальных иммигрантов к преступлению — 75 процентов.

— Обязать полицию докладывать о нелегальных иммигрантах федеральным властям — 70 процентов.

— Ввести патрулирование мексиканской границы Национальной гвардией — 68 процентов.

— Построить на границе дополнительные заграждения — 68 процентов.

— Позволить полиции требовать у мигрантов подтверждения их статуса — 50 процентов.

— Исключать детей нелегальных иммигрантов из школ — 42 процента.

— Обязать местные церкви сообщать о нелегальных мигрантах — 37 процентов.

В ЮАР явление, ставшее типичным для многих частей мира, развивается по еще более уродливому сценарию. Миллионы мигрантов просачиваются через границу и оседают в небольших городках — чаще всего в окрестностях Йоханнесбурга. Мигранты прибывают из Зимбабве, Малави, Мозамбика и других стран африканского континента, а также из Пакистана и других частей Азии. По примерным оценкам, их более 4 миллионов. Большинство не имеют рабочих виз, хотя нуждаются в работе. Правительство выдает визы с большим скрипом, и тысячи мигрантов каждый день отправляются в долгий путь к пункту выдачи виз и часами томятся в очереди в надежде получить нужную наклейку в паспорте.

Многие молодые южноафриканцы не могут официально устроиться на работу и получать официальную зарплату, поскольку отчаявшиеся мигранты вынуждены соглашаться на нелегальную работу и нелегальный заработок без каких-либо социальных гарантий. Их присутствие подрывает переговорные позиции работников, увеличивает численность прекариата и дает возможность политикам и экономистам говорить о массовой безработице и о необходимости понизить реальные зарплаты и гарантии труда. На самом деле большая часть рабочих мест попросту не учитывается. Утверждения о том, что безработица в ЮАР достигла 40 процентов, абсурдны. Тем не менее в мае 2008 года обстановка стала взрывоопасной: в маленьких городах участились жестокие нападения на мигрантов. Десятки были убиты, и тысячи

обратились в бегство. Они стали жертвами общества, в котором неравенство процветает еще сильнее, чем при апартеиде.

- Временные и сезонные мигранты

Многие другие группы мигрантов, несмотря на легальный статус, настолько социально уязвимы, что любой беспристрастный наблюдатель непременно задастся вопросом: не сделано ли это намеренно, в угоду каким-то местным интересам, для успокоения местных работников — или так происходит потому, что у мигрантов нет политических прав и они не могут голосовать. Довольно красноречивы некоторые недавние примеры.

После ряда инцидентов, самым известным из которых стала гибель 23 китайских собирателей моллюсков, застигнутых приливом в бухте Моркамб в феврале 2004 года, правительство Великобритании, чтобы навести хоть какой-то порядок, учредило орган, выдающий лицензии агентствам по найму рабочей силы. Однако проведенная Комиссией по равенству и правам человека — Equality and Human Rights Commission (EHRC, 2010) — проверка на фабриках, перерабатывающих мясо и птицу, где трудится 90 тысяч человек, показала, что созданный орган не работает эффективно из-за банальной нехватки средств.

В этом, по некоторым оценкам, самом крупном производственном секторе Великобритании проверка выявила массу злоупотреблений. Условия труда оказались ужасающими: работники были вынуждены часами стоять возле конвейера и даже не могли отойти в туалет. Особенно тяжело приходилось беременным женщинам: у некоторых случались выкидыши и многие подвергались откровенной дискриминации. Рабочие спали всего по нескольку часов между 16–17-часовыми сменами. Случалось, к ним домой ни свет ни заря заявлялись представители агентств и поднимали всех с постели, поскольку супермаркеты откладывали заказ до последней минуты, и фабричным работникам приходилось работать в авральном порядке.

Треть работников составляли люди, нанятые через кадровые агентства, причем 70 процентов из них были мигрантами

из Восточной Европы плюс несколько португальцев. Многие жаловались на то, что работодатели хуже относятся к работникам, завербованным через агентства. Надо сказать, что коренные британцы весьма неохотно соглашались работать в этом секторе: их отпугивала низкая зарплата и плохие условия труда. Некоторые британские работники сообщили Комиссии по равенству и правам человека, что кадровые агентства нанимают только мигрантов, а это противоречит Закону о расовых отношениях, запрещающему расовую дискриминацию. Злоупотребления, от которых страдали работники, нанятые через агентства по трудоустройству, объяснялись намеренно слабым контролем.

Продолжение было малоутешительным. Комиссия по равенству и правам человека рекомендовала предприятиям улучшить условия труда, однако призыв был не более чем благим пожеланием: комиссия не собиралась ни с кем судиться. Иными словами, прекариат так и не получил никакой защиты. Принятый в 2004 году Закон о посредниках по найму рабочей силы (закон о лицензировании) обходит молчанием такие сферы, как медицинский уход и гостиничный бизнес, в которых мигранты сосредоточены в большом количестве.

Кроме того, суровой зимой 2009/2010 года, когда многие мигранты из Восточной Европы, потеряв работу, оказались на улице, будучи не в состоянии платить за жилье, местные британские власти стали высылать их на родину. В 2008 году в Бостоне (графство Линкольншир) мигранты, занятые на сельскохозяйственных работах, составляли четверть населения. Когда работы на фермах не стало, многие вернулись в свои страны, но часть осталась в надежде найти другой заработок. Эти мигранты не могли претендовать на государственные пособия, в частности на пособие по безработице, которое выплачивается лицам, проработавшим непрерывно не менее года. В разгар зимы некоторые мигранты, не имевшие ни домов, ни денег, поселились в палатках. Палаточный лагерь был воспринят как социальная язва, очаг болезней и разносчик мелкой преступности, и правительство решило избавить город от кочевой рабочей силы. Власти Бостона обратились за помощью к «крысолову», в данном случае в его

роли выступила Организация по сокращению преступности (CRI), основанная правительством и местными советами для предотвращения беспорядков. Контракт с CRI не предусматривал жестких мер: Организации всего-навсего поручалось выяснить, имеют ли бездомные право претендовать на государственные пособия, и, если нет, купить им билеты в один конец. Тем не менее сам собой напрашивается вопрос: почему правительство для решения этой задачи воспользовалось услугами фирмы, которая, как это следует из названия, создана для борьбы с преступностью? В этом действии легко усмотреть шаг в сторону приватизации полицейского надзора. Сотрудник CRI Джон Россингтон заявил представителям прессы: «В Бостоне есть проблема с бомжами, большая их часть — из Восточной Европы. Практически никто из этих людей не получает государственных пособий: либо им не положена государственная помощь, либо они потеряли документы и потому не могут рассчитывать на пособия. Мы предлагаем им всяческое содействие в том, что касается улучшения их ситуации» (Barber, 2010).

CRI разъяснила, что подходит к вопросу с экономической точки зрения и что депортация позволит сэкономить деньги налогоплательщиков. «У этих людей нет денег, они живут на улице в холодное время года и социально абсолютно беззащитны. Если они окажутся замешанными в правонарушениях либо заболеют, их содержание обойдется налогоплательщикам куда дороже, чем авиабилет в один конец в Восточную Европу».

- Мигранты, приехавшие на длительный срок

Во многих странах легальных мигрантов демонизируют из-за культурных различий. Такое положение легко приводит к дискриминации и насилию на почве ксенофобии. Приведем всего два ярко выраженных примера, свидетельствующих об общей тенденции.

В 1950–1960-е годы Германия охотно принимала сотни тысяч временных рабочих из Турции и других частей южной Европы. Страна остро нуждалась в дешевой рабочей силе, способной

построить германское чудо, как было названо возрождение экономики. Подразумевалось, что по истечении срока контрактов рабочие вернутся домой. По этой причине государство всячески препятствовало их интеграции — социальной, политической и экономической. Приезжие получали особый статус, ставивший их вне общества. Однако они остались. Так были посеяны ростки враждебности. Немецкое население из-за низкой рождаемости стало сокращаться; политики-популисты заговорили о мрачном будущем, о засилье чужаков, численно превосходящих местное население, об исламистах среди городских низов, которые отказываются интегрироваться в немецкое общество. То есть сначала государство закрыло мигрантам возможность для ассимиляции, а затем это же им поставило в вину.

В 2000 году дети мигрантов получили право стать гражданами Германии: они могли это сделать со дня совершеннолетия и по достижении возраста 23 лет. Данный прецедент отражает ситуацию с резидентами и гражданами, поскольку закон о немецком гражданстве опирался на традиции и главным фактором здесь выступала национальность лица, а не место его рождения. Однако система с временными рабочими заложила почву для будущей напряженности.

С аналогичным затруднением столкнулись и другие европейские нации. Коренное население Германии сокращалось, общая численность населения тоже, возникли опасения, что скоро перестанет хватать рабочих рук. Однако частичное решение проблемы при помощи «управляемой иммиграции» устраивало лишь малую часть немецкого электората (Peel, 2010). Попытка Свободной демократической партии, защищавшей интересы бизнеса, ввести систему баллов и таким образом привлечь в Германию квалифицированную рабочую силу, была заблокирована христианскими демократами, утверждавшими, что надо обучать местных рабочих, а не ввозить в страну дешевую рабочую силу. Тем не менее в 2011 году границы Германии впервые открылись для работников из Восточной Европы. К тому времени в стране уже находилось 2,5 миллиона мигрантов из других стран Евросоюза, больше, чем в любой другой стране — члене ЕС.

Согласно «плану национальной интеграции» по всей стране были организованы языковые курсы, в настоящее время в муниципальных школах разрешено преподавание ислама. Однако в обществе безудержно распространяется расизм. В 2010 году видный политик и социал-демократ Тило Саррацин заявил, что берлинские турки и арабы «не поддаются интеграции, да и не имеют ни малейшего желания это делать». Опрос общественного мнения показал, что этот тезис разделяет большинство немцев. Уволенный из правления Бундесбанка, Саррацин опубликовал книгу, сразу же ставшую бестселлером, в которой он заявил, что не хочет, чтобы его внуки жили в обществе с чужеродной культурой. Вряд ли будет преувеличением сказать, что над страной нависла тень прошлого.

А теперь взглянем на то, что произошло во Франции. После окончания Второй мировой войны частные фирмы десятилетиями привлекали кадры из-за границы, чтобы покрыть недостаток в рабочей силе. Этот период совпал с освобождением бывших французских колоний в Северной Африке, и основными поставщиками мигрантов стали Марокко, Тунис и Алжир, причем к 2005 году их количество достигло 30 процентов (Tavan, 2005). Десятилетиями конфликты между французскими гражданами и мигрантами из Северной Африки носили лишь спорадический характер. Мигранты были по преимуществу молодыми и трудоустроенными, они исправно платили налоги, финансируя систему социального страхования, услугами которой пользовались в основном французские граждане. Но государство создавало прекариат. Заработки мигрантов были ниже, чем у французских работников, и они были более уязвимы в случае увольнения, отчасти из-за того, что занимались неквалифицированным трудом, в частности работали на стройках и — отчасти из-за дискриминации — были более чувствительны к экономическим колебаниям. У безработных выходцев из стран Магриба часто нет записи о выплате взносов, а без этого они не могут претендовать на пособие по безработице и, как следствие, вынуждены довольствоваться пособием для малоимущих RMI (Revenu minimum d'insertion), которое выплачивается при отсутствии всех прочих доходов. Однако RMI,

скидки на оплату жилья и медицинские страховки получают только иностранцы, имеющие вид на жительство и прожившие во Франции последние пять лет. Многие выходцы из стран Магриба не соответствуют этим требованиям.

Государство допустило нелегальную миграцию, но после 1996 года его же усилиями многие мигранты из стран Магриба и Центральной и Западной Африки попали в весьма затруднительное положение — они стали называть себя «людьми без документов» (sans-papiers). Хотя они работали во Франции годами, неожиданно их условия пребывания сделались весьма неопределенными, если не сказать незаконными. Тогда они организовались и решили опротестовывать свой статус социальных изгоев, требуя, чтобы с ними заключали временные трудовые соглашения, которые впоследствии могли бы стать постоянными. Но государство на этот раз повело себя довольно враждебно. Положение единиц было «урегулировано», меж тем как тысячи оказались высланными — в 2009 году таких насчитывалось 29 тысяч. В апреле 2010 года министр по иммиграции заявил, что государство будет продолжать депортировать нелегалов, пытающихся легализоваться.

Выходцы из стран Магриба остаются резидентами, даже формально будучи французскими гражданами: обещанные им по закону равные права существуют только на бумаге. Например, Трудовой кодекс гарантирует всем работникам равенство при осуществлении трудовой деятельности, но в нем ничего не говорится о принципах найма и о дискриминации при отборе кадров. Согласно докладу Комиссии по борьбе с дискриминацией, в Париже люди с магрибскими именами имеют в пять раз меньше шансов получить приглашение на собеседование, а магрибинцы — выпускники университетов имеют в три раза меньше шансов пройти собеседование, чем их французские ровесники (Fauroux, 2005). И не удивительно, что в 2005 году во главе бунтов в пригородах мы видим второе поколение магрибинцев, разочарованных в системе, которая на словах провозгласила их равенство, а на самом деле явилась первопричиной того подвешенного состояния, в котором они оказались.

Названные примеры — оба касаются мусульман, проживающих в самом центре Европы, — показывают, каким образом когда-то угодные государству мигранты очерняются и становятся социальными изгоями, даже несмотря на то, что они пустили в принявшей их стране глубокие корни. Такие мигранты вновь превращаются в маргиналов.

Прекариат как постоянный резерв

Можно было ожидать, что наступившая после кризиса 2008 года рецессия скажется на потоках мигрантов и изменит их направление, однако в глобальной экономике трудно что-либо предсказывать. Например, в 2009 году наблюдалась значительная обратная миграция из Великобритании; число зарегистрированных работников из европейских стран — новых членов ЕС — сократилась более чем на 50 процентов. Согласно прогнозу, в течение следующих пяти лет в Индию и Китай должны вернуться 200 тысяч квалифицированных работников, прежде находившихся в промышленно развитых странах. Однако в то же самое время происходит примечательный сдвиг.

По мере углубления рецессии доля общей занятости среди мигрантов резко *увеличилась*. Бизнес продолжал нанимать иностранцев даже невзирая на рост безработицы. С конца 2008 по конец 2010 года число работающих коренных британцев сократилось на 654 тысячи, тогда как число работающих мигрантов выросло на 139 тысяч. Эти изменения отчасти связаны с тем, что сокращения затронули только ряд отраслей и, в частности, больно ударили по старым предприятиям, на которых трудился в основном местный рабочий класс и служащие низшего звена. Отражают они и некую общую тенденцию: фирмы используют рецессию для того, чтобы избавиться от высокооплачиваемых сотрудников с многолетним стажем, работающих на постоянной основе. Изменения также свидетельствуют об интенсивном перераспределении трудовых ресурсов и о сползании в сторону удешевления рабочей силы, временной занятости и черных зарплат. Гибкая организация трудовых процессов, применяемая

в глобальном масштабе, уничтожила старые механизмы очередности и систему LIFO («последним поступил — первым выбыл»), метод увольнения, при котором первыми увольняются работники с наименьшим стажем работы в компании. Прекариат стал все более востребованным на рынке труда, и рецессии усилили эту тенденцию: в более благоприятном положении оказались те работники, которые были согласны трудиться за более низкую плату и не требовали особых льгот.

Замена местных работников мигрантами произошла даже несмотря на то, что многие мигранты были отправлены домой, часто за счет правительства. В Японии и Испании иммигрантам предлагали деньги на обратную дорогу. В Великобритании оплачивался билет в один конец. Однако попыткам правительств обуздать миграцию противостоял бизнес.

Политики могли высказываться за сокращение миграции и отправляли мигрантов домой, однако бизнесу требовалась дешевая рабочая сила. В Австралии опрос общественного мнения выявил, что компании отказывались сокращать квалифицированных мигрантов, имеющих рабочие визы, при этом местные работники чаще попадают под увольнение. Компании платили мигрантам вдвое меньше, чем должны платить местным. В итоге лейбористское правительство перешло на сторону бизнеса и перестало обязывать фирмы отдавать предпочтение австралийским работникам (Knox, 2010).

В европейских странах с низкой рождаемостью и стареющим населением, таких как Франция и Италия, коммерческие организации также выступили против сдерживания миграции, особенно в том, что касается «квалифицированных кадров». В Великобритании многонациональные компании пролоббировали свои интересы и вынудили коалиционный кабинет консерваторов и социал-демократов отказаться от планов лимитировать число мигрантов, прибывающих в страну из Восточной Европы. На обсуждение были выставлены безнравственные идеи о продаже разрешений на временную работу на аукционах.

В Японии против миграции стали весьма жестко высказываться некоторые политики, занявшие националистические

позиции, меж тем бизнес охотно привлекал южных корейцев, бразильцев японского происхождения и китайских сельскохозяйственных рабочих. В США, где в 2005 году нелегальные мигранты составляли половину всех сельскохозяйственных работников, четверть работников мясокомбинатов и птицефабрик и четверть мойщиков посуды, бизнес выступал за легализацию и противился депортациям (Bloomberg Businessweek, 2005).

Капитал приветствует миграцию, поскольку она является источником дешевой и покладистой рабочей силы. Самые яростные противники миграции — пожилое (белое) крыло рабочего класса и низы среднего класса, попавшие под пресс глобализации и превратившиеся в прекариат.

Вместо очередности — барьеры?

Традиционно считается, что мигранты стоят в очереди в ожидании вакантных мест. Подобное представление довольно точно отражает реалии эпохи, предшествующей глобализации. Сейчас фактор очередности больше не работает, главным образом из-за особенностей рынка рабочей силы и реформ в сфере социальной защиты.

На гибких рынках рабочей силы с проницаемыми границами зарплаты снижаются до такого уровня, что на них охотно соглашаются только мигранты, — для местных жителей, привыкших к высоким жизненным стандартам, они становятся абсолютно неприемлемы. В Великобритании падение зарплат и ухудшение условий труда в сферах медицинского ухода, гостиничного бизнеса и сельского хозяйства, где сосредоточилось значительное число мигрантов, отрицательно сказалось и на других областях экономики. Ура-патриотическая риторика премьер-министра Гордона Брауна, в 2007 году бросившего лозунг «Британские рабочие места — британцам», практически ничего не изменила, более того, иммиграция увеличилась. В обществе усилилось неравенство, дешевый мигрантский труд сделался нормой, все это позволило влиятельным и богатым с выгодой для себя использовать труд малооплачиваемых нянечек, чистильщиков и водо-

проводчиков. А доступность квалифицированной мигрантской рабочей силы позволила фирмам сократить затраты на обучение безработных навыкам ручного труда, что поставило местных в еще менее выгодное положение.

Другая причина уничтожения очередности — свертывание лейбористской системы социального страхования. Правительства спешили заменить социальное страхование социальной помощью, и граждане, прожившие в странах не один десяток лет, оказались лишенными права пользоваться социальными пособиями и услугами. Возможно, этот фактор сильнее всего сказался на настроениях мигрантов и этнических меньшинств, в особенности в неблагополучных городских районах, служивших оплотом рабочего класса, и вызвал у них взрыв негодования. И хотя провал британской лейбористской партии на выборах 2010 года даже некоторые ее члены связали с потерей голосов местного рабочего класса, ждущего разрешения вопросов миграции, они не поняли либо не захотели признать, что суть проблемы — в построенной ими самими системе распределения пособий для малоимущих, с проверкой нуждаемости.

Новая система проверки нуждаемости подорвала те основы, на которых зижделось государство всеобщего благоденствия. Система социального страхования аккумулирует взносы в соответствующих фондах, вычитаемые из зарплат работников, и возмещает убытки и потери доходов налогоплательщикам, которые пользуются ей долгое время. Если открыть доступ к социальным благам и социальной помощи всем тем, кто может доказать, что испытывает финансовые трудности, лица, поддерживающие эту систему за счет собственных доходов, окажутся в проигрышном положении по сравнению с теми, кому, как мигрантам, явно хуже живется. Увядающий рабочий класс усмотрел в этом нововведении несправедливость. Но ирония состоит в том, что как в Великобритании, так и в других странах политика приняла подобное направление по инициативе социал-демократических правительств.

Как показывает новаторское исследование лондонского Ист-Энда, проведенное Денчем, Гавроном и Янгом (Dench, Gavron, Young, 2006), в Великобритании сдвиг в сторону материаль-

ного критерия ускорил распад больших рабочих семей. Недавно прибывшие мигранты из Бангладеш, имея чрезвычайно низкий доход, моментально переместились в начало очереди на муниципальное жилье, тогда как старые рабочие семьи оказались вычеркнутыми из списка и были вынуждены переехать в более дешевые квартиры.

Мигранты неумышленно создают и другие социальные проблемы. Их трудно учесть при переписи населения, что приводит к существенному занижению численности обитателей районов их компактного проживания, в итоге — центральное правительство недофинансирует школы, не выделяет достаточно скидок на жилье и т.д. В 2010 году, по некоторым оценкам, свыше миллиона человек проживали на территории Великобритании нелегально.

Поскольку механизмы очередности уже не действуют, страны стали искать другие способы урегулирования миграции. Некоторые из них разработали сложные схемы для определения сфер, где наблюдается недостаток кадров. До 2010 года Австралии требовались рабочие и служащие 106 профессий. Затем список стал более адресным, сфокусированным на здравоохранении, инженерных специальностях и горном деле. Но эти меры не принесли ожидаемых результатов. В Великобритании для мигрантов, обладающих дефицитными профессиями и высокими профессиональными навыками, ввели специальную визу (Tier 1). Однако в 2010 году было установлено, что по меньшей мере 29 процентов обладателей таких виз занимались неквалифицированным трудом (UKBA, 2010). Подобное явление — часть процесса «разбазаривания мозгов».

Помимо того, стало труднее получить британское гражданство. В 2009 году Великобритания, смоделировав свою систему по австралийской схеме, предложила иммигрантам «зарабатывать» паспорта, набирая квалификационные баллы. От иммигрантов требовалось участвовать в волонтерской работе, говорить на английском языке, платить налоги, иметь полезные навыки и быть готовыми жить в тех частях страны, где не хватает специалистов. Переход к системе квалификационных баллов вместо автоматической выдачи гражданства любому лицу, прожившему в стране

пять лет и не имеющему судимостей, означает, что правительство может в произвольном порядке повысить оценочную планку. Вот что сказал один из сотрудников Министерства внутренних дел: «Мы намерены строже подходить к людям, получающим гражданство. Это право больше не будет автоматическим, и связь между работой и гражданством фактически разорвана» (Hinsliff, 2009).

Такой подход превращает мигрантов в вечных резидентов, нацеленных прямиком в прекариат. Лейбористское правительство Великобритании также планировало ввести систему квалификационных баллов для временных мигрантов, ограничить выдачу разрешений на работу и снабжать ими только лиц, приехавших из других стран ЕС, а также сократить список требующихся профессий. В 2010 году новое коалиционное правительство еще туже затянуло гайки.

В итоге из-за разрушения старой системы очередности, а также из-за неспособности либо нежелания правительств дать задний ход реформам рынка труда власти стали возводить всяческие барьеры, препятствуя въезду в страну, сделали статус резидента еще более аморфным и стали поощрять либо заставлять мигрантов уезжать в тех случаях, когда их присутствие больше не требовалось. Это открывает весьма неприятные перспективы.

Мигранты как дешевая рабочая сила в развивающихся странах

«Ваш выдающийся труд заслуживает уважения всего общества».

Вэнь Цзябао, Председатель Госовета КНР, июнь 2010 года.

«Умереть — это единственный способ доказать, что мы когда-то жили на этом свете. Возможно, для сотрудников Foxconn и таких работников, как мы (в Китае нас называют «нунминьгон», сезонные рабочие-мигранты), смерть — это просто доказательство того, что мы вообще жили, а вся наша жизнь — сплошная безысходность».

Запись из интернет-дневника китайского работника «Фоксконн», сделанная после того, как в промышленном городке произошла 12-я по счету попытка самоубийства

Национальный капитализм основывался на миграции сельского населения в города. Вначале произошел исход из английской глубинки на заводы и фабрики, затем процесс в несколько иных формах повторился по всему миру. Сегодня правительства развивающихся стран упростили миграцию, создав зоны экспортного производства, в которых не действуют многие положения трудовых кодексов, деятельность профсоюзов ограничена, временные трудовые контракты являются нормой, а все денежные субсидии достаются фирмам. Эта история хорошо известна. Меньше привлекают внимания механизмы самой массовой в истории миграции, которая ускоряет развитие глобального капитализма и меняет его структуру.

Глобальный капитализм построен на труде мигрантов — сначала это правило коснулось так называемых новых индустриальных стран (НИС). Вспоминаю частые поездки в 1980-е в зоны экспортного производства в Малайзии и посещение фабрик, принадлежащих гигантам мирового бизнеса, таким, как Motorola, Honda, Hewlett Packard. Это было формирование не пролетариата, а рабочей силы, которая оказалась нанята на временный срок и не имела никаких социальных гарантий. Тысячи молодых женщин из деревень (*кампун*) жили в ветхих бараках, работали почти без выходных, с удлиненной рабочей неделей, а несколько лет спустя, подорвав здоровье и силы, возвращались домой. Многие в итоге потеряли зрение и нажили хронические болезни позвоночника. За счет их здоровья и был построен глобальный капитализм.

Такая система по-прежнему действует в ряде стран, недавно вставших на путь рыночной экономики: Бангладеш, Камбодже и Таиланде. Бесправие также распространяется и на международных мигрантов. Так, в Таиланде в 2010 году насчитывалось 3 миллиона мигрантов, как правило нелегальных, — большая их часть приехала из Мьянмы (Бирмы). После того как в стране начались межэтнические трения, власти разработали систему регистрации и потребовали от мигрантов получить в своих странах специальные паспорта, позволяющие работать легально и в идеале пользоваться государственными пособиями и услугами. Но мигранты из Мьянмы не захотели возвращаться домой, опасаясь,

что не смогут снова вернуться в Таиланд. Так что официально зарегистрировались в основном мигранты из Лаоса и Камбоджи. Отсутствие регистрации до установленного срока означало арест и депортацию. Но на практике карательные меры не носили систематического характера, поскольку тайские компании зависели от мигрантов, выполнявших работу за минимальную плату, и совершенно не хотели того, чтобы миллионы оказались на улице. Как следует из доклада неправительственной международной организации Human Rights Watch (2010), жестоким притеснениям подвергались даже легальные мигранты — они целиком и полностью зависели от своих работодателей, и им не разрешалось организовывать профсоюзы либо вступать в них, не позволялось свободно передвигаться, часто им не выплачивали зарплату, а чиновники, которые по логике обязаны были их защищать, игнорировали их обращения и всячески нарушали их права.

Таковы реалии рынка труда в странах, вступивших на путь рыночной экономики. Злоупотребления продолжаются и вряд ли прекратятся, несмотря на все кампании и усилия международных организаций, которые могли бы сделать куда больше, чтобы исправить ситуацию. Однако чтобы составить наиболее адекватное представление о формировании мирового прекариата, обратим внимание на экономики, которые стремительно становятся самыми крупными в мире.

Совершенно не похожая ни на что рабочая сила, существующая на правах резидентов, сформировалась в Китае. Здесь население трудоспособного возраста составляет 977 миллионов, а к 2015 году этот показатель достигнет 993 миллионов. Примерно 200 миллионов — это мигранты из сельской местности, соблазнившиеся заработком в промзонах или моногородах, где китайские и иностранные подрядчики выступают посредниками известных международных многонациональных корпораций. Эти мигранты — движущая сила мирового прекариата, они резиденты в своей собственной стране. Из-за невозможности получить прописку «хукоу» они вынуждены жить и работать на птичьих правах, лишенные гарантий, которыми пользуются исконные городские жители. Китайское государство играет

с огнем. Двадцать лет оно создавало гибкие трудовые ресурсы из молодых мигрантов, выжимая из них все соки, в расчете на то, что их поддержат родственники из деревни, а потом, когда они выйдут из наиболее трудоспособного возраста и чисто физически не смогут вкалывать как раньше, их просто выставят за ворота. Здесь можно было бы вспомнить о других похожих явлениях и провести исторические параллели, но все известные случаи меркнут перед масштабностью тех событий, которые происходят в Китае.

После кризиса 2008 года, сильно ударившего по китайскому экспорту, компании уволили 25 миллионов мигрантов, однако они не попали в статистику безработицы, поскольку, будучи нелегалами в своей собственной стране, не имели права на пособие по безработице. Одни вернулись обратно в деревни. Другие стали получать пониженную зарплату и лишились производственных пособий. Недовольство переросло в возмущение, но многочисленные протесты и забастовки — более 120 тысяч за один год — прошли незамеченным для широкой публики. Гнет усиливался.

По мере того как экономика восстанавливалась, государство попыталось ослабить хватку. Оно выступило в поддержку рабочих, когда случилось несколько громких забастовок на фабриках, принадлежащих иностранцам, — многие иностранные обозреватели тогда сочли такое изменение позиции поворотным моментом. Возможно, они выдавали желаемое за действительное. В сельскохозяйственных районах по-прежнему остается 40 процентов китайских трудовых резервов — 400 миллионов людей, живущих в ужасных условиях; многим из них суждено пополнить ряды прекариата. Даже если производительность труда в промышленных зонах резко не вырастет — а надеяться на это не стоит, — они на многие годы вперед обеспечены кадрами. К тому моменту, когда эти источники сверхприбылей иссякнут и в Китае, а также в других азиатских странах, вставших на путь рыночной экономики, в этих странах повысятся зарплаты, а запущенные там процессы потянут вниз зарплаты и приведут к ухудшению условий труда в сегодняшних богатых третичных обществах, в основном в Европе и Северной Америке.

Некоторые исследователи полагают, что скоро мы увидим завершение очередного этапа развития Китая, который можно условно назвать «прекариатским периодом», так как сокращается количество молодых работников, которые в основном и составляли армию резидентов, претендующих только на временную работу. Но ради объективности стоит уточнить, что к 2020 году все еще будет насчитываться свыше 200 миллионов китайцев в возрасте от 15 до 29 лет, и пять из шести опрошенных сельскохозяйственных рабочих в возрасте до 40 лет говорят, что готовы сменить место жительства ради временной работы.

То, что китайские мигранты работают в плохих условиях, отнюдь не случайность. Неэтичная практика закупок, к которой прибегают международные бренды, привела к тому, что условия у их поставщиков не отвечают стандартным требованиям. «Уолмарт», крупнейший в мире магазин розничной торговли, ежегодно получает от своих поставщиков дешевые товары на сумму 30 миллиардов долларов, что дает возможность американцам жить не по средствам. Другие компании ухитрились наводнить мировой рынок бытовой электронной техникой по искусственно заниженным ценам. Местные подрядчики, используя по отношению к работникам жесткие и незаконные методы, добивались на какое-то время повышения производительности труда, но это вызывало недовольство и сопротивление. В Китае местные чиновники, будучи в сговоре с администрацией предприятий, намеренно не защищали работников, что усугубляло нищету и неравенство.

Несмотря на усиление напряженности, система прописки «хукоу» действует до сих пор. Миллионы городских жителей остаются резидентами: они лишены прав посылать детей в школу, пользоваться услугами здравоохранения, лишены права на обеспечение жильем и государственными пособиями. И хотя считается, что первые девять лет обучения в школе бесплатны для всех, мигранты вынуждены записывать своих детей в частные школы либо отправлять на родину. Из-за того что плата за год обучения в школе сравнима с заработком за несколько недель, миллионы детей мигрантов остаются в провинции и редко видят своих родителей.

Реформа системы прописки «хукоу» движется черепашьим шагом. В 2009 году муниципальные власти Шанхая объявили, что те, кто проработает в городе семь лет, получат право прописки, при условии что данное лицо платило налоги и взносы на социальное страхование. Однако мигранты, не имеющие «хукоу», в большинстве случаев работают по контрактам, которые нельзя назвать полноценными, они не платят налогов и не делают отчисления в фонды социального обеспечения. По предварительным оценкам, согласно новым правилам прописку получат только три тысячи из миллионов шанхайских мигрантов.

Между тем мигранты поддерживают связь с деревней, поскольку это дает им некое ощущение безопасности: за ними остается право на родной дом и на возделывание своего участка земли. Именно по этой причине перед китайским Новым годом миллионы покидают города и возвращаются в деревни, чтобы побыть с родными, повидаться со знакомыми и присмотреть за своим наделом. О противоречиях такой кочевой жизни говорит опрос общественного мнения, проведенный в 2009 году Китайским народным университетом: согласно опросу, треть молодых мигрантов мечтают построить дом в родной деревне, вместо того чтобы покупать жилье в городе. Только 7 процентов опрошенных сказали, что считают себя горожанами.

Мигрантам достаточно сложно отделаться от статуса резидентов еще и потому, что они не могут продать ни свой дом, ни землю. Такая привязка к деревне мешает им пустить корни в городе, и она же мешает росту производительности в сельском хозяйстве и повышению доходов путем укрупнения участков. Можно сказать, что сельские области субсидируют промышленный труд, позволяя удерживать зарплаты ниже прожиточного минимума, а это в свою очередь влияет на цены на модные товары, делая их еще более дешевыми для мировых потребителей. Был поднят вопрос о сельскохозяйственной реформе. Однако Коммунистическая партия боится последствий. Помимо всего прочего, когда Китай накрыла волна мирового кризиса, нынешняя система сыграла роль предохранительного клапана, поскольку миллионы вернулись к своим наделам.

Несомненно, китайский прекариат — самый многочисленный в мире. Предыдущие поколения обществоведов назвали бы эту группу полупролетарской. Однако у нас нет никаких оснований полагать, что со временем китайские мигранты превратятся в пролетариат. Во-первых, для этого должны появиться стабильные рабочие места. А они едва ли появятся — во всяком случае, только если напряженность в обществе примет совсем уж чудовищные формы.

Пока власти продвигают массовую миграцию, текучая рабочая сила начинает представлять угрозу для местных жителей, вызывая межэтническую напряженность. Приведем в качестве примера организованную китайским правительством перевозку мусульман-уйгуров, говорящих на языке тюркской группы, за 5000 километров, на фабрику игрушек «Сюйжи» в провинции Гуандун. Уйгурам платили меньше, чем ханьцам (этническим китайцам), которые составляли здесь большинство и по соседству с которыми их поселили. В июне 2009 года во время драки, поводом для которой стало якобы имевшее место изнасилование местной женщины, толпа китайцев убила двух уйгуров. Когда новости докатились до северо-западной провинции Синьцзян, родины уйгуров, в столичном городе Урумчи вспыхнули уличные протесты, унесшие множество жизней.

Инцидент на фабрике игрушек стал той самой искрой, из которой разгорелось пламя. Годами правительство переправляло людей из бедных областей в западные, более благополучные, провинции, поднявшиеся за счет экспорта. Только за год из провинции Синьцзян туда переехало свыше 200 тысяч работников — прежде чем отправиться в путь, в конце которого их поджидали тесные и сырые фабричные общежития, они подписали контракты на срок от одного года до трех лет. Эти работники были участниками процесса, развивавшегося с фантастической скоростью. Промышленные зоны вырастали как в сказке, чуть не в одночасье. Всего за три года до описываемых событий на месте фабрики игрушек зеленел фруктовый сад. Мигранты мгновенно сплотились. Что символично, за фабричными воротами на электрическом столбе висел гигантский телеэкран — подарок корпорации «Пепси»,

и каждый вечер перед ним собирались тысячи работников, чтобы после смены посмотреть фильмы о кун-фу.

Успокоить кочующую рабочую силу не так-то просто. А масштаб миграции неизбежно должен был вызвать трения. Как сказал журналисту один китайский рабочий: «Чем больше их здесь становилось, тем сильнее портились отношения». Что до драки, то уйгуры уверяли, что среди них было больше погибших (а в официальной сводке эти цифры занизили) и что их не защищала полиция. Но что бы там ни было на самом деле, массовая миграция временных работников и их соприкосновение с чужеродной культурой практически неизбежно должны были закончиться насилием.

Внутренняя миграция в Китае — крупнейший миграционный процесс в истории человечества. Это часть развития глобального рынка труда. Эти мигранты в Китае оказывают влияние на то, как организуется и вознаграждается труд во всех частях мира.

Появление режимов, экспортирующих труд

Одним из первых признаков глобализации было то, что несколько развивающихся рыночных экономик, преимущественно на Ближнем Востоке, стали, как магнит, притягивать к себе мигрантов из других частей мира. В 2010 году в Объединенных Арабских Эмиратах иностранцы составляли 90 процентов рабочей силы, в Катаре и Кувейте — свыше 80 процентов, в Саудовской Аравии — 50 процентов. Во время экономических спадов власти настоятельно рекомендовали фирмам первыми увольнять иностранцев. В Бахрейне, где 80 процентов рабочих мест в частном секторе занимали иностранцы, рабочая виза стоила 200 бахрейнских динаров (530 долларов США); кроме того, работодателям приходилось ежемесячно отчислять в казну по 10 динаров за каждого иностранного работника. В 2009 году правительство разрешило иностранцам менять спонсора-работодателя — при этом иностранному работнику давалось четыре недели на новое трудоустройство, в противном случае он должен был покинуть Бахрейн.

Такая форма миграции вскоре получила широкое распространение, и группы из беднейших стран потянулись в более благополучные страны, где их ждали тяжелые условия труда и нещадная эксплуатация. В результате миллионы мигрантов — от нянек и посудомоек до водопроводчиков и докеров — посылали в свои бедные страны денег больше, чем туда поступало официальной помощи. По оценкам Всемирного банка, в 2008 году иностранные работники перечислили из богатых в бедные страны 328 миллиардов долларов США. Эта цифра в три раза превышает помощь всех стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития. Одна только Индия получила от своей диаспоры 52 миллиарда долларов США.

Меж тем возник новый феномен — в виде организованного массового перемещения работников из Китая, Индии и других азиатских стран с рыночной экономикой. Исторически подобная практика существовала и раньше, но затрагивала лишь мизерное число людей: как правило, власти и компании посылали специалистов на работу за границу — в командировку на ограниченный срок. В начале эпохи глобализации немалыми усилиями был налажен экспорт филиппинской прислуги и работниц родственных профессий — как правило, у мигранток оставались дома родственники, и это обстоятельство обеспечивало их возвращение. Сегодня за рубежом работает 9 миллионов филиппинцев и филиппинок, почти десятая часть населения страны; их денежные переводы составляют 10 процентов валового национального продукта Филиппин. Другие страны взяли этот опыт на заметку.

Следуя примеру Китая, правительства и крупнейшие предприятия налаживают систематический экспорт временной рабочей силы — счет идет на сотни тысяч. Такая «система экспортирования труда» помогает преобразовать глобальный рынок рабочей силы. Индия делает это по-своему. В результате ее политики мобилизуются армии работников, которые перемещаются по всему миру.

Китай не преминул воспользоваться своим преимуществом — наличием крупных государственных корпораций, имеющих доступ к финансовому капиталу, вкупе с гигантскими ресурсами работников, готовых трудиться за гроши. В Африке

Китай осуществляет своего рода план Маршалла (так называлась масштабная программа восстановления Западной Европы после Второй мировой войны, которую когда-то реализовывали США). Пекин предоставляет африканским правительствам недорогие ссуды, эти деньги направляются на строительство инфраструктуры, необходимой для китайских фабрик. При этом бóльшая часть работ производится опять же китайскими рабочими.

Китай также выигрывает конкурсы на подряды и на других континентах — при этом китайские рабочие трудятся на стройках, возводят электростанции, строят фабрики, автодороги, железные дороги и метро, сооружают конференц-центры и стадионы. К концу 2008 года, по словам министра торговли Китая, за рубежами своей родины официально трудились 740 тысяч китайцев, в таких разных странах, как Ангола, Индонезия, Иран и Узбекистан. И число китайских работников неуклонно растет. Со слов Дяо Чуньхэ, директора китайской Международной ассоциации подрядчиков, китайские руководители проектов говорят, что предпочитают иметь дело с китайскими работниками, поскольку ими легче управлять. Возможно, правильнее было бы сказать, что их легче запугать.

Процветают также китайские кадровые агенты. По договоренности, достигнутой в 2007 году китайским и японским правительствами, множество молодых китайских работников вынуждены были заплатить приличные суммы агентам еще до переезда в Японию и гарантировать последующие выплаты, как только начнут зарабатывать. Соблазнившись якобы открывшейся возможностью приобрести необходимые навыки по одобренной правительством схеме, мигранты, попавшие в кабалу, трудятся, по сути, как рабы — преимущественно на пищевых, швейных производствах, в строительстве и электротехнической промышленности (Tabuchi, 2010). Мигрантов заставляют работать практически без выходных за плату ниже минимальной, в стране, где их присутствие вызывает недовольство и где в случае несоблюдения правил никто за них не заступится.

Многие китайцы оказываются в изоляции и в конце концов оседают в отдаленных районах, где живут в общежитиях среди

своих: они не говорят по-японски и им запрещено слишком удаляться от рабочих мест. Работники, связавшие себя контрактными обязательствами, попадают в ловушку — они боятся, что их отошлют домой прежде, чем они смогут заработать и расплатиться по долгам с агентами, которым они должны отдать немалую сумму — больше своей годовой зарплаты. Если они этого не сделают, то рискуют потерять свою собственность — например, дом в Китае, который часто фигурирует в качестве залога, когда они попадаются на удочку. И хотя считанные единицы действительно приобретают полезные навыки, абсолютное большинство становится частью глобального прекариата, источника незащищенного труда, который действует как рычаг, понижающий стандарты для всех остальных.

Япония — не единичный случай. В 2010 году Швеция, долгое время служившая образцом социал-демократии, оказалась под шквальным огнем критики, когда обнаружилось, что в страну завезены тысячи мигрантов из Китая, Вьетнама и Бангладеш (причем многие въехали по туристической визе) для сбора морошки, черники и брусники в лесах на севере Швеции. Ягоды предназначались для использования в косметической промышленности, а также для приготовления фармацевтических сиропов и пищевых добавок. Зарплаты и условия труда сборщиков ягод были ниже всякой критики, а фирмы, массово ввозя азиатов, действовали через подрядчиков. Всплыла информация о том, что мигранты теснятся в ветхих жилищах без элементарных удобств и что, несмотря на ночные заморозки, у них нет ни теплой одежды, ни одеял. Когда кому-то из них не выплатили обещанных денег, они посадили своих начальников под замок и тем самым привлекли внимание к своему бедственному положению.

Миграционная служба Швеции признала, что действительно выдала азиатам 4000 разрешений на работу, но добавила, что не может рассмотреть жалобу на злоупотребления, поскольку не имеет на то полномочий. Муниципальный профсоюз Kommunal добился права взять под свое крыло сборщиков ягод, однако признался, что не может договориться с их компаниями, поскольку вербовочные конторы расположены в Азии. Правительство заняло

аналогичную позицию (Saltmarsh, 2010). Уполномоченный министра по делам миграции заявил: «Правительству трудно предпринимать какие-либо действия, поскольку контракт подписывался за границей». А может, все дело в любви шведского среднего класса к лесным ягодам?

Эти перепалки дают представление об общей картине. Не исключено, что экспортирование рабочей силы — предвестник грядущей глобальной системы труда. Все это ведет к протестам против китайских работников, вспышкам насилия и попыткам таких стран, как Вьетнам и Индия, сократить число китайских рабочих путем реформирования трудового законодательства. Трудно отрицать очевидное: китайцы отбирают у местных рабочие места, остаются после истечения сроков контрактов и изолируются от местных, создавая анклавы наподобие американских военных баз, рассыпанных по всему миру.

Хотя Вьетнам запрещает ввоз неквалифицированных рабочих и требует от зарубежных рекрутов нанимать на строительные объекты вьетнамцев, в стране уже находится 35 тысяч китайских рабочих. Многие заточены в грязные общежития и сосредоточены в тех районах, где китайские фирмы выиграли государственные контракты (Wong, 2009). Законы они обходят, платя взятки. Есть целые деревни, заселенные китайскими мигрантами. Возле вьетнамского порта Хайфон по соседству со строительной площадкой вырос китайский квартал — с общежитиями, ресторанами, массажными салонами и т.д. Некий администратор по монтажу сказал в связи с этим: «Меня сюда послали, и я выполняю свой патриотический долг». Китайские рабочие разделены по профессиональному признаку на бригады: сварщиков, электриков, крановщиков. В общежитии к дверям одной из спален прикреплен листок со стихами: «Все мы странники в этом мире. Встречаем друг друга, но никогда не успеваем как следует друг друга узнать». Такое вот трогательное послание от мирового прекариата.

Скандал разразился в 2009 году, когда вьетнамское правительство заключило с Китайской алюминиевой корпорацией контракт на добычу бокситов, причем с использованием труда китайских рабочих. Генерал Во Нгуен Зиап, 98-летний герой

войны во Вьетнаме, направил партийным лидерам три открытых письма с критикой наращивания китайского присутствия. В ответ вьетнамские власти арестовали диссидентов, закрыли оппозиционные блоги и приказали газетам больше не освещать ситуацию с китайской рабочей силой. Но чтобы немного успокоить страсти, они ужесточили правила выдачи виз и разрешений на работу, а в качестве популистского жеста — депортировали 182 китайских рабочих с цементного завода. Однако у правительства были связаны руки и оно не могло проявить настоящую жесткость, поскольку само создавало условия для экспорта рабочей силы. По данным Вьетнамской всеобщей конфедерации труда, на сегодняшний день полмиллиона вьетнамцев работают в 14 странах мира.

Когда Лаос выиграл право проводить у себя в стране Игры Юго-Восточной Азии, Китай предложил ему построить в пригороде столицы Вьентьяне крытый плавательный бассейн, попросив за это сдать в аренду на 50 лет участок земли площадью 1600 гектаров: китайская компания «Зарубежные инвестиции индустриального парка Сучжоу» планировала построить здесь фабрики. Когда стало известно, что компания намерена привезти 3000 китайских рабочих для выполнения строительных работ, поднялась волна протестов. Как следствие, площадь арендуемого участка сократилась до 200 гектаров. Однако первый клин уже оказался вбит.

Экспорт рабочей силы связан с еще одним, совсем уж малоприятным, обстоятельством. Китай занимает первое место в мире по числу заключенных: по некоторым оценкам, в 2009 году в китайских тюрьмах находилось около 1,6 миллиона человек. Правительство Китая позволяет фирмам использовать труд заключенных на строительстве инфраструктурных объектов в странах Африки и Азии — так, например, в Шри-Ланке на работах были задействованы тысячи китайских осужденных (Chellaney, 2010). Китай выбился в мировые лидеры в области возведения дамб, и этим начинанием он отчасти обязан своей особой незащищенной рабочей силе. На время проекта заключенные условно-досрочно освобождаются и используются как временные раз-

норабочие, без каких-либо шансов изменить свое положение к лучшему. И хотя таким образом они переходят дорогу местным и отнимают у них рабочие места, безусловно, этими специфическими кадрами проще управлять.

Свои правила Китай переносит в Европу. Воспользовавшись мировым финансовым кризисом и своими гигантскими валютными резервами, он скупает по дешевке активы на окраинах Европы, сосредотачивая внимание на портах Греции, Италии и т.д., и вкладывает миллиарды долларов в финансирование объектов общественной инфраструктуры, которые строятся при участии китайских фирм и китайских рабочих. В 2009 году Китай выиграл у европейских фирм тендер на строительство в Польше железной дороги. К проекту привлечены европейские субсидии и китайские рабочие.

Индия также вступила на этот путь. За границей трудятся свыше 5 миллионов индийцев, причем 90 процентов из них — в странах Персидского залива. В 2010 году правительство Индии заявило о планах учредить за счет взносов фонд содействия возвращению и переселению индийских работников из-за границы, который бы выплачивал вернувшимся переселенцам пособия. Кроме того, был создан Фонд индийской общины (Indian Community Welfare Fund) для оказания срочной помощи «бедствующим» мигрантам в 17 странах. Это своего рода параллельная система социальной защиты, опасный прецедент. Фонд занимается благотворительностью — распределяет еду и обеспечивает ночлег, а также помогает желающим вернуться на родину и обустроиться. Эти работники не самые бедные в Индии, хотя их эксплуатируют и притесняют. Данная схема адресована работникам, принявшим на себя риск, а также нанявшим их странам. Это снимает с правительств часть забот о предоставлении мигрантам социальной защиты и удешевляет индийскую рабочую силу для фирм. Каковы будут последствия, если примеру Индии последуют многие другие страны?

Индия заключила соглашения о социальном обеспечении со Швейцарией, Люксембургом и Нидерландами и сейчас ведет переговоры с другими странами с большой индийской рабочей

диаспорой. С Малайзией, Бахрейном и Катаром были достигнуты соглашения касательно найма, условий труда и социального обеспечения. Это часть глобального трудового процесса. По-видимому, он включает моральные и аморальные риски.

Вовлечение в экспорт рабочей силы многомиллионной армии мигрантов является частью внешней и торговой политики. Это снижает производственные издержки и способствует утечке капиталов, в виде денежных переводов, в страны, откуда прибыли рабочие. Мигранты — источник неправдоподобно дешевой рабочей силы, он действует как колоссальный по численности прекариат, влияя на рынки труда в принимающих странах и заставляя их двигаться в том же направлении. Подобные явления мы находим во Вьетнаме, Уганде, Лаосе, Швеции и других странах, и следует признать, что перед нами глобальный феномен, который растет как снежный ком. Система экспортирования труда — это фактор воздействия на условия труда в странах-реципиентах. Мигранты используются для усиления роста мирового прекариата.

Подытоживая сказанное

Мигранты — это легкая пехота мирового капитализма. Почти все они соперничают друг с другом за рабочие места. Большинство мирится с краткосрочными контрактами, низкими зарплатами и малочисленными льготами. И этот процесс не случайный, он носит системный характер. Резиденты заполняют собой мир.

С распространением национального государства «принадлежность к сообществу по праву рождения перестает быть естественным фактором, а непринадлежность — фактором выбора» (Arendt, [1951] 1986: 286). Сегодняшние мигранты редко не имеют гражданства de jure, они отнюдь не социальные изгои. Однако им не хватает защищенности и благоприятной почвы для того, чтобы стать членами сообществ в тех странах, куда они приезжают. Многие урезаны в гражданских правах в своих родных странах, de

facto являясь там резидентами, — например, в Китае.

Многие мигранты — «гости, которых с трудом терпят» (Gibney, 2009: 3). Некоторые обозреватели (такие, как Soysal, 1994) считают, что разница в положении граждан и неграждан стала весьма незначительной в результате внедрения наднациональной доктрины прав человека. Но куда больше обозревателей видят увеличивающийся разрыв между формальным предоставлением юридических прав и реальным их осуществлением (например, Zolberg, 1995). Мы можем сказать только одно: при гибкой открытой системе для осуществления прав необходимы две мета-гарантии: гарантированный базовый доход и гарантированное право голоса. Резиденты не заявляют о себе во всеуслышание. За исключением тех редких случаев, когда они доведены до отчаяния, они стараются лишний раз «не высовываться» и не привлекать к себе внимание, изо дня в день думая лишь о том, как бы выжить. По сравнению с ними граждане обладают бесценной привилегией: их нельзя депортировать или выслать, хотя и здесь были тревожные прецеденты. Они могут свободно въезжать в свои страны и выезжать из них, а резиденты зависят от воли случая.

Сочетание прекариата, состоящего из мигрантов, системы социальной помощи на основе налоговых отчислений и системы налогообложения, делающей акцент на подоходный налог и ложащейся тяжким бременем главным образом на людей со средним достатком, привело к тому, что мигранты и иностранцы стали восприниматься как враждебная сила. Структура, которая наводит налогоплательщиков на мысль о том, что бедные мигранты живут за их счет, означает, что трения в обществе уже не удастся списать со счетов как расовый предрассудок. Они отражают отказ от универсализма и социальной солидарности.

Усиливается межэтническая напряженность. Согласно опросу общественного мне-

ния, проведенному в 2009 году в шести европейских странах и США, самая враждебная по отношению к мигрантам страна — это Великобритания, там почти 60 процентов убеждены, что мигранты отнимают работу у местных. Так же считают 42 процента американцев, 38 процентов испанцев, 23 процента итальянцев и 18 процентов французов. В Нидерландах большинство верит, что из-за мигрантов растет преступность. В Великобритании самая большая доля респондентов (44 процента) полагает, что легальные иммигранты не должны пользоваться теми же государственными пособиями, что и местное население. За Великобританией следуют Германия, США, Канада, Нидерланды и Франция, если рассматривать этот показатель по убывающей. Опросы 2010 года свидетельствуют об ухудшении отношения к мигрантам и в других странах.

В богатых странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, миграция оказывается хитрой ловушкой. Число реальных рабочих мест и работ, предполагающих карьерный рост, сокращается, порождая статусную фрустрацию и недовольство. Перспективы оставшихся без работы печальны: им приходится соглашаться на меньшую зарплату или выполнять нудную техническую работу не по специальности. Нечестно критиковать этих бедолаг лишь за то, что такое положение их возмущает и они весьма неохотно отказываются от профессиональных навыков и связанных с профессией ожиданий. Мигранты же приезжают из тех мест, где у них были меньшие доходы и ожидания, по этой причине они готовы работать временно и с неполной загрузкой и мало держатся за профессиональные навыки. Политики разыгрывают популистскую карту — они перекладывают всю вину на «ленивых» местных, оправдывая таким образом как ужесточение контроля за миграцией, так и урезание пособий по безработице. В итоге демонизируются две группы людей — дабы угодить среднему классу, — и нынеш-

ние прагматики выставляются приспособленцами. На самом деле виноваты в этом случае не «лень» и не мигранты, а природа гибкого рынка труда.

Мигранты при широком обсуждении все чаще изображаются как «грязные», «опасные» или даже «проклятые». Они «привозят с собой» болезни и чуждые обычаи, угрожают «нашим рабочим местам и образу жизни», они жертвы работорговли, проститутки или жалкие подобия людей. Итог такой непродуманной позиции — еще больше пограничников и ужесточение условий въезда. О последнем говорит принятая в некоторых странах система баллов и тестов для получения гражданства. Нелицеприятные черты абсолютного меньшинства представляются как общая тенденция, против которой государство обязано принять самые крутые меры. Все чаще и чаще мигранты считаются виновными до тех пор, пока они не докажут обратное.

По сути, происходит следующее: обостряется враждебность, раздуваемая политиками-популистами и страхами, что Великая рецессия обернется долгосрочным экономическим спадом. Мы еще вернемся к этому вопросу, но сначала рассмотрим еще один аспект прекариата, а именно: утрату контроля над временем.

Для понимания сути кризиса глобальных преобразований и возросшего давления на прекариат необходимо разобраться в том, как глобальное рыночное общество воздействует на наше ощущение времени.

Исторически каждому способу производства сопутствовала собственная концепция времени, служившая его направляющей структурой. В аграрном обществе труд и работа подчинялись сезонному ритму и погодным условиям. Идею о регулярном десяти- или восьмичасовом рабочем дне в те времена сочли бы нелепой. Пахать или собирать урожай под проливным дождем — какой в этом прок? Хоть и говорят: время не ждет, однако человек считался с его ритмами и спорадическими сюрпризами. В большинстве стран по этому принципу живут и сегодня.

Однако с развитием промышленности время стали систематизировать. Народившийся пролетариат был приучен строить свою жизнь по часам, как это элегантно отметил историк Э.П. Томпсон (Thompson, 1967). Сложилось общество национального промышленного рынка, в основе которого было привитое уважение ко времени, календарю и часам. В литературе это чудесное превращение уловил Жюль Верн и передал его в романе «Вокруг света в восемьдесят дней». Хронометраж путешествий и восторг, который вызвала книга в викторианском обществе 1870-х годов, — совпадение далеко не случайное. За полвека до этого подобная реакция показалась бы более чем странной, а полстолетия спустя книгу сочли бы недостаточно фантастичной, чтобы взволновать воображение.

С переходом от сельскохозяйственных обществ к национальным рынкам, опирающимся на промышленное производство, а от них — к глобальной рыночной системе, движущей силой которой были услуги, в отношении ко времени произошли две перемены. Во-первых, возникло пренебрежение к биологическим часам организма, зависящим от суточного 24-часового цикла. В четырнадцатом веке, например, в каждой части Англии существовало

свое местное время, которое было привязано к традиционным сельскохозяйственным циклам. Множество поколений сменилось, прежде чем государству удалось внедрить общенациональный стандартный отсчет времени. Впрочем, проблема стандартизации так до конца и не решена, и мы вынуждены мириться с существованием в глобальном обществе и экономике многочисленных временных поясов. Мао Цзэдун заставил весь Китай жить по пекинскому времени, это был один из способов государственного строительства. Другие страны пытались сделать то же ради повышения эффективности бизнеса. В России правительство планировало сократить число часовых поясов с одиннадцати до пяти[11].

Часовые пояса существуют в силу нашей естественной привычки к дневному свету и социальной привычки к концепции рабочего дня. Биологические часы согласуют жизнедеятельность со сменой дня и ночи: ночью люди спят и расслабляются, отдыхая от дневных забот. Но глобальной экономике не свойственно считаться с психологией людей. Глобальный рынок — это машина, она функционирует 24 часа в сутки и семь дней в неделю, никогда не спит и не отдыхает; рынку безразлично, светло на улице или темно, день там или ночь. Традиционное восприятие времени для него только помеха, заслон, препятствие, мешающие торговле и тотему эпохи — конкурентоспособности, нечто противоположное диктату гибкости. Если страна, фирма или отдельный индивид не приспосабливаются к режиму 24/7, приходится за это дорого расплачиваться. Поговорка «кто рано встает, тому Бог подает» теряет смысл, поскольку в новых условиях «Бог подает» тем, кто вообще не смыкает глаз.

Другая перемена касается нашего восприятия времени. Индустриальное общество явилось предвестником уникального периода в истории человечества, который продлился не более века и которой разбивал жизнь на временны́е интервалы. Эти нормы стали восприниматься как истинно верные большинством людей, живущих в индустриально развивающихся обществах, и насаждались по всему свету. Они были знаком цивилизованности.

11 Пока, к 2014 году, удалось сократить их до девяти.

Понятие «временной интервал», которым оперировало общество и производство, перекликалось с идеями фиксированного рабочего места и дома. На практике люди короткий период времени ходили в школу, затем бóльшую часть жизни работали, а потом, если повезет, им полагался недолгий пенсионный период. В трудовые годы они поднимались поутру, уходили на работу, занимавшую 10–12 часов или другой отрезок времени, обозначенный в их пространно сформулированных контрактах, а затем возвращались домой. Тогда еще существовали праздники, но в период индустриализации их существенно сократили и постепенно заменили непродолжительными отпусками. И хотя эта схема имела варианты в зависимости от класса и пола, суть оставалась прежней: время делили на отрезки. Большинство находит логичным, что они проводят дома, скажем, 10 часов в день, 10 часов заняты на работе, а оставшуюся часть посвящают социализации. Разделение рабочего места и дома вполне естественно.

Считалось, что работа, труд и игра — различные виды деятельности с точки зрения выбора времени и начальных и конечных временны́х границ. Когда мужчина — а обычно это был именно мужчина — покидал работу, где, как правило, его контролировало непосредственное начальство, он чувствовал, что сам себе хозяин, даже если был выжат как лимон и не мог извлечь из своей свободы никакой пользы, разве что тиранил свою семью.

Экономика, статистика и социальная политика сформировались как реакция на индустриальное общество и сложившийся под его влиянием образ мысли. С тех пор мы проделали долгий путь, однако политика и институты так и остаются до конца неоткорректированными. В эпоху глобализации возник набор неформальных норм, которые плохо уживаются с нормами индустриального времени, по-прежнему присутствующими в социальном анализе, законодательстве и политических решениях. Например, в стандартных статистических отчетах по труду приводятся поражающие своей четкостью цифры, из которых следует, что взрослый человек в среднем «работает 8,2 часа в день» (цифра может быть и другой) пять дней в неделю или что доля экономически активного населения составляет 75 процентов,

если допустить, что три четверти взрослого населения имеют в среднем восьмичасовой рабочий день.

Но если мы рассмотрим, как распределяет время прекариат и другие группы, то подобные цифры теряют смысл и просто сбивают с толку. Основная идея следующая: нам следует разработать концепцию третичного времени, то есть такого распределения времени, которое подходило бы третичному (постиндустриальному) обществу, а не индустриальному или аграрному.

Что такое работа?

У каждого века — свой специфический взгляд на то, что считать работой, а что — нет. Двадцатый в этом отношении заблуждался, как и все предыдущие. В Древней Греции трудились рабы и «банавсои» — чужаки, неграждане. Труженики обладали «гарантией занятости», но, как отмечала Ханна Арендт (Arendt, 1958), в восприятии греков это было бременем, поскольку только ничем не связанный человек был по-настоящему свободным — это чувство хорошо знакомо современному прекариату.

Возвращаясь к тому, о чем говорилось в первой главе, заметим, что работа как деяние («практика») имела ценность сама по себе, как коллективное действо вместе с домочадцами и друзьями, в виде работы по хозяйству или заботы о ближних — чтобы они могли исполнить свое предназначение гражданина. Работа помогала укреплять дружеские связи между гражданами («филия»). Игра была необходима для снятия напряжения, однако помимо этого у греков имелось понятие «школа», имевшее двойной смысл и означавшее и досуг, и обучение — применительно к участию в делах города («полиса»). Человек умножал знания размышлением, как в полном покое, так и участвуя в деятельности. Аристотель полагал, что настоящий досуг невозможен без малой толики лени («эргия»).

В Древней Греции резиденты — банавсои и метеки — не могли сделаться полноправными гражданами, поскольку у них не оставалось свободного времени для участия в жизни полиса. Вряд ли имеет смысл защищать ущербную социальную модель — с учетом отношения древних греков к женщинам и рабам и выч-

ленением в особую группу видов деятельности, достойных граждан, — однако свойственное грекам подразделение времени на труд, работу, игру и досуг, безусловно, полезно.

Позднее сторонники теории меркантилизма и классические политэкономисты вроде Адама Смита создали изрядную мешанину, пытаясь определить, что такое производительный труд (Standing, 2009). Однако в начале двадцатого века умами овладела бредовая мысль: разграничить, что является работой, а что нет, при этом работа по уходу за другими была понижена в статусе как не имеющая отношения к экономике. Артур Пигу, британский экономист (Pigou, [1952] 2002: 33) признал абсурдность подобных умозаключений, сделав по этому поводу саркастическое замечание: «Таким образом, если мужчина женится на своей домработнице или поварихе, общество лишится части своих дивидендов». Иными словами, определение труда зависело не столько от его содержания, сколько от его направленности — для кого он предназначен. Так рыночное общество восторжествовало над здравым смыслом.

На протяжении всего двадцатого столетия главенствовало определение труда как работы, имеющей рыночную стоимость, меж тем как любая работа, не тождественная труду, не принималась во внимание. Таким образом, работа, которая делается ради внутренней, неявной пользы, не отражалась в трудовой статистике и замалчивалась политиками. Помимо сексизма, такой подход не выдерживает критики и по другим причинам. Он обесценивает некоторые из самых важных и необходимых видов деятельности: воспроизводство наших собственных способностей, а также будущих поколений — и подрывает авторитет деятельности, обеспечивающей наше социальное бытие. Необходимо выкарабкаться из этой лейбористской ловушки. И прекариату это нужно больше, чем какой-либо другой группе.

Третичное рабочее место

Прежде чем мы продолжим рассматривать понятие работы, обратим внимание на историческую перемену, которая непосредственно связана с этим понятием. Классическое различие между

рабочим местом и домом появилось в индустриальную эпоху. В промышленном обществе, с созданием нынешних правил регулирования рынка труда, введением трудового законодательства и системы социального страхования, нормой были фиксированные рабочие места. Пролетарии отправлялись на эти рабочие места ранним утром либо к началу своей смены — это могла быть фабрика, шахта, строительная площадка или верфь, — а чуть позднее туда же приходили служащие (салариат). Эта модель теперь развалилась.

Как отмечалось во второй главе, некоторые исследователи именуют сегодняшнюю систему производства «социальной фабрикой», дабы подчеркнуть, что труд и контроль за ним приобрели всеохватывающий характер, равно как и требование соблюдать дисциплину. Однако политика по-прежнему ориентируется на то, что имеет смысл проводить четкую грань между рабочим местом и домом — и между рабочим местом и общественным пространством. Однако в третичном рыночном обществе подобное деление бессмысленно.

Рассуждения на тему баланса «дом — работа» также представляются надуманными. Дом перестал быть местом, где вы отдыхаете душой, поскольку все больше и больше людей, особенно входящих в прекариат, живут в одиночестве, с родителями либо с соседями, которые могут довольно быстро меняться. Во всем мире все больше людей, для которых дом — это продолжение офиса. И хотя этот феномен не так уж сильно бросается в глаза, но стоит отметить, что все, что раньше связывалось с домом, все чаще переносится на рабочее место.

Во многих современных офисах служащие могут прийти рано утром на работу в повседневной либо спортивной одежде, принять душ и в течение первого «рабочего» часа приводить себя в порядок. Это неявная льгота салариата. Служащие хранят в офисе одежду, ставят на рабочие столы фотографии близких и безделушки, напоминающие о доме, а иногда даже разрешают детям поиграть в помещении, так, «чтобы не мешать папе или маме», что, разумеется, невозможно. Во второй половине дня, после обеда, служащие могут вздремнуть — «для повышения

работоспособности» — притом что сон все времена связывался исключительно с домом. А слушать на работе музыку, включив медиаплеер, давно уже стало нормой.

Меж тем все чаще люди трудятся не на фиксированных рабочих местах, а в кафе, в машине, дома. Параллельно эволюционировали методы управления персоналом, сократив сферу личной жизни, изменив систему оплаты и т.д. Старая модель охраны труда, делающая упор на гигиену и технику безопасности, мало соответствует вольному выбору места производства работы. Эта туманная ситуация играет на руку привилегированному салариату и «квалифицированным кадрам» (proficians) — современные технические устройства и профессиональные знания помогают им скрыть количество реально проделанной «работы».

Таким образом, люди, близкие к прекариату, вынуждены тратить на работу еще больше времени и сил — из страха не оправдать ожиданий. В сущности, отсутствие постоянного рабочего места увеличивает неравенство — прекариат эксплуатируется еще сильнее, зато отдельные привилегированные работники пользуются облегченным рабочим графиком: они подолгу обедают, то и дело устраивают перерывы на чай или «укрепляют корпоративный дух» в гостиницах, специально построенных для выездных мероприятий. В алкогольном и кофейном дурмане грань между рабочим местом и местом для развлечений становится все более зыбкой.

Третичное время

В открытом третичном обществе уже не работает старая, индустриальная, модель распределения времени, для которой было характерно бюрократическое управление, осуществлявшееся на крупных фабриках и в конторах. Важно не огорчаться по этому поводу, а понять, что слом старой системы оставил нас вообще без какой-либо устойчивой временной структуры. С товаризацией персональных услуг, включая большинство форм ухода, теряется различие между разными видами деятельности, свойственными большинству людей.

Прекариату, ограниченному во времени и вынужденному делать несколько дел одновременно, грозит хронический цейтнот. И не ему одному. Но его ситуация особенно трудная. Говоря в общем и целом, ее можно обозначить как потерю контроля над знанием, этикой и временем.

Пока идея третичного времени еще не успела выкристаллизоваться. Но это дело ближайшего будущего. Один из ее аспектов — неделимость использования времени. Все реже применяются нормы, предполагающие выполнение за определенный временной отрезок определенного количества работы. Этот процесс сочетается с размыванием понятия фиксированного рабочего места и разделения видов деятельности на офисную и неофисную. Все чаще люди на работе занимаются делами, которые принято считать домашними, и наоборот.

Рассмотрим время в ракурсе предъявляемых к нему требований. В учебниках по экономике, правительственных отчетах, СМИ и законодательстве время понимается дуалистически и строго подразделяется на работу и досуг. В этих документах под работой подразумевается труд, то есть часть работы, обусловленная трудовым соглашением либо непосредственно оплачиваемая. Подобный подход вводит в заблуждение и никак не помогает измерить время на выполнение той или иной работы, даже когда речь идет о работе ради получения дохода, не говоря уже о формах, не имеющих с непосредственной связи с зарабатыванием денег. Другая составляющая этой дуалистической концепции — досуг — также заводит нас в тупик. Наши далекие предшественники — древние греки — подняли бы нас на смех.

Интенсификация труда

Третичное общество давит на прекариат, заставляя его трудиться не покладая рук, и в этом одна из особенностей нашей эпохи. Относящиеся к прекариату люди могут работать по совместительству в нескольких местах, отчасти из-за понижения уровня зарплат, отчасти из-за желания снизить риск и повысить гарантии.

Женщины, привыкшие к тройной загрузке, теперь взваливают на свои плечи четвертую ношу: им приходится заботиться о детях, о престарелых родственниках и работать, возможно, не в одном месте, а сразу в двух. Вспомним, насколько больше в США стало женщин, совмещающих работу на полставки с дополнительной подработкой. В Японии и мужчины, и женщины все чаще сочетают полную занятость с неофициальной подработкой, которую можно делать в нерабочие часы или дома. На это уходит дополнительно до восьми-десяти часов в неделю — прибавьте их к восьмичасовому рабочему дню. Одна женщина призналась газете «Нью-Йорк таймс», что поступает так главным образом ради подстраховки: «Не то что я не люблю свою основную работу. Просто хочется иметь стабильный доход и при этом не зависеть целиком и полностью от компании» (Reidy, 2010).

Согласно опросу, проведенному в 2010 году в Японии, ту или иную форму подработки имеют 17 процентов служащих в возрасте от 20 до 50 лет, как мужчин, так и женщин. Другой опрос показал, что примерно половина служащих хотела бы заниматься подработкой. Основные причины — желание стабилизировать доходы и сгладить риски, причем речь здесь идет скорее об учете факторов риска из-за отсутствия государственных пособий, чем о строительстве карьеры. Люди стали больше работать, поскольку единственная работа не приносит достаточного дохода и сопряжена с риском.

Чрезмерный труд плохо отражается на здоровье. Долгосрочное исследование, в котором участвовало 10 тысяч британских государственных служащих, продемонстрировало, что перерабатывающие три часа или более в день на 60 процентов больше рискуют получить сердечное заболевание, чем работающие семь часов в день (Virtanen et al., 2010). Бóльшая продолжительность рабочего дня также увеличивает вероятность стрессов, депрессий и диабета; стресс ведет к социальной изоляции, семейным и сексуальным проблемам и разочарованности.

Было также проведено исследование «трудоголиков» (Working Families, 2005). В ЕС установлена максимальная продолжительность рабочей недели, она равна 48 часам. Однако, по

данным Национальной статистической службы, в Великобритании свыше миллиона людей регулярно тратят на работу более 48 часов (и это без учета тех, кто делает это время от времени), а 600 тысяч — более 60 часов. Еще 15 процентов работают даже в выходные и в праздники.

Повышать интенсивность труда в ущерб здоровью не обязательно требование работодателей, хотя они, конечно, поощряют такое. Скорее всего, все дело в нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, присущей гибкому третичному обществу. Политикам следует задуматься, так ли полезна для здоровья общества, так ли необходима и неизбежна эта интенсификация труда. Мы не призываем навести в этой сфере порядок с помощью новых правил — просто надо подумать, как нам добиться большего контроля над временем.

Работа ради работы

Работа — это не только труд, то есть деятельность, направленная на производство конечного продукта. В третичном обществе с гибкой рабочей силой много времени уходит на «работу ради работы», а именно работу, которая хоть и не обладает рыночной стоимостью, но, тем не менее, делать ее либо необходимо, либо желательно.

Одна из самых характерных для прекариата форм «работы ради работы» — это поиск вакансий на рынке труда. Тот, кто живет за счет временных работ, вынужден много времени посвящать поискам новых вакансий и иметь дело с государственной бюрократией — или, как это чаще бывает, с частными коммерческими структурами, осуществляющими те же функции. В связи с реорганизацией системы социального обеспечения процедуры еще больше усложнились, и людям нужно пройти огонь, воду и медные трубы, чтобы получить либо подтвердить право на получение довольно скромного пособия; но прекариату приходится тратить на это времени больше, чем представителям других групп. Стояние в очередях, проверка очереди, заполнение анкет, ответы на вопросы, опять ответы на вопросы, беготня за

справками, подтверждающими то-то и то-то, — все эти действия поглощают кучу времени, которое, как правило, никем не учитывается. Гибкий рынок труда сделал трудовую мобильность главным жизненным принципом и создал благодатную почву для злоупотреблений и нарушений этических норм разветвленными правилами относительно того, кто имеет право на получение социальных пособий, — в результате прекариат вынужден тратить время в очередях бездарно, выматывая нервы, истощая силы, которые пригодились бы для более достойных задач.

Среди других дополнительных «работ ради работ», которые люди выполняют в нерабочие часы, — налаживание деловых связей и чтение отчетов компании дома, вечером либо в выходные. Все эти вещи до боли знакомы, но никак не отражены в национальной статистике и тех показателях работы, что попадают в СМИ. Но еще больше таких примеров связано с попыткой действовать в обществе с рыночной экономикой. Например, некоторые «работы ради работы» на самом деле выполняются ради страховых гарантий, и число их растет по мере распространения социальной, экономической и профессиональной нестабильности. Некоторые прикрываются идеей «открытых возможностей». Другие имеют стратегическое значение — показать старание и трудовое рвение.

Некоторые типы деятельности можно назвать «обучением для работы». Некий консультант по менеджменту заявил в *Financial Times* (Rigby, 2010), что, поскольку навыки стремительно устаревают, людям следует ежегодно посвящать 15 процентов времени обучению. По-видимому, точное количество времени зависит от возраста, опыта и положения на рынке труда. Человеку из прекариата, особенно молодому, желательно посвящать обучению больше времени, хотя бы для того, чтобы расширить круг возможностей либо не упустить уже имеющиеся.

Третичные навыки

В обществах, где бóльшая часть экономической деятельности состоит в манипулировании идеями и символами и в продвиже-

нии услуг, механические процессы и задачи теряют свою значимость и отступают на задний план. В итоге само понятие «навык» утрачивает свой первоначальный смысл. В третичном обществе навык точно так же ассоциируется с языком тела и оказанием эмоциональных услуг, как и с формальными навыками, полученными в учебных заведениях либо приобретенными в период обучения на производстве.

Как правило, у прекариата мало надежд окупить затраты на обучение, хотя на развитие профессиональных навыков он тратит изрядную долю реального или потенциального дохода либо сбережений. Представители салариата и «квалифицированные кадры» (proficians) будут иметь куда больше шансов выстроить карьеру и продвинуться по служебной лестнице и вполне могут рассчитывать на экономическую отдачу от обучения — они более четко представляют себе, с чем не стоит возиться. Неприятные последствия усиления гибкости и незащищенности рынка труда — снижение средней отдачи от самостоятельного обучения.

Одна из распространенных ныне форм «обучения ради работы» — это освоение норм этики. Врачам, архитекторам, бухгалтерам и работникам некоторых других специальностей приходится овладевать профессиональной этикой. Такая практика распространяется и на другие профессии и может даже стать обязательной — или, при благоприятном развитии событий, частью глобальной системы сертификации.

К прекариату имеет отношение и еще один значимый фактор — это увеличивающаяся потребность в «обучении ради работы» (вместо обучения на работе), что подразумевает совершенствование личных качеств, повышение трудоспособности, умение работать с информационными потоками и знание современных концепций применительно к той или иной тематике. Консультант по вопросам управления, который советовал: «Посвятите 15 процентов своего времени изучению смежных областей», также добавлял: «Ежегодно обновляйте свое резюме». Работа над резюме, стремление произвести впечатление, выгоднее себя преподнести и «застолбить как можно больше позиций» поглощает огромное количество времени. Требовать, чтобы человек

проявил индивидуальность, подчиняясь унылой рутине и нормам поведения, просто бесчеловечно. Когда же наконец прекариат возмутится и скажет: «Хватит!»?

С размыванием характерного для индустриальной эпохи понятия о рабочем месте как необходимом условии для «стандартных трудовых отношений» на повестку дня выходят более деликатные вопросы о дисциплине, контроле, частной жизни, охране здоровья и целесообразности институтов, выступающих посредниками при заключении трудовых договоров. Однако ключевая черта распадающейся индустриальной модели — это все большая расплывчатость понятия «квалификация». Многие комментаторы к месту и не к месту используют этот термин, зачастую говоря о «недостатке квалификации». В третичном обществе утверждать подобное бессмысленно. Поскольку нет пределов человеческому совершенству, любая квалификация по определению недостаточна и ее можно повысить. Но ни одна страна в мире не имеет инструментов, с помощью которых можно измерить квалификацию населения, а стандартные показатели наподобие количества лет обучения, увы, мало о чем говорят. Правомерно ли утверждать, что садовник или водопроводчик плохо справляется со своими обязанностями из-за того, что он не окончил среднюю школу или техникум? Навыки, необходимые для выживания в прекариате, мало связаны с формальным образованием.

Скорее как раз наоборот: в современном рыночном обществе наблюдается избыток квалификации и миллионы людей не имеют возможности применить на практике и развить свои навыки. Проведенный в Великобритании опрос показал, что почти 2 миллиона рабочих выполняют работу, которая не соответствует их специализации. Однако это только вершина айсберга: огромное количество людей имеют квалификацию, которая им в жизни не пригождается, и они стараются не вспоминать о своих дипломах, пылящихся на дальней полке.

Уже много лет в специальных изданиях, посвященных экономике и развитию, не прекращается дискуссия о «добровольной безработице». Речь идет о том, что многие безработные куда более

образованны, нежели имеющие работу. Принято считать, что образование — это часть человеческого капитала, повышающая конкурентоспособность на рынке труда. Если же обладатели человеческого капитала не могут трудоустроиться, значит, они делают это осознанно, выжидают подходящей вакансии. Возможно, кто-то и подпадает под этот стереотип, однако подобное упрощение уводит нас в другую сторону. На самом деле образование может препятствовать развитию навыков, необходимых для выживания при нестабильной экономической системе. Быть изворотливым — это навык, такой же как способность устанавливать контакты, вызывать доверие, располагать к себе людей и т.д. и т.п. Это навыки прекариата.

В числе навыков, необходимых в третичном обществе, следует назвать умение работать, соблюдая меру и не доводя себя до изнурения. Например, сбор информации в Интернете и ее анализ (с какой-либо целью) — поиск или загрузка нужных данных, их сравнение и рассылка электронных писем, как правило, весьма затратны с точки зрения времени. Это довольно увлекательный, но изматывающий процесс, ведущий к физическому истощению. Для выполнения данной задачи необходимы самодисциплина и усердие, причем последнее не должно быть чрезмерным. Многочасовое сидение за монитором приводит к синдрому дефицита внимания, неспособности сосредоточиться и решать сложные проблемы и задачи.

В третичном обществе также высоко ценятся такие личные качества, как искусство подать себя в нужном свете — то, что некоторые социологи называют «эмоциональным трудом». Умение хорошо выглядеть, обаятельно улыбаться, вовремя отпустить шутку, пожелать доброго дня — все эти навыки становятся необходимыми в системе персональных услуг. Возможно, между образованием и доходом существует некая взаимосвязь, и дети из зажиточных семей, как правило, получают лучшее воспитание и образование. Однако образование не помогает развитию навыков. Во многих странах выросли относительные доходы женщин — как правило, это обстоятельство приписывают повышению уровня образованности, антидискриминационным мерам

и изменению типа работ, которые они выполняют. Тем не менее, безусловно, определенную роль здесь играет и сексизм наоборот. Клиентам — равно как и начальникам — нравятся миловидные лица. На это можно сетовать, но этот факт трудно отрицать. И симпатичные юноши и девушки имеют преимущества перед не столь привлекательными людьми среднего возраста.

Не удивительно, что так много внимания стали уделять «наведению внешнего глянца». Прекариат или те, кто боится оказаться в его рядах, усваивают, что пластическая операция, увеличение груди, ботокс или липосакция служат вложением в будущий заработок, а также гарантом лучшего образа жизни. Границы между личным потреблением и инвестицией стираются. Молодость и красота — то, что приобретают или заново обретают. И было бы неверно видеть в этом лишь проявление нарциссизма или тщеславия. Если превращение интересов в товар создает атмосферу конкуренции, тогда поведенческая и косметическая адаптация имеет вполне рациональное объяснение. Однако подобные «навыки» весьма ненадежны. Красота увядает, и восстановить ее с годами все труднее. Манерность порой утомляет и может надоесть.

Если бы молодые осваивали ремесло в индустриальную эпоху, они были бы уверены в том, что приобретенные навыки будут приносить плоды на протяжении десятилетий, может быть даже до конца трудовой жизни. Однако при отсутствии стабильности принятие решений о том, как использовать нерабочее время, сопряжено с серьезными рисками. Для прекариата это как лотерея, где можно выиграть, а можно и проиграть. Те, кто занимается на курсах или учится в университете, не знают, будет ли от их учебы какой-нибудь прок, — в отличие от салариата, штатных работников, повышающих свою квалификацию вполне прицельно, ради карьерных побуждений. Проблема усугубляется еще и тем, что молодежь, лишенную возможности использовать приобретенные знания и навыки, скорее всего, ожидает чувство разочарования — так называемая статусная фрустрация.

Следует ли мне выделить время для изучения данного предмета? Будет ли от этого прок? В прошлом году я потратил на

самообразование массу времени и денег и не получил ничего взамен, так стоит ли продолжать в том же духе? То, что я выучил в прошлом году, сегодня уже устарело — надо ли повторять прежний опыт, опять тратить деньги и ходить на другие курсы? Такие вопросы естественны для третичного общества.

Профессиональные навыки усиливают ощущение нестабильности. Можно годами приобретать квалификацию, а в итоге окажется, что ваши знания устарели или их не хватает. Процессы обновления происходят с такой стремительностью, что многие в прекариате не поспевают за переменами. И это парадокс. Чем больше навыков требует работа, тем сильнее вероятность того, что для ее выполнения потребуется переподготовка. Иначе говоря: чем выше у вас квалификация, тем больше у вас шансов оказаться профессионально непригодным. Происходит своего рода дисквалификация. Таким образом, понятие «навыки» приобретает странное временно́е измерение. То есть хороший профессионал — это не тот, кто не утратил своей вчерашней квалификации и навыков, но и тот, кто готов соответствовать завтрашним профессиональным требованиям. Реакция человека на такую зыбкость понятия квалификации может быть разной: от готовности тратить драгоценное время и грызть гранит науки — до полной пассивности из-за неуверенности в том, что дополнительное образование может принести отдачу. Комментаторы, то и дело призывающие повышать квалификацию и сетующие на недостаток навыков, лишь усугубляют экзистенциальный кризис. Такой общественный климат отнюдь не способствует развитию способностей, а, напротив, вызывает постоянную неудовлетворенность и стресс.

Работа ради воспроизводства

Существуют и многие другие формы «работы ради работы» — одни дополняют работу по контракту, другие являются неотъемлемой частью трудовых отношений. Также наблюдается рост работы ради воспроизводства. Данное понятие имеет двойное содержание. Его основное значение — это некий неопределенный набор действий, которые людям следует предпринять (либо они

чувствуют, что должны это сделать) для того, чтобы и дальше поддерживать достойный образ жизни, с учетом конкретных обстоятельств. Не стоит смешивать это понятие с «работой ради работы». Одна из самых трудных задач при этом — распределение финансов. Салариат и «квалифицированные кадры» могут себе позволить обратиться к бухгалтеру и воспользоваться советом банковских специалистов. Если за это и приходится платить, то относительно немного по сравнению с заработками и выгодами от профессиональной помощи.

У прекариата при нестабильных доходах могут возникнуть очень серьезные проблемы, при этом у этих людей меньше возможностей получить совет финансистов, к тому же за консультацию придется отдать большую часть заработка. И те, у кого нет возможности либо желания приобрести необходимые услуги, вынуждены обходиться собственными силами. Кому-то придется потратить время на домашнюю бухгалтерию и самостоятельно приводить в порядок счета. А кто-то вообще не станет этим заниматься. Согласно британскому опросу, 9 миллионов взрослых испытывают страх перед финансовыми вопросами («финансовую фобию») и боятся даже думать о рациональном управлении средствами: это кажется им слишком сложной задачей. В третичном обществе из-за «финансовой фобии» человек вполне может перейти грань, за которой скромный достаток оборачивается нищетой, особенно в случае финансовых затруднений. И в разных слоях общества последствия этого будут разные. Это скрытая форма неравенства, которую прекариат очень остро ощущает.

Еще один минус для прекариата — малая осведомленность в такой важнейшей области, как правовая грамотность. Общество, где человек человеку чужой, полагается на контракты; связывающие по рукам и ногам предписания пронизывают все сферы жизни. Чтобы жить в обществе, управляемом сложными законами и правилами, необходимо знать эти законы и иметь доступ к достоверным источникам информации, которые могут дать нам нужный совет. И хотя в наше время мало кто хорошо подкован в законодательстве, имеющем непосредственное отношение к нашей жизни, прекариат находится в особенно бедственном

положении. Салариат и «квалифицированные кадры» имеют позиционные преимущества, которые превращаются в преимущества экономические. Прекариат, как правило, не только более несведущ, но и связан незнанием законов — например, при открытии мелкого бизнеса.

Другой вид работы ради воспроизводства связан с потреблением. Процветает самообслуживание. Потребители все чаще делают то, что раньше выполняли специально нанятые люди: вместо «горячих линий» можно обратиться на веб-сайт, а чтобы не стоять в очереди, можно пройти автоматический контроль. Магазины, гостиничный бизнес и службы здравоохранения тратят на внедрение технологий самообслуживания миллиарды долларов, инвестиции ежегодно возрастают на 15 процентов. По заверению компаний, все это делается ради клиентов. Но на самом деле речь идет о перемещении оплачиваемого труда в зону неоплачиваемой работы. Артур Пигу заметил бы в этом скрытую иронию: национальный доход падает, число рабочих мест уменьшается, а количество работы увеличивается!

Время, затраченное на работу для воспроизводства либо на уход за теми, кто в нем нуждается, с трудом поддается измерению, поскольку охватывает множество видов деятельности и имеет тенденцию увеличиваться. Эта сфера использования времени подвергается давлению с разных сторон. Во многих обществах забота о детях становится все более затратной по времени и силам и постепенно переходит на коммерческую основу. Согласно опросу, проведенному в 2009 году Национальным детским бюро Великобритании (National Children's Bureau), более половины родителей сказали, что при нынешнем лихорадочном темпе жизни не могут уделять детям достаточно внимания и играть с ними (Asthana, Slater, 2010). Долгие рабочие дни, утомительные поездки на работу и обратно и «неотложные дела» вкупе с огромным количеством дел по хозяйству — миллионы людей вертятся как белка в колесе; не удивительно, что времени и сил на остальное не хватает. Согласно данным опроса, проведенного в США, три четверти американских родителей чувствуют, что проводят с детьми недостаточно времени. Эти данные могут

свидетельствовать о социальном давлении, когда людям внушают, что они обязаны делать больше. Однако если из-за занятости взрослых на работе дети лишаются родительской заботы, то в долгосрочном плане это может привести к недостаточной социализации следующего поколения: между ними и старшим поколением не возникнет настоящей близости и они не сумеют перенять от родителей ни знаний, ни опыта.

На другом конце возрастного спектра (а в последнее время продолжительность жизни увеличилась и стало больше людей преклонных лет) лежит уход за стариками, который тоже требует времени, и весьма значительного. В какой-то степени эта сфера коммерциализировалась за счет платных услуг, домов престарелых и т.п., и это происходит на фоне ослабления связи между поколениями, в том числе в плане ответственности. Тем не менее многие посвящают значительное время заботе о ближних. И большинство из них были бы рады сделать больше, но не могут себе это позволить из-за других неотложных дел.

Притом что основное бремя забот по-прежнему ложится на плечи женщин, которым часто приходится быть на подхвате, мужчины также все активнее участвуют в уходе за стариками. И хотя некоторые комментаторы не считают уход за пожилыми людьми работой, для большинства эта обязанность имеет экономическое выражение, поскольку подразумевает альтернативные затраты (или издержки упущенных возможностей) — в том, что касается воспроизводства способностей реципиента, и в плане снижения экономических издержек, которые оказались бы выше, если бы обязанность по уходу была возложена только на государство или отсутствие ухода привело бы к долгосрочным затратам на лечение.

Тем, кто относится к прекариату, приходится выполнять больше работы по уходу, чем им хотелось бы, поскольку принято считать, что у них уйма свободного времени, а для них самих очень важно сохранить добрые отношения с окружающими, чья финансовая или иная помощь может им при случае понадобиться. Но опять же, они не контролируют свое время. Они должны приспосабливаться, действуя в условиях личной незащищенности.

Это еще одна сфера работы ради воспроизводства, которая расширилась в конце девятнадцатого века, во времена кризисной трансформации общества, и еще больше расширилась в эпоху глобализации. Людей поощряют обращаться за консультациями к специалистам, чтобы справиться с недомоганиями, и прибегать к медицинским услугам, в частности к когнитивной поведенческой терапии, чтобы избавиться от стрессов и тревог из-за неуверенности в завтрашнем дне.

Таким образом, прекариат попадает в довольно затруднительное положение. Если эти люди долго не могут определиться с выбором, в конце концов их заставят обратиться к консультантам, в том числе пройти тренинг, «повышающий способности к трудоустройству». Общественное мнение сводится к тому, что это ненормально — когда человек не знает, как жить дальше, не может «закрепиться» на постоянной работе. Для таких даже термин придумали: «фактически нетрудоспособные». Все это обыгрывается СМИ, фигурирует в мыльных операх и звучит из уст политиков. И отлично согласуется с моделью, при которой акцент переносится на перепрограммирование личности и поведения, а не на разнообразие в образе жизни.

Труд, «работа ради работы», работа ради воспроизводства — все эти затратные по времени виды деятельности даются человеку нелегко. Они требуют усердия и при этом не гарантируют результата. Многие из этих работ выполняются в тяжелых условиях, с неопределенной экономической отдачей и даже с явными альтернативными издержками (то есть с возможной упущенной выгодой) — только из-за острой нужды в деньгах.

Психологическая реакция на это может быть самая разная — это и бешеная активность, занимающая весь день и потенциально ведущая к физическому и моральному истощению, тревожности и неумению сосредоточиться. Или же неуверенность, которая распространяется буквально на все и может привести к ментальному параличу либо вызвать ступор. Но вероятно, чаще всего человек просто ощущает прессинг и еще больше времени и сил отдает работе, причем уже нескольким ее видам вместо одного.

Результат — вытеснение деятельности, имеющей общественную и личную значимость, такой как время, проведенное в кругу семьи. В таком множественном использовании времени нет ничего нового. Новое лишь в том, что это становится нормой. Подобный подход — это отражение технологического развития, достатка, коммерциализации жизни и дробления ее на фиксированные интервалы, имеющие конкретное предназначение.

Сейчас много говорят о многозадачности — о способности делать несколько дел в один и тот же период. Мы знаем из народных пословиц и поговорок, что у женщин это лучше получается, чем у мужчин, ведь женщины вынуждены выполнять несколько работ одновременно и не удивительно, что они лучше чувствуют, как быстрее и проще «покончить с делом». Недавно появился неологизм «мультимногозадачность». Смысл его такой: как сделать больше меньшими усилиями. Как показывают исследования, людям, решающим одновременно несколько задач, труднее сосредоточиться и отсечь отвлекающую информацию. Предмет запоминается, когда над ним основательно подумают. При одновременном решении нескольких задач основательно думать над чем-либо попросту невозможно. Прекариат сталкивается и с дополнительной проблемой. Эти люди не контролируют свое время и хорошо об этом знают.

Молодежь и социальные сети

Некоторых активисты считают, что отличительная черта прекариата — это «подключенность» к Интернету и социальным сетям. Современная молодежь имеет такие возможности для общения, о каких предыдущие поколения и мечтать не могли. Но на создание и поддерживание контактов уходит все больше времени, это касается не только молодежи, но и всех остальных — все мы играем в эти игры. Спокойствие и тишина оказываются под угрозой. Каждую минуту мы взаимодействуем с компьютером.

Так, в 2010 году в социальной сети Facebook было зарегистрировано свыше полумиллиона пользователей. Более половины из них ежедневно посещали ее страницы, а в общей сложности

пользователи из разных стран проводили в ней 700 миллиардов минут в месяц. В Twitter было зарегистрировано 175 миллионов пользователей, которые ежедневно посылали 95 миллионов сообщений. В мире более 5 миллиардов человек пользуются мобильными телефонами, а в некоторых странах мобильные телефоны имеются у всех поголовно. В США около трети подростков отправляют более 100 сообщений в день.

Давно уже тянутся нескончаемые дискуссии о том, к каким последствиям это может привести, положительным или отрицательным, и, вероятно, этот вопрос так и останется без ответа. Тем не менее на некоторые моменты, вызывающие тревогу, стоит обратить внимание. Самая обсуждаемая тема — это «коллективный синдром дефицита внимания». Мобильные телефоны и компьютеры упрочивают слабые связи и ослабляют сильные. Входящие звонки или сообщения прерывают ход беседы или отвлекают от другой деятельности. Проверка электронной почты и ответы на письма мешают нам сосредоточиться. Facebook и другие социальные сети, позволяющие обзавестись «друзьями», которых вы в глаза не видели, — это вторжение в реальную жизнь. Поощряется беспокойство, а такие черты характера, как терпение и решительность, ослабляются.

Сидение в Сети становится для прекариата образом жизни, частью его существования. Исследования показывают, что подобное времяпровождение ведет к депрессиям, поскольку виртуальное общение заменяет собой реальное взаимодействие с людьми. В Великобритании интернет-зависимостью страдает в два раза больше людей, чем игроманией. Особенно уязвима в этом отношении молодежь. Согласно исследованию Катрионы Моррисон (Morrison, 2010), средний возраст в группе интернет-зависимых составляет 21 год. Исследовательница делает следующий вывод: «Для некоторых Интернет как наркотики: он их успокаивает и утешает. Интернет-зависимость влияет на работоспособность и мешает выполнять рутинную работу».

Постоянная «подключенность» к информационным сетям не только порождает особый прекариатизированный способ мышления. Поскольку прекариат не контролирует время и не живет по

регулярному трудовому графику, он более подвержен интернет-зависимости и чаще отвлекается на чтение сообщений в Сети. Впрочем, в самой идее сетевого общения нет ничего плохого, важен контекст.

Ограничение досуга

С увеличением числа работ ради заработка, работ ради работ и работ ради воспроизводства понятие досуга утратило первичный смысл. Одно из самых печальных последствий жизни в коммерциализующемся рыночном обществе — это потеря уважения к досугу и к репродуктивному и продуктивному «ничегонеделанию». Те, кто работает в полную силу, настолько физически и морально истощены, что у них нет ни сил, ни желания «культурно отдыхать» и они способны разве что побаловать себя пассивной игрой. Усталым людям хочется расслабиться — полистать интернет-страницы, посмотреть, что нового в сетях. Разумеется, в той или иной форме игры необходимы. Тем не менее если работа требует невероятного напряжения, то у людей не остается ни сил, ни желания устраивать себе активный досуг.

Марк Агияр и Эрик Хёрст (Aguiar, Hurst, 2009) подсчитали, что, несмотря на увеличение доли женщин в трудовых ресурсах, досуг американок увеличился на четыре часа в неделю по сравнению с 1965 годом, а у американских мужчин — на шесть часов. Однако досуг нельзя свести только к неучастию в трудовом процессе. И хотя другие социальные группы тоже испытывают давление, прекариату приходится выполнять больше работы ради воспроизводства и т. п. — просто чтобы выжить или удержаться на нижних ступенях рынка.

Досуг в подлинном понимании этого слова испытывает тройное давление. Одна из форм досуга — это приобщение к культуре и искусству. Сделаться ценителем прекрасной музыки, драматического искусства, живописи и великой литературы, узнать историю страны и родного края — для всего этого нужно найти время, причем «качественное» время — такое, когда мы не отвлекаемся, не переживаем из-за неустроенности, не выжаты как лимон после

трудовых будней и не валимся с ног от усталости после ночной работы. В итоге возникает дефицит досуга. На него не хватает времени. Либо прекариат отказывает себе в культурном досуге из-за чувства вины: ему кажется, что в свободное время следует налаживать контакты либо постоянно совершенствовать «человеческий капитал», как того требуют комментаторы.

Где стимулы, побуждающие выделить время для досуга? Этот вопрос касается даже университетов. Когда правительства пытаются преобразовать университеты и колледжи в коммерческие заведения и требуют от них приносить прибыль, они, как правило, метят в культурные очаги, далекие от зарабатывания денег. В 2010 году британский университет Мидлсекса объявил о закрытии философского факультета. Университет без философского факультета — это вызов всем великим педагогам-теоретикам, нонсенс.

Еще больше разочаровывает вытеснение того, что древние греки считали подлинным досугом («школой»), — участия в общественной жизни, гражданской активности. Члены прекариата — и не только они — отстранены от политической деятельности. Они могут эпизодически посещать собрания или голосовать за харизматического кандидата, однако это никак не назовешь полноценным участием. Эта жизненно важная форма досуга сокращается, поскольку время подгребает под себя троица «труд — работа — игра». Подавляющему большинству не хватает «качественного» времени на то, чтобы разобраться в сложных, как им кажется, вопросах, к тому же нам постоянно твердят: «предоставьте это специалистам». Но эта попытка оправдания безучастности может далеко завести: что будет, если вместо знаний человек станет полагаться на эмоции и расхожие мнения? У прекариата остается все меньше времени на этот самый «человеческий» вид деятельности — политический досуг. Где стимулы, заставляющие его поступать иначе?

Еще один аспект нехватки времени — глубочайшее неравноправие в контроле над временем. Это один из аспектов неравенства в третичном рыночном обществе, отчасти потому, что время — это производственный ресурс. Прекариат должен посто-

янно быть в полном распоряжении потенциальных потребителей его труда. Может показаться, что те, кто сидят в интернет-кафе, в пивной или слоняются по дому или по улице, «хозяева своего времени». Однако зачастую они просто не могут придумать, как иначе распределить время. У них нет четкого плана, и в итоге нерабочее время тратится зря. Нерациональное использование времени является отражением гибкого рынка труда. Прекариат должен всегда быть в состоянии боевой готовности. От него не зависит структуирование времени.

Обесценивание досуга, особенно досуга рабочего класса, — одно из худших наследий лейборизма. С разрушением образования, воспроизводящего систему ценностей, молодежь отрывается от культуры и теряет историческую память. Понятие «общество, состоящее из групп» стало типичным описанием структуры городского населения. Бесцельное шатание превратилось в основную форму времяпровождения, а осмысленное заполнение времени — в своего рода вызов. Кое-кто называет этот феномен «оскудением досуга». Материальная нищета ограничивает входящую в прекариат молодежь: у нее нет ни денег, ни опоры в виде профессионального сообщества, ни ощущения стабильности для того, чтобы установить необходимый контроль над временем. Это питательная среда для атомизированного поведения, в том числе и в процессе работы и труда. Подвешенное состояние превращается в ловушку. Ради примитивного выживания необходимо общественное пространство, но даже оно постепенно сужается под воздействием строгих мер. В конце концов, с точки зрения неолиберального сознания это «непозволительная роскошь», поскольку непосредственно не способствует производительности или экономическому росту. Только если прекариат станет угрозой стабильности, данная арифметика подвергнется переоценке.

Чем больше будет сжиматься для прекариата качественное общественное пространство, тем агрессивнее будет его поведение. Глобализация и электронные технологии приводят к отходу от традиционных для данной местности видов социальной идентификации (Forrest, Kearns, 2001). Однако все равно остается потребность в физическом пространстве, где можно двигаться

и взаимодействовать. Всем людям свойственно почвенничество, оно заложено в наших генах. Поставьте ему заслон, лишите эволюционного смысла, и итог будет чудовищный.

Рабочий класс не способен сделать «карьеру в свободное время» (MacDonald, Shildrick, 2007) не только из-за отсутствия денег, но и из-за распада социальных институтов. В Великобритании в их число входят рабочие клубы и общественные места, павшие жертвой неолиберального радикализма Тэтчер. Во Франции исчезают бистро, которые Оноре де Бальзак называл «народным парламентом».

Низкий уровень образования рабочего класса и невозможность делать «карьеру на досуге» — питательная почва для преступности и наркомании: эта порочная среда позволяет как-то заполнить время и получить хоть какой-то статус. Кому-то может показаться, что совершить мелкое правонарушение куда увлекательнее, чем просто шататься без дела. Неолиберальная мантра, гласящая, что успех измеряется потреблением, приводит к мелкому воровству в магазинах — это воспринимается как крошечное достижение на фоне лишений или неудач. Перед нами одна из ловушек нестабильности для молодежи. Молодые мужчины, чувствуя себя неуверенно, таким образом могут на время завоевать своего рода «уважение» (Collison, 1996). Естественно, все это имеет и другие последствия.

Класс — это еще и «габитус», среда и образ жизни, определяющие, «что можно делать, а что — нельзя» (Bourdieu, 1990: 53), к чему надо стремиться, а к чему — нет. Стиль жизни прекариата — изменчивый и гибкий, скорее приспособленческий, чем целенаправленный, — соответствует стилю его работы. Нестабильность порождает страхи и тревоги, из-за этого люди замыкаются в себе или поддерживают отношения только с узким кругом лиц, однако эта замкнутость аномийная, социально дезориентированная. В обществе, основанном на гибкости и незащищенности, люди попусту расточают время и не пытаются выстроить такую модель поведения, которая бы способствовала их развитию.

В связи с этим следует вспомнить о размывании понятия рабочего места, что дополнительно осложнило жизнь прекариату.

Нормой для прекариата стала работа в любом месте, в любое время, практически без перерыва. Работа вне рабочего места не служит признаком независимости или самоконтроля. Статистика лжет. Время на работе — это не то же самое, что время за работой. Неверно было бы думать, что из-за расплывчатости понятий места и времени труд стал свободен. Точно так же как работодатели могут вынудить работников выполнять неоплачиваемую «работу ради работы», они могут загрузить дополнительной работой удаленных сотрудников.

Но остается зависимость. Труд свободен в том смысле, что он никак не оплачивается, и не свободен, поскольку не совершается независимо. Хардт и Негри в своем авторитетном аналитическом труде (Hardt, Negri, 2000) утверждают, что обслуживающий труд свободен, «невещественен» и «неизмерим». Но количество труда можно измерить, и граница измеренного труда зависит от способности тех, кто участвует в переговорах о трудовых отношениях, договариваться. В настоящее время прекариат очень слаб из-за нестабильности и подвижной культуры труда. Бóльшую часть выгод от работы ради работы получают те, кто нанимает работников. Мы ступили на неизведанную территорию. Но одно дело — заявлять, что работа по обслуживанию «неизмерима», и совсем другое — говорить, что «работу ради работы» трудно измерить.

Подытоживая сказанное

Из-за нехватки времени прекариат постоянно находится в состоянии стресса. Ему приходится все больше работать ради работы, прекрасно понимая, что это не даст ему ни финансовой стабильности, ни нормальной профессиональной карьеры. Интенсификация труда и растущий спрос на время грозят прекариату физическим и моральным истощением — как сказала одна женщина, «живешь как в тумане».

Третичный образ жизни подразумевает решение многих задач, при этом человек не контролирует свое время, у него нет ясного видения будущего и нет возможности опираться на прошлое.

Прекариатизация подразумевает стиль жизни, который всецело подчинен работе, причем ее выполнение не ведет к профессиональному развитию. Мы реагируем на внешние раздражители, которые отвлекают наше внимание то на одно, то на другое. Решение множества задач одновременно снижает эффективность каждого конкретного действия. Мы привыкаем мыслить фрагментарно. Из-за этого нам труднее делать что-то творческое или организовать досуг, требующий сосредоточенности, размышлений и длительных усилий. Досуг вытесняется на задний план, и люди находят отдохновение в игре, то есть в пассивных с точки зрения интеллекта занятиях. Безостановочная интерактивность — опиум для прекариата, так же как распитие пива или джина для первого поколения промышленного пролетариата.

Рабочее место прекариата — везде и всюду, оно расплывчато, непонятно, нестабильно. А профессиональные навыки, если они имелись, вскоре утрачиваются или же не обеспечивают прекариату стабильную достойную жизнь. Все это неизбежно порождает приспособленчество и цинизм. Создается общество лотерейного счастья, в котором у прекариата непропорционально большая доля риска.

При этом из-за нехватки времени досуг тоже в опасности — это приводит к «истончению демократии», люди все меньше участвуют в политической жизни, разве что на короткое время их увлечет новый харизматический лидер или поразит очередное громкое событие. Именно к этой теме мы сейчас и перейдем.

Неолиберальное государство, по сути, неодарвинистское, оно свято чтит конкуренцию и превыше всего ставит неограниченную индивидуальную ответственность — и питает отвращение к любому коллективному начинанию, которое может помешать рыночным силам. Роль государства видится прежде всего в том, чтобы устанавливать и укреплять законопорядок. Но законопорядок никогда не был минималистичным, как полагают некоторые неолибералы. Нормы права активны и имеют целью обуздывать неподчинение и коллективные действия. Это получило продолжение в явлении, которое Вакан (Wacquant, 2008: 14) назвал «общественной анафемизацией девиантных категорий», таких как «уличная шпана», «безработные», «паразиты», опустившиеся люди, неудачники с характерными недостатками и поведенческими отклонениями.

Рынок — это воплощение дарвинского «выживает наиболее приспособленный». Но он имеет тревожную тенденцию превращать борцов за выживание в неудачников и злодеев, которых следует наказать, изолировать или взять под надзор. Политика и институты власти нацелены на то, чтобы относиться к каждому как к потенциальному неудачнику и злодею. Например, бедняки должны доказать, что они не лентяи или что они регулярно водят своих детей в школу, — иначе им не дадут государственного пособия.

Прекариат балансирует на тонкой грани: при неудачном стечении обстоятельств эти люди могут превратятся из борцов за выживание в отступников, оголтелую толпу, жадно внимающую популистским политикам и демагогам. Об этом мы и поговорим в данной главе.

Общество-паноптикон

Жизнь прекариата не вписывается в схему «общественной фабрики», для ее описания больше подходит схема «общество-

паноптикон», где все социальные сферы представляют собой конструкцию, придуманную Иеремией Бентамом в 1787 году (Bentham, 1995). И это не дело рук правительства, а то, что создается с позволения правительства в обществе так называемого свободного рынка.

Давайте вспомним образ, созданный Бентамом. Он известен как основоположник утилитаризма — философского направления, согласно которому правительство должно печься о «величайшем счастье всех». Исходя из этого некоторые делают вывод, что меньшинство может и пострадать — ради счастья большинства. Бентам воплотил эту идею в проекте идеальной тюрьмы — жутковатый образ. Находящийся в центре цилиндрического строения стражник может наблюдать за всеми заключенными, находящимися в камерах вокруг него. Стражник их видит, но сам остается невидим для них. Узники не знают, в какой точно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля — из страха они стараются вести себя так, как если бы он их видел. Бентам называл это «архитектурой выбора», подразумевая, что власти могут заставить узников вести себя так, как нужно властям.

Главным для Бентама было то, что у заключенного создается иллюзия выбора. Но если он не сделает правильный выбор — не будет старательно работать, — его посадят «на хлеб и воду, и не будет ни одной живой души вокруг, с кем можно было бы поговорить». Все заключенные должны быть изолированы друг от друга «во избежание сговора». Бентам понимал, как и неолибералы, что коллективные действия представляют угрозу для проекта паноптикона.

Именно эту идею Мишель Фуко взял в 1970-е годы в качестве метафоры для своей теории «послушных тел». Бентам верил, что созданный им проект паноптикона можно использовать для постройки больниц, психиатрических лечебниц, школ, фабрик, исправительных домов и всех общественных учреждений. В двадцать первом веке его проект получил продолжение и развитие в рабочих поселках по всему миру. Самый ужасающий случай — Шэньчжэнь, где 6 миллионов рабочих находятся под прицелом

камер видеонаблюдения (CCTV): отслеживается каждый их шаг, а поведение оценивается с помощью базы данных по технологии, скопированной у американских военных. И как социологи используют понятия «фордизм» и «тойотизм», когда говорят о системах контроля за производством и служащими, так и здесь можно говорить о «шеньчжэньизме». «Шэньчжэньизм» объединяет визуальное наблюдение со сбором информации, а стимулы и санкции призваны отсеять неугодных, определить послушных и заставить работников мыслить и вести себя так, как это нужно руководству.

- Вторжение в личную сферу

Технология паноптикона развивается. Давайте для начала рассмотрим важнейший аспект жизни — личное, интимное пространство, место для проявления наших самых тайных и самых драгоценных чувств и эмоций. Оно находится под угрозой исчезновения.

Что считать частным, зависит от юридического толкования, а юридические решения имеют тенденцию сужать это понятие. Но курс на паноптикон четкий. CCTV — вездесущее око, его используют не только полицейские, но и частные охранные фирмы, организации и отдельные граждане. И съемка ведется не только для частного использования. Приведу один маленький пример. Житель одного густонаселенного района в Сан-Франциско, обеспокоенный проблемой безопасности дорожного движения, завел в Интернете сайт Adam's Block с открытым доступом, где транслировал видеозапись происходящего на ближайшем перекрестке. Этот сайт обязали закрыть: посыпались угрозы и жалобы на то, что владелец веб-камеры нарушает право людей на личную жизнь. Но другие жители района тайком установили свои камеры и продолжили трансляцию на другом сайте, под другим названием, заявляя, что делают это «ради борьбы с преступностью и спасения жизней». Говорят, в США подобных уличных камер множество.

Программа Google Street View, действующая с 2007 года, уже привлекала внимание службы охраны информации в Северной

Америке и Европе из-за неправомерного (по-видимому, непреднамеренно) сбора личной информации из незащищенных беспроводных сетей вдоль маршрутов, отслеженных камерами Google. Street View выставляет на обозрение всему миру дома, автомобили, ситуации, в которых людей зафиксировала камера, и сделать с этим ничего нельзя, разве что вежливо попросить, чтобы неугодное вам изображение затушевали. Но немногие знают, куда обратиться, притом что для начала нужно еще заметить, что запечатлела Google Street View.

Социальные сети, такие как Facebook, тоже сужают зону частной жизни: пользователи, преимущественно молодые люди, вольно или невольно делятся интимными подробностями с «друзьями» и остальными прочими. Местные сервисы пошли еще дальше, позволив пользователям предупреждать «друзей» о том, где они находятся (но к этой информации могут проявить нежелательный интерес и фирмы, и полиция, и преступники). Марк Цукерберг, основатель и глава компании Facebook, сказал предпринимателям из Кремниевой долины: «Нам теперь не только проще делиться друг с другом информацией и разными вещами — люди стали более открытыми, расширили круг общения… И это уже становится общественной нормой».

Слежка ассоциируется с образом «полицейского государства», и, конечно же, она начинается с полиции, с проведения резкой черты между надзирающим и тем, за кем наблюдают. Ответом становится контрнаблюдение — когда следят за наблюдающим. Во время демонстраций против встречи лидеров двадцатки в Лондоне в 2009 году любительское видео, сделанное с помощью мобильного телефона, зафиксировало, как полицейский избивает ни в чем не повинного мужчину, который просто шел по улице. Мужчина от побоев скончался. Это стало тревожным напоминанием, что стражи порядка не всегда защищают граждан. По мере того как наблюдение ширится, получает все большее распространение упреждающая полицейская слежка. Наблюдающих за полицией скоро отнесут к категории, с которой нужно разбираться, так как они представляют собой угрозу для полицейских.

Вторжение в область личной жизни и технологическая возможность глубже заглянуть в частный мир — основа для расширения паноптикона и его проникновения в каждый аспект жизни. Существует даже мониторинг внутри человеческого тела. Новые таблетки, которые производят американские фармацевтические компании, позволят врачам собирать данные об организме пациента. Некоторые считают это достижением, к тому же это дело свободного выбора. Но может возникнуть ситуация, когда, если мы не согласимся на внутренний мониторинг, счета, покрываемые медицинской (или другой) страховкой, возрастут или же нам будет вовсе отказано в страховом возмещении. Подобная технология может стать обязательной или же будет навязана страховыми фирмами.

В Интернете наблюдение — это бизнес. Информация о сетевом поиске, который мы проводим, страницы социальных сетей и прочая деятельность в Интернете, как правило, учитывается коммерческими компаниями. Мы заглядываем в социальные сети, надеясь на «приятное общение, сопровождаемое возможностью посмотреть друг на друга». И не думаем о том, что могут появиться и соучастники наблюдения, имеющие коммерческие или куда менее достойные цели. Формируется общество сетевого наблюдения.

Как отмечается в принятом в США Национальном плане развития широкополосной связи (Федеральное агентство по связи — Federal Communications Commission, 2010), сейчас одна отдельно взятая фирма может создать индивидуальные профили цифровой идентификации, «включая интернет-поиск, посещаемые сайты, связь по электронной почте с именами и темами, поиск по картам, географическое положение и перемещения, расписание встреч, телефонную книгу мобильных телефонов, данные о болезнях, образовании, потреблении электричества, фотографии и видео, социальные сети, места посещения, еду, чтение, любимые развлечения и список сделанных покупок». Большинство людей не знает, какую информацию о них собирают и кто имеет к ней доступ.

Когда в 2007 году Facebook запустил рекламную систему Facebook Beacon, автоматически разослав «друзьям» подробности

об онлайн-покупках членов сообщества, кампания, развернутая активистами-контрнаблюдателями с MoveOn.org, заставила перенести это приложение в категорию «с согласия пользователя». В 2008 году Beacon закрыли в результате коллективного иска о нарушении конфиденциальности. Но Facebook по-прежнему собирает информацию об участниках социальной сети из других источников, таких как газеты, службы передачи сообщений и блоги; заявленная цель — «больше полезной информации при более персонализированном подходе». Большинство пользователей Facebook'а, по инерции или по неведению, принимают по умолчанию настройки конфиденциальности, которые делают информацию доступной широкому кругу. Согласно одному опросу, проведенному в США, 45 процентов работодателей, прежде чем взять новых сотрудников на работу, просматривали их профили в социальных сетях. Пользователи-неамериканцы тоже соглашаются, сами того не сознавая, на передачу и обработку своих личных данных на территории США. Пользователей не уведомляют, когда и как эти данные используются.

Интернет-контроль конфиденциальности толком не налажен. Электронные системы разрушили частную жизнь и дали государству мощнейшие средства для создания системы паноптикона. Прекариат — самая уязвимая часть населения, поскольку эти люди вовлечены в деятельность, открытую для мониторинга и субъективных оценок, и менее других защищены от их последствий.

Несанкционированные прослушки тоже стали довольно распространенным явлением — прослушивают всех. Война с террором приближает нас к обществу-паноптикону. Агентство национальной безопасности США ввело цифровую идентификацию и технику мониторинга в качестве глобальной системы (Bamford, 2009). Теперь оно может получить нелегальный доступ ко всему, что мы делаем в Сети или о чем говорим по телефону. Промышленно-наблюдательный комплекс охватывает весь мир. Китайцы в этом плане не отстают от США. Когда в 2010 году в Пекине проходило Всекитайское собрание народных представителей, по всему городу дежурили 70 тысяч представителей

сил безопасности. А в самом Доме народных собраний, как говорят, делегаты среди всего прочего вносили требования взять все интернет-кафе под правительственный контроль и оборудовать все мобильные телефоны камерами наблюдения. Скоро невозможно будет говорить.

- Паноптикон-образование

Это началось давно. Школы и высшие учебные заведения используют электронные технологии, чтобы учить, следить, насаждать дисциплину и оценивать знания. Один шведский бизнесмен придумал автоматизированную модель образования, по которой учатся тысячи шведских детей, ее успешно применяют и в других странах. За детьми пристально наблюдают, но они видят своих учителей лишь по 15 минут в неделю. Бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр одобрил ее введение в лондонских спецшколах.

В США в некоторых учебных заведениях учащимся выдают ноутбуки с программным обеспечением системы безопасности, позволяющим удаленно использовать веб-камеры для наблюдения за учениками, когда те об этом даже не подозревают. В феврале 2010 года учащиеся подали коллективный иск против школы в пригороде Филадельфии, после того как руководство школы обвинило ученика в «неподобающем поведении дома». Это было явное нарушение его гражданских прав. Подобные технологии открывают широкие возможности не только для шантажа, но и для манипулирования людьми как в плане ментальном, так и в физическом. В одной средней школе в нью-йоркском Южном Бронксе на портативные компьютеры установили программное обеспечение, позволяющее учителям видеть, что отображается на экране. Заместитель директора школы каждый день проверяет, что делают ученики: обычно он наблюдает за ними с помощью Photo Booth, программы, использующей веб-камеру и превращающей экран компьютера в виртуальное зеркало. «Мне нравится подкалывать их и фотографировать», — поделился он в телевизионной передаче.

Большинство из нас не знают, наблюдают за нами таким вот образом или нет. Эти дети из Филадельфии явно ничего не подозревали. Но факт остается фактом: такая технология слежения за поведением существует, а полученные данные можно использовать и через годы, когда ученик — объект наблюдения — повзрослеет. Вот что на самом деле происходит.

- Наем, увольнение и рабочая дисциплина

О том, что компании и организации вводят систему панoптикона в практику найма, наведения дисциплины, продвижения по службе и увольнения, почти не говорится. Особую угрозу такая практика представляет для жизненных шансов прекариата, причем подрывает эти шансы весьма хитроумно и разнообразно.

Неолиберальное государство выступает за недискриминационную кадровую политику, разглагольствуя о равных возможностях как о сути «меритократии» — системы, при которой положение человека в обществе определяется его способностями. Но при этом оно часто отказывается замечать дискриминационные технологии и практики, основанные на электронном наблюдении, страховых рынках и дотированных исследованиях в области бихевиористской психологии. Возникающая в результате дискриминация более утонченная, но по сути ничем не отличается от грубых форм, при которых отбор производится по гендерному, расовому, возрастному или образовательному принципу. Новейшая уловка — генетические коды. Примечательно, что основные исследования в этой области проводились в авторитарном Сингапуре. Сингапурские ученые обнаружили, что люди с одной из версий гена HTR2A менее подвержены перепадам настроения и с большей вероятностью могут оказаться покладистыми работниками. Каков же смысл этого прорывного исследования? Дать временным рабочим некий вариант HTR2A или избавиться от тех, кто его не имеет?

Гормоны также играют здесь свою роль. Японские ученые выяснили, что люди с низким уровнем гормона стресса — кортизола — в сравнении с теми, у кого этот уровень высок, охотнее

смиряются с низким текущим доходом в надежде, что когда-нибудь потом смогут получать больше. Если вам нужно нанять кого-то на временную работу, кого вы предпочтете, зная гормональный уровень кандидатов? Есть еще тестостерон. Высокий уровень этого гормона отвечает за стремление доминировать и рисковать. Для большинства профессий, особенно нестабильных, работодателям не нужны работники, переживающие из-за низкого статуса и чрезмерного контроля за их деятельностью. Сингапурское исследование показало, что высокий уровень тестостерона уменьшает способность человека работать в команде. А уровень тестостерона определить нетрудно — достаточно анализа слюны. Или фирмы придумают какие-нибудь «тесты на профпригодность» для соискателей.

Прекариату следует быть настороже, поскольку образ жизни человека влияет на уровень тестостерона. Если у вас интересная, деятельная жизнь, он поднимается, если жизнь унылая и однообразная — падает. Возможность получить работу вполне может зависеть от сдерживания этого уровня! Кто-то скажет: не надо нас пугать. Но какова цель данного генетического исследования? Если не учитывать его практическое применение, такие исследования будут только набирать обороты. В журнале *The Economist* (2010c) с гордостью сообщалось, что это сделает «науку управления настоящей наукой». На самом деле как раз наоборот: скорее, это приближает нас к социальной инженерии.

Но помимо этих научных открытий есть практика: все больше американских фирм отсеивают кандидатов на должности с плохой кредитной историей, полагая, что из них получатся ненадежные работники. Таким образом, ваше внерабочее поведение в прошлом используется против вас. Компании делают это систематически, также наводя справки в социальных сетях, чтобы узнать об особенностях характера кандидата, а заодно и о возможных проступках, знакомствах и т.п. Но это несправедливо и означает дискриминацию. «Плохую историю» можно получить по множеству причин, в том числе из-за болезни или семейной трагедии. Тайный отбор с помощью такого грубого механизма никак нельзя назвать честным.

Мы упоминали ранее, что фирмы требуют от соискателей предъявления трудоемких анкет и что на какой-то стадии это встретит сопротивление. Будет ли это аномийный протест — молчаливый отказ подчиняться? Или примитивный бунт, когда агентства завалят фальшивыми анкетами? Или это выльется в политический протест — и возникнет организованное сопротивление, общественное движение за ограничение персональных проверок со стороны фирм, за нормирование того, что фирмы могут делать, а что нет? Последнее стало бы делом чести для всех, кто сочувствует положению прекариата: следует закрепить право на охрану сферы личной жизни, чтобы никому не повадно было ее нарушать.

Помимо найма паноптикон в каком-то виде присутствует в третичных рабочих местах. Национальный промышленный капитализм способствовал бурному росту рабочих городков (моногородов). В США их было более 2500 (Green, 2010). В видоизмененном виде этот патерналистский образец сохранился, воплотившись в обширные корпоративные творения. Так, у IBM и «Пепси» имеются огромные собственные городки в абсолютной глуши. Китайцы в Шэньчжэне пошли еще дальше, а мировой лидер здесь «Фоксконн». Но все это проявления паноптикона рыночного общества.

В начале 2010 года обнаружилось, что фирмы Уолл-стрит нанимали «подрабатывающих на стороне» агентов Центрального разведывательного управления (ЦРУ), чтобы те обучали менеджеров «технике оценки поведения». Так, искренность сотрудника можно проверить по вербальным и невербальным признакам, таким как суетливость или использование в речи дополнительных утверждений вроде слов «правда», «честно».

Личное исчезает из наемного труда. Большинство американских фирм требуют от нанимающихся сотрудников подписать правило использования электронных технологий, где говорится, что они не имеют права на личное использование или присвоение информации, содержащейся в компьютерах компании. Что бы ни занесли в компьютер — все принадлежит компании. Все заметки, фотографии и черновики отчуждаются. Более того, фирмы теперь

предпочитают увольнять сотрудника сразу, без «срока для уведомления», в течение которого он, проработав до ухода еще какое-то время, мог бы перекачать информацию, контакты и т.п.

Две трети американских работодателей с помощью электронных систем следят за использованием сотрудниками Интернета, как показал опрос Американской ассоциации по совершенствованию методов управления (American Management Association) и Института интернет-политики (ePolicy Institute). Это дистанционный контроль, поскольку сотрудники не знают, что за ними наблюдают. А следят за ними на предмет сексуальных домогательств или же вдруг кто-то начнет ругать начальство либо выдаст секреты фирмы и т.п.

Менеджмент может теперь видеть компьютерные экраны, фиксировать удары по клавиатуре, определять часто посещаемые веб-сайты и при помощи GPS-навигации в мобильных телефонах, веб-камер и миниатюрных видеокамер определять, где находится работник. Льюис Молтби, автор книги «Могут ли они это сделать?» (Lewis Maltby. *Can They Do That?*, 2009), объясняет распространение мониторинга финансовыми трудностями, из-за которых фирмы стремятся усилить контроль и снизить затраты, к тому же организовать слежку стало проще. Компании могут приобрести соответствующее программное обеспечение для мониторинга и камеры наблюдения в обычном магазине или через Интернет. Ничего сложного.

Smarsh, одна из множества фирм, поставляющих системы мониторинга, обслуживает более 19 тысяч американских компаний. Глава фирмы похвалялся: «Работникам пора бы уже привыкнуть к тому, что за ними приглядывают». Опрос в масштабах страны показал, что каждый второй сотрудник знает случаи, когда человека увольняли из-за электронной переписки или ненадлежащего использования Интернета, многие из опрошенных сказали, что знают случаи, когда человека уволили за неподобающее использование мобильного телефона, мгновенных сообщений или из-за «неправильных» текстовых сообщений. Наблюдение за сотрудниками на предмет увольнения стало не менее распространенным, чем проверка при найме и в целях рабочей дисциплины.

Наблюдение непосредственное, персональное, навязчивое. И чем дальше, тем больше.

Одним из видов контроля рабочей силы, к которому охотно прибегало британское лейбористское правительство, была онлайн-оценка обслуживающих организаций по «клиентам». Но это напоминает старый принцип кнута и пряника — попытку контроля путем навешивания ярлыков. Министр здравоохранения предложил план, согласно которому пациенты могут оценивать врачей. Общество, требующее постоянной ответной реакции, не доверяет своим профессионалам. Следом за веб-сайтами с рейтингами врачей появились аналогичные системы мониторинга учителей. Не приведет ли это к безответственной травле преподавателей со стороны учеников, которым, разумеется, приятно втайне «подколоть» старших? Не исключено, что профессионалы вскоре превратятся в ходячие мишени: их позиция становится все более уязвимой и ненадежной, как у прекариата. И стоит ли проявлять требовательность, если за это тебя высмеют в Сети? Дай им то, чего они хотят! Такая иллюзия расширения прав ведет к безответственности и непрофессионализму. Скоро можно будет оценивать в «рейтингах» всех и каждого.

- Государство либерального патернализма

Новая перспектива в социальной и экономической политике — бихевиористская экономика, породившая «либеральный патернализм». Чикагские консультанты и друзья Барака Обамы Касс Санстейн и Ричард Талер в своей книге «Подталкивание» (Cass Sunstein, Richard Thaler. *Nudge,* 2008), имевшей влияние на общественное мнение, исходят из того, что из-за чрезмерного количества информации люди не в состоянии сделать правильный выбор. Поэтому их нужно подвести, «подтолкнуть» к правильному выбору. Авторы считают, что государство должно создать «архитектуру выбора», правда, они не связывают эту идею с паноптиконом Бентама.

Став президентом, Обама назначил Санстейна администратором отдела информации и нормативно-правового регулирования

в Белом доме. Тем временем в Великобритании лидер консерваторов Дэвид Кэмерон настоятельно советовал парламентариям прочесть эту книгу, а став премьер-министром в 2010 году, создал группу изучения бихевиоризма (Behavioural Insight Team), вскоре получившую название «команда подталкивания», консультантом которой стал Талер. Ее задачей было подвести людей к принятию «более правильных» решений в интересах «общества».

Управление людьми — дело спорное. Действительно ли «подталкивающие» знают, что лучше для каждого конкретного человека? Сегодняшнее общепринятое мнение еще недавно считалось заблуждением. Сплошь и рядом политическая теория и практика, кажущаяся сегодня неразумной, через некоторое время становится нормой, и наоборот. Кто будет отвечать за решение, к которому нас подвели, если оно окажется неверным или закончится неудачей?

Вот пример того, как происходит «подталкивание»: в 2010 году Государственная служба здравоохранения Великобритании направила жителям письмо, предлагая завести электронную медицинскую карту с историей болезней, которая была бы доступна любому медработнику. Получатели этого письма оказались в ситуации «выбора»: либо они отказывались от предложения, либо автоматически включались в программу электронных медкарт. Но к письму не прилагалось бланка, чтобы оформить отказ, и тем, кто хотел это сделать, нужно было зайти на веб-сайт, отыскать там нужный бланк, скачать его, распечатать, подписать, отправить по почте своему участковому терапевту — и надеяться, что это сработает. Все эти бюрократические препоны создавались намеренно, чтобы отказаться было труднее, чем согласиться, — людей подталкивали к более простому решению.

Естественно, меньше отказов ожидалось от людей необразованных, бедных, «компьютерно безграмотных» — преимущественно пожилых, не имеющих доступа в Интернет. В 2010 году 63 процента всех жителей Великобритании старше 65 лет проживали в домохозяйствах, не оснащенных каналами интернет-связи. Правительство вместе с «ответственными за доступность цифровых технологий» стремится к тому, чтобы

как можно больше людей получили такой доступ. И не иметь его становится себе дороже: в итоге людей фактически наказывают за «безынтернетность».

Старомодный государственный патернализм популярен у правительств. Он может привести к социальному инфантилизму граждан и демонизации части прекариата. В 2009 году Министерство по делам бизнеса, инноваций и подготовки кадров выпустило руководство под названием *Parent Motivators* («Мотиваторы для родителей») — для родителей, на иждивении которых находятся безработные выпускники учебных заведений. При этом принимается как данность, что выпускники не могут самостоятельно выработать рабочую мотивацию. Один обозреватель заметил, что впервые образованные 20-летние люди «официально приравниваются к несамостоятельным детям — такое решение вряд ли развеет растущие подозрения насчет ценности многих современных дипломов» (Bennett, 2010). Среди руководств аналогичного жанра *Preparing for Emergencies* («Готовность к опасностям»), *Break Out («Решительное нет»)* — о том, как не попасться на удочку к педофилам, *Heat Wave* («Тепловая волна»), *Dad Card* («Отцовская карточка») — о том, как стать хорошим отцом, и набор программ *Breakfast4Life* («Завтрак для жизни»).

«Мотиватор для родителей», написанный психологами-консультантами и оплаченный за государственный счет, предполагает, что родители отчасти виновны в том, что их потомство не может найти работу, и призывает их быть построже ради блага детей. Один из его авторов сказал: «Если вы делаете домашнюю жизнь чересчур комфортной, зачем им работать?» По крайней мере, это звучит как признание, что работы уже не такие привлекательные, как раньше. Но государство допускает патерналистское вмешательство, усиливая демонизацию части прекариата. А то люди не поймут, как себя вести!

Можно привести множество примеров использования бихевиористской экономики и либерального патернализма применительно к прекариату, особенно посредством хитроумных правил выбора «против», затрудняющих этот самый выбор и почти навязывающих выбор «за». Есть такое модное понятие: «обуслов-

ленность». Появилось очень много программ обусловленных денежных переводов (conditional cash transfer, сокращенно CCT). Наглядный пример — Латинская Америка: в Мексике это *Progresa* (сейчас она называется *Oportunidades*), а в Бразилии — *Bolsa Familia*, охватывавшая в 2010 году более 50 миллионов человек. В 17 странах Латинской Америки есть планы обусловленных денежных переводов. Их суть в том, что людям выдаются небольшие государственные пособия наличными деньгами, но только если они ведут себя определенным образом.

Этот опыт подхватили и промышленно развитые страны, в том числе Соединенные Штаты. CCT широко применяются в Центральной и Восточной Европе. Одна из наиболее подробно прописанных схем — это *Opportunity New York — Family Rewards*, экспериментальная программа с очень сложной системой поощрительных доплат или вычетов, напрямую связанных с выполнением или невыполнением получателем определенных требований. Исходная предпосылка для введения всех CCT — что людей нужно заставлять вести себя так, как лучше для них самих и для «общества». Всемирный банк (Fiszbein and Schady, 2009) уверен, что такие программы помогут преодолеть «стойкие неправильные установки»: он объясняет бедность межпоколенческим воспроизведением обездоленности, а CCT разрывает этот прочный круг, заставляя людей вести себя более ответственно.

Моральная правомерность такого подхода сомнительна. Он воплощает в себе бентамовский план «архитектуры выбора», постепенно ограничивая не просто свободу, но также и личную ответственность. Это касается и прекариата, поскольку поговаривают о «CCT второго поколения» — для молодого взрослого населения. Обусловленность уже предусмотрена для целого ряда пособий, и требования будут еще больше ужесточаться. Так, в Великобритании врачей обязали докладывать о трудоспособности пациентов, если те получают пособия по нетрудоспособности: таким образом конфиденциальные отношения между врачом и пациентом превращаются в социальный контроль.

Остается с тревогой гадать, куда может завести такой тренд. В Индии по совету либеральных патерналистов, схема денежных

переводов, рассчитанная на экономически незащищенных женщин, обещает выплаты наличными, когда их первенец достигнет совершеннолетия, при условии что они подвергнутся стерилизации после рождения второго. И это тоже «архитектура выбора».

Попытки «осчастливить» прекариат

Тем временем патерналисты, доминировавшие в социальной политике с 1990-х годов, так долго и упорно думали и говорили о том, как сделать людей счастливыми, что для утилитарного сознания это стало чем-то вроде религии, а для пущей важности это стали называть «наукой о счастье». В некоторых странах, в том числе во Франции и в Великобритании, собрана официальная статистика, показывающая уровень счастья народа.

Положим, у нас есть общество, где политики и их советчики желают сделать людей счастливыми. Утилитаристское обоснование для побуждения людей к труду стало еще более изощренным. Кальвин «освятил» капитализм, сказав, что спасение дается тем, кто хорошо трудится. А в нашем обществе — и это беспрецедентно! — политики и комментаторы пытаются уверить нас, будто наличие рабочих мест сделает нас счастливыми.

Говоря, что рабочие места должны сделать нас счастливыми и что труд определяет человека и приносит ему удовлетворение, мы создаем источник напряженности, потому что работа, которую большинству из нас приходится выполнять, не соответствует этим ожиданиям. Прекариат страдает от стресса. Мы должны быть счастливы, так почему же мы несчастны? По здравом размышлении ответ таков: рабочие места нужны не для того, чтобы сделать нас счастливыми, следовательно, мы должны рассматривать их как средство для получения дохода. А счастье главным образом приносит нам работа, досуг и игра, которыми мы заняты до и после подневольного труда, а также гарантия заработка, которую дает нам трудовая занятость, — оно, счастье, не зависит от занятости как таковой.

Если сделать это исходным условием для социальной политики, мы сможем добиться баланса в использовании своего вре-

мени. Интуитивно многие в прекариате это понимают. Они не могут перейти к стабильному образу жизни, которым были бы довольны, потому что социальная и экономическая политика не дают основных гарантий и ощущения контроля над временем, а ведь все это имеет большое значение.

Гедонистское счастье, основанное на трудовой занятости и игре, опасно. Бесконечная игра может надоесть. Удовольствие преходяще и имеет предел. Оно кончается, когда мы понимаем, что нам достаточно. Поскольку удовольствие от игры эфемерно, люди, зависящие от него, терпят поражение. Гедонизм обречен на провал — это бег по замкнутому кругу. Гедонисты боятся скуки. Великий философ Бертран Расселл понимал необходимость скуки и лучше всех сказал о ней в своем замечательном эссе *In Praise of Idleness* («В защиту праздности»). Гедонистическое счастье в игре и «удовольствии» в конце концов вызывает привыкание, человек уже не признает ничего, кроме удовольствия, на что указывал биолог-бихевиорист Пол Мартин в своей книге «Секс, наркотики и шоколад. Наука об удовольствии» (Paul Martin. *Sex, Drugs and Chocolate: The Science of Pleasure,* 2009).

Удовлетворение наступает тогда, когда человек доволен жизнью в целом, а также взаимоотношениями с другими людьми. Однако делать из счастья кумир — не лучший рецепт для цивилизованного общества. Прекариату следует остерегаться современного эквивалента существования по принципу «хлеба и зрелищ», которое государство навязывает ему посредством псевдонауки и «подталкивания».

Государство терапии

Думая о том, как сделать людей счастливыми, либеральный патернализм и лежащий в его основе утилитаризм провозгласили культ терапии, отражающий то, что происходило в период бурного роста незащищенности масс в конце девятнадцатого века (Standing, 2009: 235–238). Главным инструментом в сегодняшнем эквиваленте этого культа стала когнитивно-поведенческая психотерапия (cognitive behavioural therapy, сокращенно CBT), которая

впервые начала применяться в США и вскоре получила всемирное распространение с неприличной коммерческой скоростью.

В Великобритании после кризиса 2008 года, вместо того чтобы разбираться со структурными причинами стресса и депрессии, правительство мобилизовало CBT для лечения последствий. Оно уверяло, что миллионы людей страдают от повышенной тревожности или депрессии, как будто это одно и то же. Ожидалось, что специалисты по когнитивно-поведенческой терапии научат людей, как жить, как реагировать на те или иные события и как изменить свое поведение. Правительство приняло программу улучшения доступа к психологической терапии (Improving Access to Psychological Therapies), чтобы каждый мог получить у врача направление в Государственную службу здравоохранения на курс CBT. В дополнение к этому запущена программа «разговорной терапии»: в центрах занятости появились координаторы, определяющие психическое здоровье людей. Считается, что CBT будет способствовать занятости, поскольку центры занятости направляют безработных в лечебные учреждения, которые есть по всей стране. А о том, что нужно прежде посоветоваться с врачом, как-то «забыли». Стоит ли думать о диагнозе, когда лекарство найдено?

Правительство выделяет определенную сумму на финансирование первичного лечения из восьми сеансов, планируя, что за пять лет каждый сможет получить такую психологическую помощь. Как восемь сеансов CBT «заставят Британию работать», неясно. Вместо того чтобы искать причину психологических проблем, пытаются убедить жертв экономического регулирования, что им нужно лечиться.

Для прекариата, образ жизни которого отличается нестабильностью, работа у которого то есть, то нет, совершенно естественно беспокоиться о хлебе насущном, о крыше над головой в ближайшие месяцы. И неужели из-за этого вполне обоснованного беспокойства нужно посылать людей на дорогостоящую психотерапию? От этого беспокойство может перерасти в депрессию, что гораздо хуже. Но можно легко проверить, правильный ли выбор сделали либеральные патерналисты. Дайте безработным

возможность выбирать: восемь сеансов CBT или их денежный эквивалент? У кого-то есть сомнения, что они предпочтут? Но проблема в том, что «архитектура выбора» задумана не для того.

Лейбористское правительство рассматривает вопрос о том, не нужно ли некоторых нетрудоспособных людей, претендующих на «пособие для поддержки занятости», сначала направлять на CBT. Как выразился один чиновник, эти «два месяца уберегут человека от длительной нетрудоспособности». Но кто будет определять нуждающихся в CBT? Скорее всего, власти, которые могут поставить условие: если человек не прошел курс CBT, он теряет право на пособие. И будет ли предметом врачебной тайны такое принудительное лечение? Или же о том, что они из-за «нездоровья» посещали такие сеансы, будут сообщать потенциальным работодателям?

Нет ничего плохого в терапии как таковой. Настораживает то, что для государства она становится неотъемлемой частью социальной политики. Такова особенность государства-паноптикона, которому нужны «послушные мозги», без инакомыслия, заключающегося в том, что от неквалифицированной, низкостатусной, нестабильной работы, все чаще предлагаемой прекариату, *нужно и должно* отказываться. И только если людям позволено будет отказываться, создателям таких рабочих мест придется усовершенствовать их или вовсе без них обойтись, потому что они недостойны настоящего человека.

Рабочее пособие и обусловленность

В повестке дня либерального патернализма — сделать социальную политику более «обусловленной», предоставляя людям государственные пособия, только если они ведут себя так, как это предписывает государство, предположительно ради их же блага. В частности, это программы, выдвигающие перед претендентами на пособие следующие условия: некоторое время человек получает пособие, а потом должен согласиться на предложенную работу или обучение, иначе он утратит право на пособие, а в его досье где-то в онлайн-базе данных навсегда останется черное пятно.

Прекариату предлагается несколько вариантов трудового пособия, неправильно названного «рабочим пособием» (ранее об этом см.: Standing, 1990). Одна из разновидностей — когда пособия делаются настолько непривлекательными, что люди не хотят их получать и вместо этого соглашаются чуть ли не на любую работу. Это точка зрения Лоуренса Мида, американского либерала, к которому британское правительство обратилось за советом в 2010 году, сразу после выборов. Он считает, что «правительство должно заставить их *винить себя*» (Mead, 1986: 10, курсив автора). Аналогичная идея: что каждому безработному или не работающему несколько месяцев следует предложить работу, на которую он должен согласиться, иначе ему не будут выплачивать пособие. Эти идеи не новы: вспоминается система Спинхамленда[12], Законы о бедных[13] и работные дома.

И то, как описывают эти пособия, только усугубляет ассоциации. Британское коалиционное правительство заявляло, что планы рабочего пособия помогут «порвать с привычкой к безработице». Но никто еще не доказал, что безработные или другие нуждающиеся имеют такую «привычку». Более того, есть множество свидетельств, что причины, по которым многие становятся безработными или находятся на обочине рынка труда, не имеют ничего общего с такого рода привычкой. Многие из них загружены сверх меры «работой», которую лейбористы таковой не считают, например заботятся о немощных родственниках или детях. У других бывают периоды нетрудоспособности.

Чтобы заставить порвать с так называемой привычкой, было объявлено, что соискатели будут обязаны в течение месяца где-

12 В 1795 году в городе Спинхамленде была установлена минимальная заработная плата: «каждому бедному и трудолюбивому» человеку полагалось иметь три шиллинга на содержание себя и один шиллинг и шесть пенсов на каждого члена семьи. Если человек не зарабатывал таких денег, то он получал вспомоществования из средств, собранных в виде налога в пользу бедных.

13 Английские Законы о бедных — система помощи бедным людям, которая существовала вплоть до появления современного «государства всеобщего благоденствия» после Второй мировой войны.

нибудь работать по 30 часов в неделю — этакая трудовая повинность. Если же они откажутся или не справятся, то на три месяца лишатся пособия. Все идет к тому, чтобы сделать безработицу договорным заданием — работать ради пособия по контракту с государством. Каков был подспудный мотив, стало ясно, когда обнародовали список работ, выполнения которых ждут от соискателей: уборка туалетов и стирание граффити со стен.

В Белой книге[14] по пособиям от ноября 2010 года отмечалось, что назрел «общенародный кризис» зависимости от пособий, якобы на основании того факта, что 4,5 миллиона людей получают «нерабочие» пособия. Иэн Дункан Смит (Iain Duncan Smith), министр труда и пенсий, заявил, что в последнее десятилетие почти 3 миллиона рабочих мест достались иммигрантам, отчасти потому, что многие британцы «пристрастились» к социальным пособиям. Здесь из двух утверждений делается один вывод. Мигранты могли занять эти рабочие места потому, что обладают конкретными навыками или просто готовы работать за меньшую зарплату, или потому, что в открытом гибком рынке труда они оказались в нужное время в нужном месте. Некоторые, возможно, получили такую работу именно потому, что они не полноправные граждане и их легко уволить, можно безнаказанно эксплуатировать: они стерпят даже самое плохое обращение. Некоторые — потому, что молодые британские рабочие не имели возможности ее получить из-за своего юного возраста. Некоторые могли занять место пожилых сотрудников, труд которых работодатели сочли не столь производительным. Все эти варианты возможны. Но непосредственно связывать существование социальных пособий с тем, что мигранты «отнимают у британцев работу», не стоит, это расхожее предубеждение.

Еще одно заявление — что миллионы британцев «подсели» на государственные пособия — тоже предубеждение. Миллионы получают пособия из-за высокого уровня безработицы, низкого уровня заработной платы на временных должностях

14 Официальный правительственный документ; представляется палате общин британского парламента.

и при частичной занятости (все это область прекариата) или из-за потери трудоспособности, болезни, немощности и т.п. Правительству следовало бы обратить внимание на нищету, безработицу и ловушки нестабильности, с которыми многие сталкиваются, причем происходит это вовсе не по вине тех, кто якобы пристрастился к пособиям.

Хорошо всем известная ловушка бедности будет существовать до тех пор, пока останутся проверки на нуждаемость, даже если связь потери пособий с доходом станет менее резкой. Ловушка безработицы также никуда не денется. Чем ниже заработки в нижнем сегменте рынка труда, тем выше будет коэффициент замещения утраченного дохода, если пособия по безработице останутся адекватны прожиточному минимуму. Тем временем ловушка нестабильности становится все страшнее. Если работы сосредоточены в одном месте, а безработные живут в другом, где рабочих мест нет, и если эти работы низкооплачиваемые, временные или с неполной нагрузкой, получатели пособий сильно рискуют, если устроятся на эти должности. Им придется переезжать, что затратно и представляет угрозу семейному, дружескому кругу, местам, которые придают жизни смысл и способствуют самоидентификации. При этом, вероятно, им придется отказаться от пособий, которых они добивались месяцами на прежнем месте жительства. Но от них ждут таких жертв, притом что новая работа может продолжаться всего несколько недель.

Ловушка нестабильности еще и в том, что, если человека вынудили взяться за какую-то неприятную работу, это может отвратить его от работы вообще. Представители среднего класса заблуждаются, полагая, что должности, предлагаемые безработным, помогают выработать привычку трудиться и прививают любовь к труду.

Рабочее пособие в Великобритании лишь увеличивает численность прекариата. Эта система направляет сотни тысяч людей на временные рабочие места, намеренно непривлекательные, чтобы никому не захотелось цепляться за них. Но если бы людям предлагали вместо этого настоящую работу, получаемое ими небольшое пособие помешало бы другим, выполняющим

аналогичную работу, бороться за приличную зарплату. Но как и со всеми схемами рабочих пособий, никто даже не делает вид, что эти назначения — настоящая работа. Только неясно, как четырехнедельный вынужденный труд поможет преодолеть привычку к безработице. Наоборот, он может вызвать только разочарование и озлобленность. А навязанная работа на полный день не даст людям возможности искать другую, настоящую.

Системы рабочих пособий не помогают государству урезать расходы. Эти дорогостоящие проекты подразумевают большие административные затраты и малопроизводительный труд. Их главная цель — немного сбить уровень безработицы, но не создавая рабочие места, а лишая безработных права на пособия. Проведенные в США исследования показали, что после внедрения подобных схем в 1990-е годы число получающих пособия уменьшилось в основном из-за того, что люди выбывали из трудовых ресурсов, не имея работы. Такая политика ведет к обнищанию.

Сторонники рабочих пособий не считаются с основными законами экономики. Рыночной экономике необходимо некоторое количество безработных — для повышения эффективности и уменьшения инфляции. Не только сами безработные в процессе поиска умеряют свои ожидания, остальные тоже приноравливаются к существованию безработных, составляющих им конкуренцию или пытающихся как-то улучшить свое положение.

Пока социал-демократы и лейбористы придумывали основания для рабочих пособий, они нашли такой вариант, который, если воспринимать его буквально, приведет к катастрофе. Они заявляют, что всем безработным следует «гарантировать» работу и что это разом поможет осуществить «право на труд». На самом деле они хотят максимально увеличить количество наемного труда и рабочих мест, считая, что это нужно для соблюдения прав и для того, чтобы люди были счастливы и социально адаптированы. Такая интерпретация противоречит очевидному: массы людей получают мало удовольствия от своей работы. Люди вынуждены делать монотонную, бессмысленную, грязную и тяжелую работу по одной простой причине: заработать хоть немного денег на жизнь и поддержать тех, кто находится на их попечении.

В ответ на предложенные британским правительством трудовые пособия Дуглас Александер (Douglas Alexander), «теневой» секретарь лейбористской партии по труду и пенсиям, выступил в защиту строгих проверок на пособие по нетрудоспособности и датской модели гарантированных рабочих мест, при которой люди должны либо занять их, либо потерять пособие. «Это один из видов обусловленного пособия, — сказал он. — Реальные гарантии работы, но и реальные санкции, если предложение не будет принято». Александер заявил, что различие между этой позицией и правительственной в том, что правительство приняло американскую модель урезания пособий, не гарантируя, что рабочие места будут доступны. Правда, его высказывания раскритиковал бывший генеральный секретарь лейбористской партии: получается, что партия — на стороне «нерадивых бедняков» против «работающей в поте лица середины, которой и без того тяжело». Но нужно быть куда более принципиальным политиком, чтобы увидеть за этими политическими рассуждениями, что это означает для прекариата.

Сторонники рабочих пособий ставят труд выше работы. Если заставить всех ходить на работу, мы попадем в советскую ловушку: в конце концов безработных станут называть паразитами, а ленивые работники будут трудиться спустя рукава, как в старом анекдоте: «Они делают вид, что платят — мы делаем вид, что работаем». А ведь еще задолго до этого, в 1835 году, Алексис де Токвиль кратко изложил суть вопроса, когда сказал, что гарантия работы для каждого приведет либо к правительственному контролю над всей экономикой, либо к насилию. Он предвидел, к чему все идет.

Прекариат демонизируют

С начала Великой рецессии правительства стали еще больше демонизировать жертв глобальной рыночной экономики. Для этого были выбраны четыре группы: «мигранты», «претендующие на пособия», «криминальные элементы» и «нетрудоспособные».

Во всем мире наблюдается тенденция демонизировать мигрантов, словно они какие-то инопланетяне. Худшим сценарием были бы массовые депортации, а популистские политиканы раздували бы страхи местного прекариата. Остается надеяться, что благоразумия хватит, чтобы предотвратить что-нибудь подобное. По счастью, ревностных сторонников «изгнания» останавливает то, что за это придется расплачиваться. По результатам одного исследования (Hinojosa-Ojeda, 2010), массовая депортация нелегальных мигрантов из США обойдется казне дороже, чем Иракская и Афганская войны вместе взятые. Но страх депортации заставляет незарегистрированных мигрантов соглашаться на более низкую зарплату и худшие условия работы.

В Великобритании, как и во многих других странах, общенациональные газеты подпитывают антимигрантские настроения. Поскольку тираж у них больше, чем у местных изданий, люди читают о проблемах мигрантов, даже если в их области нет ни одного. И хотя иммигранты составляют лишь 10 процентов жителей Соединенного Королевства, среднестатистический британец уверен, что истинная цифра — 27 процентов. Общенациональные средства массовой информации заостряют внимание на исключительном. То же самое можно сказать о «паразитирующих на пособии». Выбирается один-единственный случай, и все в стране читают об этом и думают: а ведь такое могло произойти по соседству. Если читать только *местные* газеты, большинство людей даже не услышат об этом случае и не сделают никаких обобщений. Глобализация и коммерциализация средств массовой коммуникации дает власть тем, кто хочет демонизировать. Таким образом, правительству достаточно процитировать два примера в доказательство того, что большинство безработных страдают от «привычки к безделью», и читатели будут думать, что эти два недостойных человека представляют миллионы.

Еще одна демонизируемая группа — «криминальные элементы». Мы рассматривали ранее, как государство криминализирует все больше и больше народа. Многие из них — это люди, которые не смогли вписаться в рыночное общество. Другие попадают в эту категорию случайно. Органы службы занятости

стали проводниками конформизма и общественной дисциплины, что может отвратить некоторых безработных настолько, что они нарушат правила. Врачей превращают в надсмотрщиков, требуя от них отчета о том, работают ли их пациенты и в состоянии ли работать. Это может привести к «осуждению» — за безделье или обман. Прекариату достается неприятная, с нестабильным заработком работа, и будет совершенно естественно, если он захочет от нее уклониться или устроит бунт. Пенитенциарная система сдерживает эту тенденцию, так что бунтовать выйдет себе дороже. Когда система слежки становится все более изощренной, больше неординарных поступков можно заметить и навесить на них социальный ярлык.

В некоторых странах заключенным не разрешается принимать участие в голосовании на выборах. В Великобритании лейбористское правительство неоднократно откладывало снятие такого запрета, нарушающего законодательство Евросоюза, но, когда новое коалиционное правительство предложило это сделать, на свободном парламентском голосовании ему дали дружный отпор. Еще в нескольких странах узники также лишены права голоса, а во многих штатах США этого права лишены еще и бывшие узники — своего рода пожизненный приговор, усиливающий гражданское размежевание.

В целом демонизировать какие-то группы проще в обществах, для которых характерна системная экономическая незащищенность и беспокойство. Незащищенность позволяет легко играть на страхах, боязни «незнакомых чужаков», а сознанием людей легко манипулируют с помощью специально для этого созданных визуальных и словесных образов. И все это ведет к самому жуткому запугиванию.

Истончение демократии и неофашизм

Проблема, которая должна волновать всех, кто верит в демократические ценности и свободу, — то, что в связи с коммерциализацией политики демократия «истончается»: все меньше людей состоят в политических партиях мейнстрима, и явка на выборах

в большинстве случаев низкая. Это негативно сказывается на прогрессивных политических партиях.

В Великобритании проверка участия населения в политической деятельности показала, что в начале 2010 года только один из десяти потенциальных избирателей был «политически ангажирован», при этом каждый десятый предпочитал держаться «в стороне от политики или испытывал к ней неприязнь» (Hansard Society, 2010). Самая многочисленная группа — каждый четвертый — это «разочаровавшиеся». И лишь 13 процентов смогли вспомнить имена своих членов парламента. Разочаровавшиеся в основном молодые люди (младше 35 лет) и представители рабочего класса — прекариата. В этом же докладе отмечалось, что группу держащихся в стороне от политики или испытывающих неприязнь «крайне трудно заинтересовать, и не стоит надеяться, что они станут когда-нибудь голосовать». Группу разочарованных и незаинтересованных также нелегко уговорить отдать свои голоса. Большая часть этих граждан раньше были склонны голосовать за лейбористов, а не за консерваторов, но реальные предложения отбили у них охоту.

Убывающая, «истончающаяся» демократия, спорадическое голосование молодежи и откат вправо — все это сливается воедино. Во время выборов в Евросоюзе в 2009 году средняя явка избирателей составила 43 процента, это был самый низкий показатель после 1979 года. Левоцентристские партии понесли урон почти всюду. Лейбористы получили 16 процентов голосов в Великобритании. А правые партии всюду набирают вес. В Венгрии социалисты потерпели поражение, а крайне правая партия «За лучшую Венгрию» (Йоббик) получила столько же мест в парламенте. В Польше победила правящая партия — правоцентристская Гражданская платформа. В Италии левоцентристы получили 26 процентов голосов, на 7 процентов меньше, чем на выборах 2008 года, до кризиса, а партия Берлускони «Народ свободы» — 35 процентов. В Германии на выборах 2009 года была зафиксирована рекордно низкая явка — 71 процент, и для правых все окончилось весьма удачно. Социал-демократы повсеместно сдают позиции.

Проблема в том, что политики сейчас продаются как бренды, а классовая политика теряет опору, отчасти из-за того, что социал-демократический проект не выдерживает испытания глобализацией. Результат — политика заявлений и имиджей, основанная на взаимном признании неолиберальной экономической модели. И это рано или поздно лишит социал-демократию поддержки.

Но, кажется, было одно исключение в США в 2008 году: Барак Обама сумел мобилизовать молодых американцев,возлагающих надежды на прогрессивную программу. К сожалению, он был «упакован и перепродан». Его советник по социальным сетям пришел из Facebook'а, другой советник с помощью хитроумных маркетинговых инструментов создал «бренд Обамы» с логотипом (лучи восходящего солнца над звездами и полосами), вирусным маркетингом (позывные Обамы), продакт-плейсментом (реклама Обамы на спортивных видеоиграх), 30-минутным рекламно-информационным роликом и выбором стратегических союзников бренда (Обама за максимальную досягаемость, семейство Кеннеди за авторитет, звезды хип-хопа за «уличный рейтинг»). После этого Общество рекламодателей удостоило Обаму звания «Маркетолог года». Компании вторили ему в своих рекламных роликах: «Пепси» — "Choose Change" («Выбирай перемены»), ИКЕА — "Embrace Change" («Навстречу переменам») и т.п.

Это коммерциализованная политика, когда продаются и покупаются новые образы и модные фразы, когда символы превалируют над сутью. В этом и заключается глубочайшее отчуждение — дорогостоящий пиар и реклама продают абстрактную компанию, где имеется персона как бренд, в окружении образов свободы и изменений, пустых по сути.

Обама получил преимущество перед слабой республиканской оппозицией в разгар изнуряющей войны и экономики на грани краха. Нападать на неолиберальный проект для него было бы рискованно. Вместо этого он поддержал Международный валютный фонд, закосневший в своей гордыне, выручил банки и назначил своим главным советником по экономическим вопросам Ларри Саммерса (Larry Summers) — человека, который придумал политику, ответственную за ипотечный кризис. Обама

никогда не пытался обращаться к прекариату, хотя в прекариате многие надеялись, что он это сделает. Дитя социал-демократии не смог посочувствовать реальным трудностям.

В США и в других странах зреет недовольство некоторыми порочными аспектами эпохи глобализации. Вспомним хотя бы систематическое использование субсидий. Наоми Кляйн (Naomi Klein) среди прочих назвала эпоху глобализации «клановым капитализмом», который проявляется не как огромный свободный рынок, но как система, в которой политики раздают общественное богатство частным игрокам в обмен на политическую поддержку. По грустной иронии, крайне правые группы уловили антикорпоративистскую ответную реакцию. Если государство потворствует кумовству, почему кто-то должен поддерживать «сильное государство»? Старорежимные социал-демократы не способны дать этому жесткий отпор, потому что они поддержали неолиберальное строительство и ничего не сделали для поддержки прекариата, растущего в его тени. Дело в том, что субсидии капиталу использовались для политических и экономических целей. Грубый расчет был на то, что если политик или партия не дадут субсидий влиятельным кругам, например медиамагнатам, то это сделают другие. Если не выдавать субсидии финансовым инвесторам и нерезидентам (отдельным богачам, меняющим место жительства из-за налогообложения), то другие страны их могут переманить. Поколение социал-демократов мирилось с грубым оппортунизмом и постепенно утрачивало доверие.

Есть и более тревожные тенденции, чем дышащий на ладан социал-демократический проект. Незащищенный человек начинает проявлять недовольство и возмущение, а недовольные охотно поддерживают политику ненависти и злобы. В Европе левоцентристские партии были наказаны электоратом за то, что допустили усиление неравенства и незащищенности при переходе к государству «рабочих пособий». На этом фоне поднялись крайне правые, открыто апеллируя к страхам и опасениям самых незащищенных слоев.

Впереди всех Италия. Альянс, созданный Берлускони, был нацелен на прекариат — итальянскую его часть. Этот полити-

ческий этос по праву можно назвать «неофашизмом». В его основе альянс между элитой вне общественного мейнстрима, воплощением которой является сам Берлускони (богатейший человек в Италии, владелец ведущих коммерческих каналов страны), нижним средним классом и теми, кто боится оказаться в прекариате. В первый же день после переизбрания в 2008 году Берлускони заявил, что намерен «победить армию зла», подразумевая под этим, что избавит страну от нелегальных мигрантов. Играя на людских страхах относительно закона и порядка, он принял ряд авторитарных мер. Были расформированы цыганские лагеря, у цыган сняли отпечатки пальцев. Парламент легализовал патрулирование силами народных дружин. Период, в течение которого беженцы должны содержаться в «центрах идентификации и высылки», был увеличен до шести месяцев, прибывающих по Средиземному морю беженцев стали задерживать, пока они еще не высадились на итальянский берег, и направлять в огороженные центры интернирования в Ливии. Берлускони и его коллеги назвали судей «раком на теле демократии» и распустили парламент как «ненужный орган». Не удивительно, что Италию называют страной нелиберальной демократии.

В Риме участились расистские нападки, узаконенные после переизбрания в 2010 году мэром города Джанни Алеманно, бывшего неофашистского активиста. Некоторые специалисты в области общественных наук отмечали, что молодые бандиты, совершающие расистские нападения, были не настолько идеологизированны, как их предшественники в 1930-е годы, и больше занимались проверкой документов — они были настроены против всех «чужаков». Другое изменение касалось употребления алкоголя — если раньше пристрастие к нему связывалось с понятием *bella figura*, то теперь стало модно даже гордиться тем, что утратил контроль. Клаудио Чераза (Claudio Cerasa), автор книги *The Taking of Rome* («Захват Рима») о подъеме политических правых сил, считает, что Алеманно — производное неофашизма, а не причина. В 2007 году, за год до его первого избрания, четверть римских школьников проголосовала за *Blocco Studentesco* (Студенческий

блок) — молодежное крыло движения Casa Pound (Дом Паунда). Это было в духе того времени.

То, что происходит в Италии, начинает происходить всюду. Во Франции президент Николя Саркози, человек правых убеждений, который, еще будучи министром внутренних дел, взял резкий курс на борьбу с нелегальной миграцией, особенно во время массовых беспорядков 2005 года в пригородах Парижа и других городов Франции, не теряя зря времени, пошел по стопам Берлускони. В 2009 году были депортированы в упрощенном порядке тысячи мигрантов, а в 2010-м множество цыган высланы в Румынию и Болгарию. Президент Саркози подыгрывал своим основным избирателям. Часть прекариата обратилась к крайне правым. Белое население из числа рабочего класса и старших представителей прекариата в марте 2010 года на региональных выборах проголосовало за Национальный фронт, эта партия прошла во второй тур голосования в 12 регионах, набрав там 17,5 процента голосов. Партия Саркози UMP (Union pour un Mouvement Populaire — Союз за народное движение), потерпев сокрушительное поражение в борьбе с дезориентированной левоцентристской коалицией, еще больше поправела. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в 2010 году, треть голосовавших за UMP сказали, что готовы поддержать коалиционный блок с Национальным фронтом.

Крайне правые добились определенных успехов во многих европейских странах. Сильнейшим потрясением для политического мейнстрима стали выборы в Швеции в конце 2010 года, когда правые «Шведские демократы» добились ошеломляющего успеха, а знаменитые социал-демократы показали худший результат за несколько десятилетий. Это символизирует конец прославленной «шведской модели». И в других странах набирают вес крайне правые группы с ксенофобской риторикой. В Венгрии становится все популярней жутковатая партия Йоббик с черной униформой и в военных сапогах. В Нидерландах Партия свободы продвинулась на выборах в июне 2010 года, требуя ограничить иммиграцию, убрать бюрократические препоны для малого бизнеса, снизить налоги и наладить заботу о престарелых. В Нидер-

ландах и в Дании, где популистская Датская народная партия добилась дальнейшего ужесточения иммиграционных правил, и без того самых драконовских в Европе, возглавляемое либералами правительство полностью зависит от антимигрантских партий. В Австрии правая партия свободы набрала более четверти голосов на местных выборах в Вене в октябре 2010 года, таким образом с 2005 года число ее сторонников почти удвоилось.

В Великобритании успех Британской национальной партии на выборах в Европарламент в 2009 году вызвал панику, только усилившуюся из-за ксенофобских высказываний ее лидера. Было бы слишком оптимистично думать, что подспудные течения, вознесшие ее на пик популярности, можно как-то утихомирить. Другие не менее неприятные группы, такие как Лига английской обороны, тоже набирают вес, а некоторые центристские фигуры не прочь поиграть на антимигрантских настроениях.

Политика большинства европейских правительств создала благоприятную среду для популизма. Великобритания не исключение. Выступая за гибкие рынки труда, правительство способствовало росту прекариата, при этом никак не реагируя на его беспокойства или страхи. Социальную защиту правительство сосредоточило исключительно на проверке нуждаемости, что дает преимущество самым обездоленным, а коренных граждан, которые находятся на грани нужды, отодвигает в самый конец долгой очереди за пособиями, в том числе на жилье.

Обедневшие общины, пережившие удар деиндустриализации, становятся рассадником антиобщественного поведения, их жители живут в нищете и страдают от ухудшения своего положения. Поскольку такие области привлекают непропорционально большое количество мигрантов и представителей этнических меньшинств с низким доходом, белое население, или граждане, неизбежно испытывают разного рода страхи, в основном это страх потерять то, что имеют. Но осуждать их за подобные мысли, когда гибкие рабочие рынки и проверка нуждаемости создают такие условия, было бы нечестно. Ответственность лежит на политиках, стратегия и тактика которых создала напряженность и породила экстремизм.

Лейбористское правительство ответило популистскими мерами, введя экспериментальные схемы: безработным мигрантам дают деньги, чтобы они уезжали домой, — им оплачивают авиабилет в один конец, используя частную компанию по борьбе с коммерческими преступлениями; кроме того, было объявлено о плане помочь «традиционным сообществам» — это такой эвфемизм, обозначающий бедное белое население. Правительства в других странах также задумались о популистском подходе.

В США в 2009 году возникло Движение чаепития, после того как телеведущий Рик Сантелли (Rick Santelli) призвал выразить недовольство финансовыми планами президента Обамы. К новому движению примкнули антиправительственно настроенные граждане, требующие снижения налогов и свободного рынка. Изначальной их целью были демократы, но республиканцев также заклеймили за то, что они не занимаются вопросом уменьшения налогов. Республиканский национальный комитет в 2010 году был вынужден принять правило, по которому лидерам партии следует поддерживать кандидатов, удовлетворяющих запросам правых, — Движение чаепития разработало десять таких критериев.

Элита заигрывала с Движением чаепития. Его поддержали группы, связанные с нефтяными компаниями и Уолл-стрит (Fifield, 2010). Отдельные представители элиты сплотились с частью редеющего рабочего класса и прекариата: одни выделяют финансирование и обеспечивают медийное освещение, другие предоставляют «рабочих муравьев» и голоса. Пока партии социального мейнстрима не предложат прекариату план экономической безопасности и социальной мобильности, значительная его часть будет по-прежнему склоняться к опасным крайним взглядам.

Движение чаепития — первое общенациональное объединение в США, которое всерьез заговорило о нелегальной иммиграции и выступает против «культа мультикультурализма» и «исламизации». У них есть футболки с лозунгами, например такими: "I'll keep my freedom, my guns and my money" («Сохраню свою свободу, оружие и деньги»). Здесь же и сторонники конспиратив-

ных заговоров, утверждающие, что Обама — иностранец и не имеет права на президентство. Как Британская национальная партия в Англии, Движение чаепития обвиняет иммигрантов в попрании американских иудеохристианских ценностей. «Это наша страна, — сказал один делегат под дружные рукоплескания. — Вернем же ее!» И никто не поправил его, что страну нельзя забрать обратно.

Движение чаепития неофашистское, оно хочет маленького социального государства и авторитарного правительства. Оно состоит в основном из «сердитых белых мужчин и женщин», обеспокоенных потерей работы и снижением стандартов жизни. Две трети рабочих мест, потерянных за два года после 2008-го, — это мужские должности «синих воротничков». Рассерженные белые мужчины стали более консервативны. Все больше людей выступают за «право на оружие»: в 2008 году их был 51 процент, а в 2010 уже 64 процента.

В большой чести у американских правых Глен Бек (Glen Beck), ведущий канала Fox News, по собственному признанию бывший кокаинист и алкоголик, называющий себя «пограничным шизофреником». Его целевая аудитория — люди малообразованные и политически неграмотные. В своем бестселлере *Glen Beck's Common Sense* («Здравый смысл Глена Бека») он обращается к читателю:

> Думаю, вы знаете, кто вы такой. Вы человек «строгих принципов», с «добрым сердцем». Вы работаете в поте лица, не швыряетесь деньгами, беспокоитесь о том, что экономика значит для вашей семьи. Вы не фанатик, но давно уже не высказывали своего мнения по важным вопросам, потому что не хотите, чтобы вас называли расистам или гомофобом, когда вы отстаиваете свои ценности и принципы. Вы не понимаете, как смеет правительство просить вас еще чем-то пожертвовать только для того, чтобы банкиры и политики получили новые барыши. Дорогой читатель, Глен Бек может помочь тебе. Он встанет рядом и скажет: «Хватит на меня давить».

Бек стал мультимиллионером, теперь он знаменитость. То, что находилось на обочине, стало мейнстримом. Прежний политический мейнстрим не имел альтернативного нарратива, помимо надежды на экономический рост и работу. Он не знал, что делать с ростом незащищенности и неравенства. Разочаровавшись, прогрессивная часть прекариата отвернулась от избирательных участков голосования на промежуточных выборах 2010 года.

В Японии прекариат также раздроблен: массы разгневанных людей, в основном молодых, вступают в группы, которые средства массовой информации окрестили Сетевые крайне правые, потому что их члены организуются через Интернет и собираются вместе только на демонстрации. Большинство из них работают на малооплачиваемых должностях, с неполным рабочим днем или по краткосрочному контракту. Согласно данным профессора социологии Кенсуке Суджуки, «эти люди чувствуют, что стали бесправными в собственном обществе. Они ищут виновных, и иностранцы самая очевидная мишень» (Fackler, 2010). Самая многочисленная группа, насчитывавшая в 2010 году более 9 000 членов, называется Джайтокукаи, сокращение от полного названия, которое звучит так: «Граждане, которые не намерены прощать особые привилегии для корейцев в Японии». Такие группы устраивают демонстрации протеста против засилья мигрантов и говорят, что берут пример с американского Общества чаепития.

До тех пор пока не прекратится коммерциализация политики, мы будем свидетелями дальнейшего уменьшения демократического влияния, особенно на прогрессивную часть прекариата. Политикой сейчас заправляют опытные маркетологи. Мрачный пример — президентские выборы на Украине в 2010 году, когда победил Виктор Янукович, человек, связанный с украинскими олигархами и отягощенный криминальным прошлым — судимостью за грабеж с насилием. На средства олигархов была создана фирма, продвигавшая его кандидатуру — по сути, продававшая ее избирателям. Руководил их действиями стратег от республиканской партии США Пол Манафорт, фирма которого давала консультации нескольким американским президентам. До того

как они приступили к работе, рейтинг Януковича был очень низким, в 2004 году он уже проиграл на выборах. Ему придумали новый образ. Тем временем консультационная фирма, основанная Дэвидом Аксельродом, советником Обамы по политическим вопросам, оказывала помощь другому главному кандидату, который, как и Джон Анзалоне, тоже участвовал в предвыборной кампании Обамы.

Три вещи заслуживают внимания, если говорить об этих странных выборах в европейской стране с населением в 50 миллионов человек. Это коммерциализация политики, это коммерциализация зарубежная, говорящая о новой форме глобализации, и это вовлеченность криминальной элиты, финансирующей свои интересы в лице кандидата. Тем временем множество украинцев выставили свои голоса на продажу в Интернете. Американская республиканская компания оказалась эффективнее кампании американских демократов.

Глобальная коммерциализация политики должна особенно беспокоить прекариат. Вероятно, самым регрессивным шагом для США, повлиявшим и на другие страны, поскольку американские судебные решения становятся глобальными прецедентами, стало постановление Верховного суда от 2010 года по делу Citizens United vs Federal Election Commission («Объединенные граждане против Федеральной избирательной комиссии»). Суд постановил, что любая корпорация, профсоюз или профессиональная ассоциация может вносить неограниченные пожертвования в политические кампании, на том странном основании, что они имеют такое же право участвовать в выборах, как и отдельные граждане. Не удивительно, что на последовавших за этим промежуточных выборах в Конгресс преобладали свирепые «рекламные нападки», спонсируемые органами, созданными для того, чтобы прикрыть источник, откуда поступают деньги. Фонды на поддержку правых кандидатов увеличились в шесть раз, в основном для кандидатов, выступавших за уменьшение налогов, увеличение субсидий корпорациям, уменьшение мер по охране окружающей среды, пересмотр реформы здравоохранения и ужесточение позиции по отношению к миграции

и иммигрантам. Одним ударом это решение суда разрушило демократический принцип, согласно которому все люди имеют равные права при голосовании и равный вес в процессе голосования. Больше всех потерял при этом прекариат. Потому что пока корпорации спонсируют кампании для элиты и салариата, пока ослабленные профсоюзы поддерживают своих основных работодателей, никакие влиятельные круги не будут представлять интересы прекариата. Но это пока.

Короче говоря, прекариат затронет поднимающаяся волна неофашизма и сокращение социального государства. В настоящее время он не может этому противостоять. Те, кого общественная и экономическая ситуация загнала в прекариат, стали политически инфантильными. Из-за их нестабильности и незащищенности их легко заманить, и они охотно поддержат популистские и авторитарные действия в отношении тех, на кого им укажут как на угрозу. Многие в прекариате потеряли (или чувствуют, что теряют) то малое, чем обладали, и готовы к бунту, потому что для них нет политики рая, которая указала бы им лучшее направление.

Подытоживая сказанное

Говорят, что за прекариатом нужно следить, что его нужно лечить и заставлять работать. Но либерально-патерналистский метод рабочих пособий на деле лишь обрекает на неудачу любую попытку построения профессиональной карьеры, как и терапия, когда она используется в качестве социальной политики. Диагноз «недееспособность по причине психического расстройства» и прогноз «терапия» — все это, вместе взятое, усиливает чувство незащищенности. Такая политика не облегчает тягот жизни прекариата и ничуть не успокаивает. Скорее наоборот.

Мониторинг проник во все общественные институты. На каждом шагу он порождает наблюдение или контрнаблюдение, а это в свою очередь приводит к обратной реакции, в том числе к еще более пристальному мониторингу.

Наблюдение не прекратится, поскольку оно узаконено. Его можно остановить только активным сопротивлением, классовым действием.

Наблюдение порождает агрессию и подозрительность. Если система скрытого наблюдения запечатлела момент, когда мужчина погладил по щеке маленькую девочку, — к чему это отнести? К проявлениям добрых чувств или к сексуальному посягательству? Если есть сомнения, его еще раз проверят, на всякий случай. Никто не может чувствовать себя в полной безопасности. Защитник легко может стать контролирующим. Любой нормальный дружеский жест могут неверно истолковать. То же самое наблюдается и в бизнесе. Отчеты о затратах времени, график присутствия на рабочем месте, проверка производительности труда — все это инструменты для наказания нонконформистов, а они подчас самые изобретательные и творческие работники. И наконец, наблюдение подрывает дружбу и доверие, сеет в людях подозрительность и тревогу. И из всех социальных групп самая серьезная причина для страхов и тревоги — у прекариата.

Утилитаризм, лежащий в основе неолиберального государства, сводится к девизу «сделать счастливым большинство», при этом меньшинство вынуждают приспосабливаться к нормам большинства с помощью санкций, подталкивания и слежки. Это тирания большинства, выведенная на новый уровень мощности. Утилитаристам это сходило с рук, пока они имели дело с малочисленными низшими слоями общества и пока доходы низов общества в худшем случае замораживались. Но с тех пор как появился прекариат и доходы начали резко снижаться, недовольство утилитаристской программой и усиливающимся неравенством стало взрывоопасным.

Пора пересмотреть роль трех великих понятий: свободы, равенства и братства — в развитии прогрессивной повестки дня с точки зрения прекариата. Для начала полезно было бы оживить республиканскую свободу, способность действовать сообща. Свобода — нечто проявляющееся в коллективных действиях.

Прекариату нужна свобода и основные гарантии безопасности. Как сказал Кьеркегор, беспокойство — часть свободы. Эта цена, которую мы платим за свободу, и может служить показателем того, что свобода у нас есть. Однако если беспокойство ничем не умерено, если отсутствует безопасность, стабильность и контроль, беспокойство может вылиться в иррациональный страх и неспособность рационально действовать или выработать связный нарратив для жизни и работы. Именно в таком положении сейчас находится прекариат, он хочет контролировать свою жизнь, хочет возрождения общественной солидарности и рациональной автономии, отказываясь при этом от старых лейбористских форм защиты и государственного патернализма. Он также хочет видеть свое будущее экологически безопасным: это чистый воздух, отказ от загрязнения окружающей среды, отсутствие угрозы для растений и животных. Прекариат больше всех страдает от ухудшения экологической обстановки. А еще он хочет возрождения республиканской свободы, а не отчужденной индивидуальной свободы коммерциализованного общества.

Хотя прекариат не стал еще классом «для себя», он уже класс в процессе становления, все более осознающий свои цели — за что борется и что хочет построить. Необходимо возродить дух социальной солидарности и универсализма — ценности, отвергнутые сторонниками утилитаризма. Как самоуверенно заметил один из их лидеров во влиятельной газете *Financial Times* (2010b): «Универсализм — невыполнимый принцип». На самом деле как раз наоборот: он самый важный из всех. Это единственный принцип, способный повернуть вспять процесс роста неравенства и экономической нестабильности. Единственный принцип, который

поможет приостановить проверку нуждаемости, обусловленность пособий и патерналистское подталкивание. Только этот принцип позволит нам сохранить политическую стабильность в условиях, когда мир приспосабливается к кризису глобализации, ведущему к ухудшению жизненного уровня для подавляющего большинства людей в промышленно развитых странах.

Лейборизм двадцатого века прекариату не интересен. В свое время социал-демократический проект способствовал прогрессу, но суровый «третий путь» завел его в тупик. Политики социал-демократы боялись даже упоминать о неравенстве, не говоря уже о том, чтобы с ним бороться, приветствовали гибкие незащищенные виды труда и пренебрегали свободой, создавая государство паноптикона. Они утратили доверие прекариата, когда стали говорить о себе как о среднем классе и делать жизнь нонконформистов все более трудной и незащищенной. Пора двигаться дальше.

Нужна новая политика рая, пусть даже слегка утопичная. Момент для этого самый подходящий, поскольку, похоже, в начале каждого столетия возникает новая прогрессивная концепция. В начале девятнадцатого века появились радикальные романтики, требовавшие новых свобод, начало двадцатого сопровождалось бурным развитием передовой мысли с требованием свободы для промышленного пролетариата. И хотя дело зашло слишком далеко, все же дискредитация лейборизма вкупе с моральным банкротством неолиберальной модели глобализации дает надежду на освободительный эгалитаризм, связанный с прекариатом.

Для того чтобы представить, как это может выглядеть, давайте вспомним: то, что сегодня кажется невозможным, обычно становится не только возможным, но и в высшей степени реальным. В предисловии к изданию 1982 года книги «Капитализм и свобода» (*Capitalism and Freedom)*, написанной еще в 1962 году, когда монетаризм и неолиберализм были лишь предметом насмешек, архимонетарист Милтон Фридман заметил: «Наша главная задача — разработать альтернативы существующей политике, сделать их жизнеспособными и доступными, пока политически невозможное не стало политически неизбежным» (Friedman, 1982: ix). Именно на таком этапе находится сейчас прогрессивная идея.

И первейшая задача — отстоять то, что было отвергнуто лейбористами и неолибералами. Нужно доверять людям, надеясь, что они будут действовать в своих интересах и при этом считаться с остальными. Не следует относиться к ним как к лентяям, потенциальным преступникам, нарушителям закона, эгоистам по самой своей сути. Либеральным патерналистам с их подталкиванием нужно посоветовать больше думать о собственных делах и архитектурах выбора: паноптикон сворачивается. Надлежащее образование и «качественное время» помогут людям принимать решения самостоятельно. В противовес тому, что говорят либеральные патерналисты, большинство людей принимают оптимальные решения не потому, что они перегружены информацией, а потому, что у них не хватает времени и сил отсеять ненужную информацию, нет возможности посоветоваться со специалистом и нет «голоса», чтобы во всеуслышание заявить о своем выборе.

То же можно сказать и о рабочих местах. Тот факт, что люди отказываются от предлагаемых работ, вовсе не означает, что массы людей не хотят трудиться. Есть убедительные доказательства того, что трудиться хочет почти каждый. Это заложено в человеке. Но это вовсе не означает, что каждый должен получить работу, а если у него ее нет, то к нему будут относиться как к несчастному «закоренелому безработному».

Прекариат сталкивается с систематической незащищенностью. Было бы чрезмерным упрощением разделять его на «хороший» и «плохой» прекариат. Однако определенная его часть не собирается мириться с нестабильностью и хочет, чтобы политики и социальные институты перераспределили гарантии защиты и дали возможность каждому развивать свои таланты. Эта часть, преимущественно молодежь, не оглядывается с умилением на лейбористскую защиту занятости, которая была в эпоху, предшествующую глобализации.

«Плохой» прекариат, по контрасту, живет ностальгией по воображаемому золотому веку. Эти люди недовольны и злятся, наблюдая, как правительство печется о банках и банкирах, раздает субсидии любимчикам — элите и салариату — и допускает усиление неравенства за счет того же прекариата. Их привлекает

популистский неофашизм, клеймящий правительства и демонизирующий тех, к кому правительство благоволит. И если с притязаниями «хорошего» прекариата не будут и дальше считаться, ряды «плохого» будут все активнее пополняться. Если это произойдет, общество окажется в опасности. И это уже происходит.

Самое главное, что нужно прекариату, — это экономическая защищенность, хоть какой-то контроль над планами и ощущение, что с потрясениями и опасностями можно справиться. Этого можно достичь, только если обеспечить гарантию дохода. Однако уязвимые группы также нуждаются в «посреднике», в возможности представлять свои коллективные и индивидуальные интересы. Прекариату нужна стратегия, которая будет учитывать это двойное требование.

Резидентство должно быть справедливым

Прекариат состоит из множества самых разных резидентов, с разным, но при этом ограниченным набором прав. Он только выиграет, если эта диспропорция уменьшится, а люди будут должным образом отстаивать свои права. Каждая часть прекариата заинтересована в том, чтобы у других резидентов было больше прав, даже если некоторые политические силы пытаются натравить одну группу на другую. Лозунг «Резиденты, объединяйтесь!» не так уж плох. Важно не забывать, что статус резидента не только у мигрантов. Все больше своих граждан государство превращает в резидентов.

Более того, оно отбирает права у криминализованных элементов. И в этом таится двойная опасность. Если преступление не носит явного политического характера или если законодательно не определено, что кто-то не имеет права голоса, лишение политических или социальных прав ничем не оправдано. Учитывая тот факт, что государство активно пытается упрятать за решетку и криминализовать все больше людей, этот вопрос заслуживает широкого общественного обсуждения.

Мигранты — главные резиденты. Высказывались разные предложения наладить процесс, позволяющий им получать

гражданство с полным набором прав, включая «огражданствление» (citizenization), разрывающее связь с национальным гражданством. Идея «резидентства» больше поспособствовала бы интеграции мигрантов, поскольку в таком случае они после определенного периода времени автоматически становились бы полноценными гражданами, а не «натурализованными». Это отличается от «вида на жительство»: он защищает от произвольной депортации, но при этом закрепляет отношение к резидентам как к аутсайдерам. Универсальность заключается в преодолении таких различий в глобализирующемся мире. На самом деле правительства усложнили условия, необходимые для получения даже статуса резидента. В странах, которые ввели у себя «экзамены на гражданство» для тех, кто хочет получить постоянный вид на жительство, прекариат должен потребовать, чтобы всякий желающий занять политический пост тоже проходил такую экзаменационную проверку. Лучше, пока не поздно, упразднить ее как мошенническую, поскольку ее главная цель — создать барьеры для получения гражданства.

В числе самых необходимых реформ, касающихся резидентов, — реформы, связанные с правом заниматься профессиональной практикой, правом человека на работу в соответствии со своими знаниями, умениями и призванием. Миллионы людей лишены этого права — из-за лицензирования и других правил. Освобождение профессий сделает их доступными для мигрантов, в противном случае попадающих в прекариат. Похоже, путь в этом направлении проложит Германия. В октябре 2010 года министр труда сказал, что для привлечения более квалифицированной рабочей силы из числа мигрантов Германии следует принять закон, признающий зарубежные степени и дипломы. Это локальный ответ на глобальный вызов. Что на самом деле нужно, так это международная система аккредитации, по которой правительства и профессиональные сообщества выработают взаимно признаваемые стандарты квалификации, с тем чтобы человеку, получившему профессиональную подготовку в одной стране, было проще работать по специальности в другой. Для большинства профессий лицензии не нужны. Система аккредитации могла

бы обязать профессионала представить потенциальным покупателям услуг доказательства своей квалификации, в соответствии с принципом *caveat emptor* (да будет бдительным покупатель), и это было бы честно.

Мигрантам, в большинстве своем политическим беженцам, не хватает общественных механизмов для отстаивания своих интересов. Эгалитарная стратегия могла бы обеспечить представительским сообществам пространство, в котором они могли бы действовать и получать финансовую помощь. В 2010 году в Великобритании началась кампания под названием «Чужаков — в граждане», целью которой была «заработанная амнистия» для нелегалов по прошествии пяти лет. Если через два года после регистрации они трудоустроены и говорят по-английски, то автоматически получают гражданство. Конечно, тут есть к чему придраться, но государственно узаконенные представительские организации должны представлять все группы резидентов, пытающихся получить права де-юре и де-факто.

Многие другие теряют экономические или социальные права вследствие своего поведения в прошлом или из-за неких действий, в результате которых на них завели досье с черной меткой, о чем они сами не знают и что не могут опротестовать. Тони Блэр как-то сказал, что, если вы не сделали ничего плохого, вам нечего беспокоиться из-за увеличения масштабов слежки. Но это открывает мрачные перспективы. В том числе и потому, что неизвестно, какую информацию собирают о каждом из нас и достоверная она или нет. Прекариат больше других нуждается в защите и должен потребовать отмены резидентства, получаемого де-факто.

Обретение идентичности

Шумиха вокруг мультикультурализма и идентичности непосредственно затрагивает прекариат. Характерная особенность всех резидентов — это отсутствие прав. Гражданин имеет право на идентичность, то есть право знать, кто он и с кем разделяет общие ценности, общие устремления. У прекари-

ата нет четкой идентичности. Но в глобализирующемся мире никуда не денешься от мультикультурализма и множественной идентичности.

Государства должны разрешить множественную идентичность: каждый в том или ином смысле резидент, поскольку имеет права в пределах одних саморегулирующихсягрупп, а в других не имеет. Любая идентичность дает определенный набор прав. Так, человек может иметь идентичность как верующий или как атеист, что дает ему в сообществе права, которых другие не имеют (право на выходной в определенные дни, право молиться или не молиться и т.п.). Главная трудность здесь связана с механизмами иерархии, подавления и отлучения от сообщества; кроме того, нужно, чтобы осуществление тех или иных прав сообщества не ущемляло права или идентичность остальных.

Еще важнее для прекариата права, связанные с принадлежностью к определенному профессиональному сообществу. Если человек работает слесарем или сиделкой, у него должны быть права, соответствующие тем, что есть у других представителей той же профессии, в том числе право утверждать, что он имеет квалификацию и ее подтверждают знающие люди. Но это совсем не то же самое, что сказать: если профессиональное сообщество вас не принимает, то вы не имеете права выполнять эту работу, а именно так многие и попадают в прекариат. Вот почему профессиональная идентичность должна основываться на системе аккредитаций, а не на лицензировании, подразумевающем конкуренцию, и должна опираться на демократические структуры управления внутри профессиональных групп, где будут учитываться все интересы (подробнее об этом см.: Standing, 2009). Профессиональная демократия — основа свободы двадцать первого века.

Если говорить о политическом аспекте идентичности, то современный неофашизм категорически не желает признавать идентичность и культуру других. Неолибералы также против самой идеи идентичности, на том основании, что индивидуумы в рыночном обществе не имеют общих черт. Неолибералы признают лишь некую общность, плавильный котел наций, как

подразумевается в конституциях США и Франции. И та и другая позиции, мягко говоря, бесполезны. Куда разумней было бы признать, что идентичностей много, каждый может определить для себя что-то свое, и нам нужно создать такие общественные институты и такую политику, которые помогали бы защищать и развивать их.

Прекариат больше всех страдает от кризиса идентичности. Он не должен бежать от мультикультурализма или легитимизации множественных идентичностей. Он должен сделать другое, гораздо более серьезное, что позволит ему заявить о своих интересах во всех структурах и институтах идентичности. Это не требование новой формы корпоративизма. Это призыв к прекариату стать классом «для себя».

Спасение образования

Те, кого оттесняют в прекариат, должны дать отпор превращению образования в товар. Нужно покончить с университетами без преподавателей, напичканными техникой паноптикона, — этому помогут демократичное и прозрачное регулирование, включая профессиональные ассоциации и законы, устанавливающие, что третичное образование, а также другие его уровни, не должно быть «без учителей».

Содержание учебных программ следует доверить профессионалам — преподавателям и ученым, — а «потребители», студенты, должны иметь право голоса в том, что касается структуры и задач образования. Также надо дать прекариату возможность получать образование на долговременной основе, а не просто проходить подготовку в качестве «человеческого капитала». Это вовсе не идеализм. Конечно, студенты не знают, что для них лучше. Никто из нас не знает. Что нам нужно, так это система управления, которая уравновесит силы, формирующие этот процесс. В настоящее время его полностью контролируют сторонники коммерциализации. И это ужасно.

Нужно что-то сделать с отупляющим образованием в процессе подготовки «человеческого капитала». Эксперты в США

отмечают, что люди отвыкают читать, все более распространенным становится синдром дефицита внимания. И такое происходит не только в США. Нужно освободить образование ради его же пользы, а сторонников коммерциализации как-то урезонить. Устранить их совсем невозможно, но баланса в сторону либерализации образования можно добиться институциональными мерами.

Тем, кто хочет, чтобы университеты обслуживали предпринимательство и бизнес и вынашивали рыночные перспективы, следует вспомнить о великих мыслителях прошлого. Как сказал философ Альфред Норт Уайтхед (Alfred North Whitehead), «смысл университета в том, что он поддерживает связь между знанием и текущей жизнью, связывая молодое и старое поколения творческим отношением к обучению».

Еще раньше, в 1867 году, Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill), будучи избран ректором университета св. Андрея, заявил: «Университеты не для того нужны, чтобы научать людей тому, что позволит им тем или иным образом заработать на жизнь. Их задача — выпускать не умелых юристов, врачей ли инженеров, но способных и культурных людей». В связи с коммерциализацией об этом принципе забыли, но прекариат должен подумать, как его вернуть. Филистеров пора остановить.

Есть и еще одна, более прагматичная, тема. Избежать статусной фрустрации у молодежи, получившей слишком хорошее формальное образование для предлагаемых должностей, можно, если сделать дипломы «предметом досуга» (а не предметом капиталовложений). Пусть люди получают образование дольше, нужно обеспечить людям отпуска для продолжения образования во время их взрослой жизни, и не нужно делать такой упор на то, чтобы сразу после школы поступать в университет.

Прекариат, вероятно, мечтает о чем-то вроде «университизации» жизни — о том, чтобы можно было при желании все время учиться. Для этого он должен лучше контролировать свое время и иметь доступ к общественной сфере, где образование будет рассматриваться как медленный осознанный процесс.

Работа, а не подневольный труд

Есть такое распространенное мнение, что все работы хороши, — очень удобная позиция для тех, кто живет за счет труда других.

Уильям Моррис. Полезная работа против бессмысленного каторжного труда (1885)

Работу нужно освободить от привязки к рабочим местам и наемному труду. Ко всем видам виды работы следует относиться с равным уважением, не думая, что человек, не имеющий должности, не работает или что кто-то, кто сейчас без работы, закоренелый лодырь. Обществу вредит не праздность. На самом деле бездельники вредят сами себе, растрачивая жизнь понапрасну. Обществу дороже контролировать и наказывать это крошечное меньшинство, чем заставить этих людей заняться каким-нибудь малопроизводительным трудом. Более того, немного полениться не так уж и вредно. Почем знать, может, тот, кто сейчас якобы бездельничает, на самом деле отдыхает или собирается с мыслями? Почему непременно нужно предполагать худшее и порицать? Величайшие умы человечества проводили много времени в праздности, и всякий, кто читал эссе Бертрана Расселла «Похвала праздности», должен устыдиться и не требовать исступленного труда от других.

Но нужно соблюдать меру. Труд необходим, и рабочие места нужны. Но не только в них смысл жизни. Людям нужны и другие виды деятельности и времяпрепровождения.

Джон Мейнард Кейнс (John Maynard Keynes), величайший экономист двадцатого столетия, предсказывал, что к настоящему времени люди в богатых обществах будут заняты на работе не более 15 часов в неделю. До него Карл Маркс писал, что, как только уровень производительности труда позволит обществу удовлетворить свои материальные нужды, мы будем проводить время, развивая наши природные способности. В конце девятнадцатого века Уильям Моррис, в своей провидческой работе *News from Nowhere* («Новости ниоткуда») описывал будущее, в котором люди смогут без принуждения работать в свое удоволь-

ствие, заботиться о природе и жить в достатке и в ладу со своими соседями. Никто из них не мог предугадать ненасытную жажду потребления и бесконечного экономического роста, заданную коммерциализующей рыночной системой.

Сейчас пора отметить, что принуждение всех и каждого к труду — это ответ на неправильный вопрос. Нужно сделать так, чтобы все мы уделяли больше времени работе, которая не является трудом, и досугу, который не есть игра. Пока мы не согласимся с более многообразной концепцией работы, мы будем по-прежнему пребывать в заблуждении, оценивая человека по занимаемой должности и полагая, что создание рабочих мест — это признак успешной экономики.

Прекариат от этого выиграет больше других. Он выполняет непропорционально много работы, которую нельзя называть трудом, и выполняет много работы, которая не является ни продуктивной, ни приятной. Нужно улучшить статистику, показывающую, сколько работы делается. И тогда вряд ли кто-то посмеет утверждать, что всякий не занятый опознаваемой «работой» лентяй или захребетник. Начать можно хотя бы с подсчета времени, которое прекариат проводит в общении с государственными бюрократами и прочими посредниками.

Полная товаризация труда

В противовес утверждению лейбористов «Труд не товар» нам нужна полная товаризация труда. Вместо того чтобы выпихивать людей на работу, понижать зарплаты и доходы других в связи с этим понижением, людей следует заинтересовать с помощью правильных стимулов. Если, как нас уверяют, рабочих мест предостаточно, но никто не горит желанием их занимать, тогда надо поднять цены — в результате работодатель либо поймет, что не готов тратиться, либо сделает эти позиции достаточно привлекательными. Правительствам следовало бы применить к рынку труда те же правила, которые действуют и на других рынках. Для нормальной товаризации цена должна быть прозрачной и полностью монетизированной. То есть надо снять все эти разнообраз-

ные пособия и льготы предприятий и превратить их в пособия и льготы, которые можно приобрести на рыночных условиях. Не следует забывать и о принципе социальной солидарности. Немонетарные пособия и льготы — главный источник неравенства, это лишь помеха эффективному рынку труда. Прекариат на них и не рассчитывает. Все это идет салариату и уменьшающемуся привилегированному меньшинству кадровых рабочих. Чтобы ускорить маркетизацию, их нужно обложить бóльшим налогом, нежели денежный заработок (сейчас они часто используются как средство ухода от налогов). А система оплаты должна быть прозрачной и отражать непосредственную связь с навыками, затратами усилий и времени. Кстати, исследования показывают, что рабочим больше нравится, когда им платят по часам, а это самый прозрачный метод из всех возможных.

Правильная товаризация — это *прогрессивный шаг*. Рассмотрим с точки зрения социального равенства и позиций прекариата традиционную практику выплаты пособий женщинам, взявшим декретный отпуск. Если женщина работала в штате на твердой ставке, работодатель может предоставить ей отпуск и пособие, причем бóльшую часть пособия будет оплачивать правительство. В Великобритании женщины получают пособие по беременности и родам не более 39 недель и отпуск сроком до года. Но отпуск по рождении ребенка дается также и отцам (на две недели), и каждый родитель может находиться в неоплачиваемом отпуске до тех пор, пока ребенку не исполнится пять лет. Но не стоит забывать, что правительство компенсирует работодателям бóльшую часть затрат на декретные выплаты отцам и матерям и это пособие регрессивное — в пользу салариата за счет прекариата. Лейбористам оно греет душу, но сколько низкооплачиваемых работников могут претендовать на такое пособие? Только в 2009 году британская Комиссия по равенству и правам человека предложила снизить установленный стаж работы на предприятии, при котором человек получает такое право. Но многие женщины из прекариата в период беременности могут оказаться без работы. И новую найти им будет трудно, а следовательно, декретных денег им не видать. Прекариат

следует наделить такими же правами, как и всех остальных. Универсальность действительно важна.

Отсюда вытекает следующее требование: к работе нужно относиться как к *средству*, присущему коммерческой сделке. Когда нам говорят, что работа — главный источник счастья и тех, кто не хочет ощутить это счастье труда, нужно заставить это сделать ради их же блага, — на это можно ответить: займитесь собственными делами. Для большей части прекариата работа не путь к нирване. Говоря, что работа — источник счастья, мы выдаем желаемое за действительное. Лучше честно коммерциализировать труд. Если таково правило свободной рыночной экономики, тогда давайте применять его ко всем товарам.

Профессиональная свобода

Прекариату хочется почувствовать свою профессиональную состоятельность, он хочет, чтобы сочетание разных видов работы и труда позволило ему развить свои способности и получить удовлетворение от сделанного. Спрос на труд и рабочие места увеличивается, и поскольку многие важные виды работ выполняются в неоптимальных стрессовых ситуациях, то игра понемногу вытесняет досуг. Один из величайших активов третичного общества — *время*.

Вместо того чтобы смотреть на работу как на средство, нас учат видеть в ней самый главный аспект жизни. Помимо работы есть множество других занятий, которые могут быть более приятными и социально значимыми. Если мы говорим, что иметь работу необходимо и эта работа определяет нашу идентичность, то наемный работник будет испытывать страх оттого, что потеряет место, а вместе с ним утратит общественную ценность, лишится статуса, которому соответствует некий жизненный уровень.

В конце 2009 года в *Wall Street Journal* был опубликован комментарий бывшего вице-президента Федеральной резервной системы США Алана Блайндера (Alan Blinder). По его словам, у американцев «только три вещи сейчас на уме: рабочие места, рабочие места и еще раз рабочие места». Правда, никаких цифр

в подтверждение своих слов он не привел. Но если для большинства возможность иметь хоть какие-то гарантии связана с работой, тогда понятно, что работы будут первостепенными и стрессовыми. Но ведь очевидно, что эта ситуация нездоровая. На самом деле пора перестать делать из наемной работы кумира.

Пока даже не доказано, что экономический рост в развитых странах требует увеличения числа рабочих мест: об этом говорит успешный выход из рецессии без создания новых рабочих мест и даже с их сокращением. А попытка решить проблему посредством создания искусственных рабочих мест может быть экологически небезопасной. Ведь наемный труд обычно сопровождается использованием природных ресурсов и их истощением, тогда как другие виды работы вполне могут быть производительными и ресурсосберегающими.

Вместо идеи рабочих мест следует поставить во главу угла право человека на *деятельность*. Для этого нужно дать людям больше возможностей заниматься делом, которое не является трудом, причем эти возможности должны быть равны для всех. Притом что спрос на такую работу растет, те, кто может ею заняться, как правило, богачи, потому что у них для этого достаточно времени или они могут его купить. Это скрытая форма неравенства, поскольку тем, кто находится в более выгодном положении, проще получить дополнительные преимущества.

В США во время рецессии после 2008 года появился ряд работ, которые нельзя называть трудом. Никто не заметил в этом иронии. Например, тысячи людей зарегистрировались на Volunteernyc.org — сайте, набиравшем добровольцев для уборки жилищ. Отчасти это было ответом на призыв президента Обамы уделять больше внимания общественным работам: в стране возрождался дух коллективизма, что можно только приветствовать. И все же ни у одной политической партии нет стратегии поощрения или создания условий для подобной работы. То, как быстро добровольцы откликнулись на этот призыв, показывает, что люди соскучились по общественно значимой деятельности. Когда человек теряет должность, можно смотреть на это как на освобождение. С этой точки зрения жизнь прекариата имеет

две стороны. Привязанность к рабочему месту — мрачный удел общества наемных работников, о чем говорила еще Ханна Арендт (1958). Штатная принадлежность становится обузой, сковывающей и отупляющей. Но экономическая незащищенность не лучше, поэтому прекариат не может себе позволить волонтерскую или другую общественную работу. Долги и неуверенность в завтрашнем дне этому мешают.

Мода на волонтерство свидетельствует о жажде деятельности, которую можно было бы рассматривать как работу, если бы нам десятилетиями не втолковывали, что работа — это рабочие места. И Полани (Polanyi, [1944] 2001), и Арендт это понимали, но никто из них не спроецировал это в сферу политики. Полани сетовал на товаризацию, Арендт — на «держащихся за рабочие места» (jobholderism), но они не представляли, как добиться общества «работы и досуга». После кризиса глобализации у нас есть возможность двигаться дальше.

Некоторые из названий появляющихся неправительственных организаций (НПО) внушают надежду: New York Cares («Нью-Йорк заботится»), Big Brothers, Big Sisters' («Большие братья, большие сестры»), Taproot Foundation (фонд «К корням») и т. д. Профессионалы, потерявшие работу, на которой была задействована лишь часть их талантов и наклонностей, нашли применение своим невостребованным талантам и интересам. Можно вспомнить и о нью-йоркской НПО под названием Financial Clinic («Финансовая клиника»), специалисты которой объясняют малооплачиваемым работникам, как управлять финансами. Это «квалифицированные кадры» (proficians), которые могли бы влиться в прекариат, но подыскали себе более подходящую нишу.

Правительство тоже сыграло свою роль. В числе появившихся организаций — AmeriCorp, набирающая волонтеров сроком на год, Teach for America, направляющая выпускников колледжей работать учителями в школах бедняцких районов, и Volunteernyc.org — нью-йоркский сайт общественных услуг. К середине 2009 года в некоммерческих организациях США насчитывалось 9,4 миллиона служащих и 4,7 миллиона добровольцев. А фирмы разрешили своим постоянным сотрудникам

брать отпуск на выполнение общественных работ. Можно было бы говорить о рождении нового социального образца, если бы не эффект замещения. Так, в США в первом квартале 2009 года были уволены 10 тысяч юристов, и многие из них были вынуждены работать pro bono в инициативных группах за чисто символическую плату. В марте 2009 года американский Конгресс принял закон Эдварда Кеннеди «Служи Америке» (Edward Kennedy Serve America Act), представляющий собой существенную реформу программы воинской службы, начатую в 1993 году. В результате втрое выросли ряды AmeriCorp, которая в следующем году направила 7 миллионов людей на волонтерскую работу в местные общины. Этот закон мобилизовал и пожилых американцев, предложив им «новые стипендии» на «вторую карьеру» в сфере образования, здравоохранения и некоммерческого менеджмента. Обзор общественного мнения, проведенный AARP (Американской организацией пенсионеров) в январе 2009 года, в котором участвовали американцы старше 50 лет, показал, что почти три четверти представителей старшего поколения хотели бы уделять больше времени общественной работе, нежели зарабатыванию денег.

Помимо волонтерской работы есть множество других видов деятельности в сфере общественных инициатив: это и помощь соседям, и уход за нуждающимися в опеке. Большинство людей в современном обществе чувствуют, что уделяют слишком мало времени своим близким, друзьям и общине, и в случае нужды не надеются на существенную ответную помощь. Давайте считать это работой и включим это в наше ощущение занятости.

Итог: профессиональная свобода означает, что у прекариата и остальных групп будут равные возможности для выбора видов деятельности, укрепляющих ощущение профессионального роста, при этом государство не должно ставить те или иные виды работы морально или экономически выше других.

Рабочие права

Прекариат должен потребовать, чтобы инструменты так называемых трудовых прав превратили в средство продвижения

и защиты рабочих прав. Все чаще работающие люди не служат и не являются наемными работниками, и было бы неестественно придумывать для них разные названия, только чтобы они соответствовали понятию «рабочая сила». Рабочие права должны основываться на общепринятой практике договоренностей *между* работниками и *внутри* профессиональных сообществ, а также между «трудом» и «капиталом». Прекариат в этом смысле находится в невыгодном положении. Система «взаимовыгодных переговоров», которая наделила бы его голосом, подразумевает дополнительные системы коллективных переговоров между представителями работодателей и наемных работников — к этому вопросу мы еще вернемся.

Прекариат должен также потребовать создания международной системы рабочих прав, и для начала следует реорганизовать Международную организацию труда, оплот лейборизма. О том, как это сделать, говорится в другой публикации (Standing, 2010). Без надлежащего всемирного органа голос прекариата будет замалчиваться или его просто проигнорируют.

Вся работа, не являющаяся наемным трудом, должна стать областью рабочих прав. Например, если мы хотим, чтобы люди сами занялись финансовым менеджментом и самостоятельно принимали решение о том, как расходовать деньги, не дожидаясь патерналистского «подталкивания» от государства, им нужен доступ к соответствующей информации и возможность проконсультироваться с профессионалами, а также у них должно быть достаточно «качественного» времени, чтобы провести все эти переговоры.

Работа по уходу за другими все еще не относится к сфере прав, закрепленных законодательством и инструментами социальной защиты. Это жизненно важно для женщин из прекариата, учитывая, что тройная нагрузка увеличивается. Но это важно и для мужчин, поскольку все больше мужчин реализуют свой потенциал, занимаясь уходом за нуждающимися и прочими видами работы, которые трудом не являются. В этом плане программа рабочих прав должна охватывать тех, кто оказывает услуги по уходу, тех, кто ими пользуется, и посредников — все

они легко могут подвергнуться эксплуатации, принуждению и самоэксплуатации.

Работа как вид общественной деятельности также постепенно входит в правовое поле. Мы уже видели, что волонтерство и работа на общественных началах в местных сообществах стала весьма распространенной, особенно после 2008 года. Но есть риск, что она станет привилегированным видом деятельности для меньшинства и инструментом «рабочего пособия» для остальных. Более того, пенсионеры и частично занятые, выходя на рынок услуг, получают субсидии, которые предоставляются также тем, кто живет на доходы от этой работы (то есть для них она является трудом). В таком случае присутствие волонтеров уменьшает экономические возможности для прекариата.

И наконец, рабочие права включают в себя этические нормы. В каждом профессиональном сообществе следовало бы ввести такие нормы, и большинство сообществ хотели бы распространить эти нормы на своих членов. К сожалению, для некоторых важных профессий, таких как бухгалтер, этических норм давно уже не существует, что позволяет их алчной элите грести деньги лопатой, забывая об этике и унижая тех, кто ниже по рангу в этих многочисленных трудовых сообществах. Более того, очевидно, что профессии, не имеющие традиционной коллективной этики, такие как банкиры, поспособствовали возникновению финансового кризиса. Прекариат должен потребовать, чтобы этические нормы стали обязательными для всех профессиональных сообществ и для любой экономической деятельности.

Нет — рабочим и обусловленным пособиям

Пока прекариат докучает сам себе, утилитаристские демократии не обращают внимания на его проблемы. Тиранию большинства можно объяснить просто тем, что прекариат неорганизован или недостаточно заметен из-за своей разобщенности и отсутствия политического голоса. Такова нынешняя ситуация. В результате, как правило, преобладает политика, устраивающая среднего обывателя и тех, кто политику финансирует.

Чтобы с этим бороться, прекариат должен получить институциональное представительство и потребовать, чтобы политика соответствовала этическим принципам. В настоящее время существует институциональный вакуум, который пытаются заполнить несколько отважных НПО, действующих в лучшем случае спорадически.

Вспомним о рабочем пособии в том виде, как эта система устроена в США, Великобритании, Швеции, Австралии, Германии и других странах. Суть в том, что безработный должен согласиться на предложенную ему работу, иначе он лишится пособий, и не исключено, что на всю жизнь в какой-нибудь компьютерной базе наблюдения будет числиться «тунеядцем». Трудоустроенное большинство может считать, что это справедливо, хотя, если бы это касалось их самих или их детей, им бы вряд ли это понравилось. К сожалению, в ситуации утилитаризма с несправедливостью мирятся. Главное — чтобы большинство было счастливо.

Государство поручает все виды деятельности по трудоустройству коммерческим исполнителям, платит им в зависимости от того, сколько безработных трудоустроено или насколько уменьшилось количество заявок от соискателей. Товаризация того, что когда-то относилось к общественным услугам, создает несколько этических проблем. Происходит деперсонализация, до такой степени, что это уже не общественная и не услуга, а просто товаризованная деловая операция. Посредник — фирма, а в рыночной экономике у фирмы главная цель — получать прибыль.

Представим себе такой сценарий. Некий агент хочет побыстрее устроить человека на работу, чтобы увеличить собственный доход. И есть работа, крайне малооплачиваемая, на другом конце города — непривлекательное, но все же рабочее место. Человек говорит, что место ему не подходит, потому что дорого и долго добираться, из-за этого он будет задерживаться и меньше времени уделять семье, или потому что она не соответствует профессиональным навыкам, которые он долгое время осваивал. И в его анкете быстренько поставят галочку: отказался от работы.

По новым британским правилам, которые повторяют американские, если безработный три раза отказался от предложенных рабочих мест, то теряет право на пособие на три года. И этот «приговор» будет основан не на объективном разбирательстве, а исключительно на решении коммерческого агента, который одновременно и обвинитель, и судья, и присяжные — всё в одном лице. Государство счастливо, потому что претендентов на пособие меньше. Человек не может обжаловать этот «приговор», который способен осложнить его жизнь и испортить «биографию», подталкивая его к ловушке нестабильности.

Все, кто хоть что-то смыслит в принципах правосудия, возмутились бы подобной процедурой, если бы ее применили к ним самим или к их близким. Но поскольку это их не касается или до тех пор, пока эту проблему не вынесли на их рассмотрение, — а тогда они уже обязаны будут подумать над такого рода несправедливостью, — все будет продолжаться как и прежде.

Аналогичным образом британское правительство заключило договор на медицинское освидетельствование нетрудоспособных, претендующих на пособие, с фирмой под названием Atos Origin — та сразу заявила, что три четверти претендентов способны работать, а потому их пособия урезали на треть. И хотя многие претенденты на пособие, вероятно, боялись сами протестовать, в некоторых областях организовались инициативные группы, представляющие интересы претендентов, В течение нескольких месяцев поступило множество апелляций, и в 40 процентов случаев решение по ним было положительным. Врачи сказали в интервью на «Би-Би-Си», что их заставляли проводить быстрое дешевое обследование и признавать пациентов годными.

В Ислингтоне, бедном районе Лондона, действует на добровольных началах Юридический центр Ислингтона (Islington Law Centre) — по его данным, 80 процентов таких апелляций получили положительный ответ (Cohen, 2010). Деятельность подобных организаций должна стать составной частью общественной политики, субсидируемой правительством. А претенденты на пособие должны иметь своих представителей в агентствах, чтобы

снизить вероятность злоупотреблений в отношении уязвимых слоев общества. В конце концов, апелляции подавать рискованно, затратно, да и времени отнимает много. Далеко не всюду дела обстоят так, как в Ислингтоне, где есть местное сообщество юристов и активных журналистов.

Прекариат должен потребовать, чтобы прозрачные демократические принципы применялись на каждой стадии политического развития и реализации. Обусловленность и коммерциализованную социальную политику нужно отмести как чуждую принципам свободы, универсализма и уважения к мнению, отличному от мнения большинства. Если работы такие замечательные, люди сами должны к ним стремиться, их не нужно подталкивать. А если услуги так жизненно необходимы, пусть образование и доступность услуг помогут каждому ими воспользоваться.

Свобода собраний: представительство прекариата

Вспомним о природе свободы. Быть свободными — не значит делать что хочется, даже с оговоркой, что мы никому не причиним вреда. Свободным человек становится тогда, когда является частью сообщества, в котором может ее реализовать. Свобода *проявляется* в действии, это не что-то дарованное свыше или записанное на каменных скрижалях. Прекариат свободен в неолиберальном смысле этого слова, свободен конкурировать, потреблять и трудиться. Но у него нет настоящей свободы, потому что нет общественной структуры, которая могла бы противостоять патернализму или умерить жесткий конкурентный напор.

Прекариат должен обрести коллективный голос. Движение «Европервомай» всего лишь предвестник, деятельность примитивных бунтовщиков обычно предваряет коллективные действия. Теперь настало время для организаций, которые представляют прекариат на постоянной основе и возьмут на себя переговоры с работодателями, посредниками, такими как брокеры, и в особенности с государственными агентствами.

Первоочередной задачей будет получение контроля над личной сферой, это обязательное требование. Прекариат живет

в публичном пространстве, но становится объектом наблюдения, и его недемократично «подталкивают». Он должен потребовать правил, дающих право отдельным лицам знакомиться с информацией, собранной о них любой организацией, и вносить поправки в эту информацию, потребовать, чтобы фирмы уведомляли сотрудников, в том числе и надомных, о любом нарушении требований безопасности, которое их касается, потребовать, чтобы организации устраивали ежегодную проверку защищенности данных с помощью уполномоченной третьей стороны, устанавливали предельный срок хранения информации и ограничили использование профилей данных на предмет проверки поведения. Законы о защите данных и «свободе от информации» были шагом в правильном направлении, но нужно идти дальше. Нужен активный голос. Прекариат должен мобилизоваться вокруг такого важного вопроса, как защита личной сферы от посягательств и право исправлять неверную информацию.

Прекариат будет проявлять все больше недовольства состоянием окружающей среды, тем, как общество разрушает ее. Люди, отрицающие факт антропогенного изменения климата, мобилизовали крайне правых и популистов, и те стали трактовать усилия правительств ограничить загрязнение окружающей среды как заговор с целью усилить влияние государства. Прекариату следует проявить в этом вопросе мудрость. Но он напуган перспективой сокращения рабочих мест, которые подаются как источник гарантии дохода, и замедления экономического роста, который якобы улучшает их жизнь. В богатых странах прекариату объясняют, что увеличение издержек производства ускорит перенос рабочих мест в бедные страны. В развивающихся странах говорят, что меры по уменьшению энергопотребления замедлят создание рабочих мест. Всюду прекариату внушают, что он должен смириться с положением вещей. Но проблема в том, что преимущество отдается рабочим местам, а не охране окружающей среды. Чтобы это изменить, мы должны меньше зависеть от создания рабочих мест.

Голос прекариата в сфере работы и труда еще слаб. В принципе профсоюзы можно было бы реформировать таким образом, чтобы они представляли интересы прекариата. Но по ряду

причин надеяться на это не стоит. Профсоюзы борются, в том числе и с помощью лоббирования, за увеличение количества рабочих мест и за бóльшую долю в объеме производства, они хотят получить как можно больший кусок экономического пирога. Им свойственна состязательность и расчетливость. Они делают красивые жесты в отношении безработных — тех, кто занимается работой по уходу и «зелеными» вопросами. Но когда приходится выбирать между финансовыми интересами их членов и социальными или экологическими вопросами, они делают выбор в пользу финансовых интересов. Прогрессивно мыслящим людям не стоит надеяться, что профсоюзы смогут выполнять не свойственные им функции.

Новый тип коллективного органа возьмет на себя непростую задачу «взаимовыгодных переговоров» (Standing, 2009). Такие органы будут учитывать весь спектр работ и видов трудовой деятельности, которая достается прекариату, а также подумают о его социальных ожиданиях. Они должны быть способны вести переговоры непосредственно с работодателями, посредниками на рынке труда, временными агентствами и рядом государственных органов, в основном таких, которые имеют дело с системой соцобеспечения и мониторингом. Они также должны иметь возможность представлять прекариат в переговорах с другими группами рабочих, поскольку интересы прекариата отличаются от интересов салариата или кадровых работников, у которых для защиты интересов есть свои профсоюзы. И еще нужны ассоциации, которые будут способствовать социальной мобильности, с их помощью мы получим структурированные сообщества, в которых благодаря упорядоченности будет легче обеспечить мобильность, чем это делается сейчас.

Задача заключается в том, чтобы избежать неолиберальной ловушки, основанной на утверждении, что любой коллективный орган или поставщики услуг нарушают рынок и их следует сдерживать согласно антимонопольным правилам. К счастью, в некоторых странах уже появляются многообещающие модели. Одна из них — рабочие кооперативы, модернизованные с учетом требований большей гибкости.

Одна из идей Полани заключается в том, что ассоциации, помогающие «заново внедрить»(re-embed) экономику в общество после кризиса глобализации, должны допускать «диссидентство», чтобы охватить прекариат и вывести эгалитаризм на новый уровень. В этом отношении полезно вспомнить о принципах кооперации. Интересно, что до своего избрания премьер-министром Великобритании Дэвид Кэмерон собирался разрешить работникам госсектора (кроме полицейских, работников суда и пенитенциарной системы) создавать собственные организации, в виде рабочих кооперативов, для обсуждения договоров с соответствующими правительственными департаментами. Это был бы шаг в сторону современной формы социализма гильдий, поворот от «управления» профессиями к профессиональным ассоциациям. Среди трудностей, с которыми придется столкнуться, — обеспечение прозрачности, чрезмерно сложный тендер, отчетность после подписания контрактов и соблюдение правил распределения дохода, трудоустройства и внутреннего продвижения. Возникнут трудности с юрисдикцией и с регулированием взаимосвязи с другими службами. Что подобная служба будет делать с трудосберегающими техническими нововведениями?

Выступив с таким предложением в феврале 2010 года, Кэмерон привел в качестве примеров центры телефонного обслуживания (колл-центры), социальные службы, районные группы санитаров и сиделок, патологоанатомические отделения в больницах, реабилитационно-образовательную работу в тюрьмах. Этот список вызывает несколько вопросов. Насколько большой должна быть группа, чтобы называться «рабочим кооперативом»? Если все больницы государственной службы здравоохранения местного подчинения сольются в группу, возникнут проблемы с распределением дохода, ведь у этих групп совершенно разные заработки и разные технические навыки. Будут ли выплачивать доли по принципу *pro rata* — в зависимости от изначального заработка? Или решат распределять все поровну, независимо от навыков или от количества времени, затраченного на выполнение работы? Если бы кооператив был маленький,

состоял бы, скажем, только из врачей, медсестер или фельдшеров, тогда внутренние правила были бы проще, но любое внутреннее изменение могло бы иметь серьезные последствия для лиц, входящих в группу. Поэтому все изменения, предполагающие более или менее дорогие услуги, будут отклоняться или попросту не приниматься в расчет.

В интегрированной социальной службе сложности возникнут и при денежной оценке вклада конкретных ее участников. Правильно ли будет такое распределение: врачам 70 процентов стоимости медицинских услуг, а медсестрам — остальные 30 процентов? А может, пропорция должна быть 60 к 40 или 80 к 20? Можно сказать, что доли следует определять демократичным путем, и об этом правительственные департаменты могут договориться с кооперативами. Но само это утверждение наводит на мысль о потенциальной области переговоров, включая стоимость операционных издержек. Естественно, возникнут противоречия между смежными профессиональными группами. Представьте, как отреагирует вспомогательный средний медицинский персонал, если распределение их услуг разделится в пропорции 70 к 30 в пользу дипломированных медсестер! Тем не менее это предложение — шаг вперед к взаимовыгодным переговорам. Тем самым мы признаем, что существуем в третичном обществе не только как отдельные личности, но и как добровольные члены групп, сознавая свою социальную идентичность. Это возвращает нас к дружеским и «совместным» обществам девятнадцатого века и к профессиональным гильдиям.

Для нормального функционирования они должны выработать строгие правила, обеспечивая гибкость и достаточно гарантированные доходы, чтобы люди были готовы к изменениям в организации и в собственном «послужном списке». Один из недостатков старой модели гарантии дохода, на который мало обращают внимания, заключался в том, что, из-за того что пособия и доходы возрастали вместе со стажем работы в учреждении, фирме или организации, люди держались за рабочее место, даже когда по личным или организационным причинам им выгод-

ней было уйти. Золоченая клетка слишком часто превращалась в свинцовую. Кооперативный принцип достоин похвалы, но он не должен становиться очередным средством ограничения профессиональной мобильности.

Помимо кооперативов существует и другой вид представительства, который может пригодиться прекариату в союзе с временными работниками. Возможны несколько вариантов. Freelancers' Union (Союз фрилансеров), основанный «пермалансерами» (постоянными фрилансерами или временными работниками) в Нью-Йорке, предоставляет широкий спектр услуг отдельным своим членам. Другой вариант, основанный на юридической помощи, — это канадская ассоциация редакторов-фрилансеров (Standing, 2009: 271–273). Третья модель — это что-то вроде SEWA (Self-Employed Women's Association of India — Ассоциация индивидуальных предпринимательниц в Индии). Появляются и другие объединения, которым прогрессивные политики должны оказать поддержку. Они привносят новый смысл в понятие о свободе ассоциаций.

И главное, в условиях гибких рынков труда и при доминирующем государстве прекариату необходимо иметь свой голос в политических организациях. Салариат знает, как защитить себя от бюрократов и сложных административных процедур. Он может замолвить за себя слово. У прекариата такой возможности нет. Многие из этой группы находятся в нестабильном положении, жизнь некоторой части прекариата дополнительно осложняется. Например, в Великобритании из каждых пяти получающих пособие по нетрудоспособности двое страдают психическими заболеваниями. Добавим к этому малообразованных, мигрантов с ограниченным знанием языка — понятно, что в политических структурах кто-то должен представлять их интересы и защищать их. Им нужно сопротивляться, когда их несправедливо увольняют, не платят им зарплату или выдают слишком маленькое пособие, нужно разбираться с долгами и решать другие проблемы, возникающие в связи с усложняющимися процедурами, которые словно нарочно придумывают, с тем чтобы получить пособие или даже получить право на пособие было как можно труднее.

Возродить равенство

В двадцатом веке неравенство рассматривалось с точки зрения прибылей и зарплат. Социал-демократы и другие политики пытались добиться перераспределения за счет контроля над средствами производства, национализации и получения большей доли прибыли путем налогообложения — потом эту прибыль государство распределяет в виде государственных пособий и социальных услуг.

Эта модель плохо зарекомендовала себя, и социалисты в отчаянии. В сборнике статей о «переосмысленни социализма» — их авторы считают, что средства производства перекочевывают в Китай, — Барбара Эренрейх и Билл Флетчер (Ehrenreich, Fletcher, 2009) писали: «Есть у нас план, товарищи? Знаем ли мы выход из нынешней ситуации к справедливому, демократическому, устойчивому (добавьте к этому свое любимое определение) будущему? Честно признаемся: нет».

Им следует набраться мужества. Эгалитарный этос отходит на задний план. Эстафету перенимает прекариат, класс третичного общества, где средства производства неясны и рассеяны и часто в том или ином виде принадлежат самим работникам. Каждый раз период преобразований сопровождался борьбой за основные фонды того времени. В феодальных обществах крестьяне и батраки боролись за контроль над земельными угодьями и водой. В эпоху промышленного капитализма борьба шла за средства производства, фабрики, поместья и шахты. Рабочие требовали достойного труда и доли в прибылях, в обмен предоставляя контроль над трудом управляющим. Но в сегодняшнем третичном обществе прогрессивные люди будут бороться за неравный доступ к пяти основным фондам — и за неравный контроль над ними.

Обобщая, можно сказать, что эти фонды — экономическая стабильность, время, качественное жизненное пространство, знания и финансовый капитал. Прогрессивная борьба пойдет за эти пять ресурсов. Мы знаем, что элита и салариат сосредоточили в своих руках бóльшую часть финансового капитала и получают неизмеримо больший доход по сравнению со своими

предшественниками, не будучи при этом ни более толковыми, ни более трудолюбивыми. Их роскошная жизнь — пародия на меритократию. То, что они контролируют доходы от финансового капитала, означает, что они могут купить больше приватизированного качественного пространства, потеснив общественное, от которого зависят прекариат и прочие, и могут контролировать собственное время, о чем другим остается только мечтать.

Нет волшебного средства, чтобы перераспределить все эти пять основных фондов. В каждом конкретном случае потребуются институционные изменения, новые правила и переговоры. Но есть политические меры, о которых говорилось много лет и которые способны решить все эти проблемы. Далее мы рассмотрим, как прекариат может получить большую долю из этих пяти основных фондов, но прежде давайте определимся с главной идеей и дадим ей этическое обоснование.

Базовый доход

Это предложение уже становилось темой демонстраций прекариата и уже давно обрело множество достойных сторонников. Оно проходило под разными названиями, самое популярное — «базовый доход», но некоторые включают сюда также «гражданские гранты», «социальные дивиденды», «гранты солидарности» и «демогранты». И хотя мы будем использовать далее наиболее популярное название, предлагаемый далее вариант учитывает две желанные цели, которые до сих пор не обсуждались.

Суть этого предложения в том, что каждому человеку, законно проживающему в стране или в местном сообществе, не только взрослым, но и детям, следует предоставить скромное денежное вспомоществование. Каждому выдадут платежную карту, с которой он будет ежемесячно снимать сумму, необходимую для удовлетворения основных нужд, и тратить эти деньги по собственному усмотрению. При этом некоторые, например недееспособные, будут получать надбавки — для особых нужд. Для большинства экономически развитых стран это нововведение будет не столь радикальным, как может показаться, поскольку

это позволит объединить уже существующие схемы выплат и заменить те, которые оказались слишком сложными и грешат предвзятостью.

Такой базовый доход полагается каждому человеку, а не группе потенциальных конкурентов, например «семье» или «домохозяйству». Он будет универсальным в том плане, что будет выплачиваться всем законно проживающим на территории — с испытательным периодом для мигрантов, по прагматическим соображениям. Выплаты будут производиться наличными (что позволит получателю самому решать, как их лучше потратить), а не в патерналистской форме, такой как талоны на продовольствие или другие заранее предусмотренные нужды. Это обеспечит свободу выбора без какого-либо «подталкивания». Эти выплаты должны быть незыблемыми — государство сможет отобрать их только в том случае, если человек больше не проживает в стране на законных основаниях или совершил преступление и в качестве наказания лишается таких выплат. Выплачивать его будут *регулярно* в виде скромной суммы, а не разовой крупной выплаты, как это предусмотрено программами "baby bond" («детский капитал») или "stakeholder grant" («посреднический капитал») британского Детского трастового фонда (Child Trust Fund), — эти программы вызывают справедливые нарекания, поскольку маленькие дети не могут самостоятельно сделать выбор в пользу этих программ (Wright, 2006).

Такие гранты не будут обусловлены определенным поведением. В случае подозрительного поведения есть законы, суды и соответствующие процедуры, которые и призваны с этим разбираться. Не следует их смешивать с политикой предоставления основных гарантий безопасности. Если же эти вопросы смешивать, не будет ни гарантии стабильности, ни справедливости. В принципе денежные переводы способствуют большей свободе, они обеспечивают экономическую безопасность, основу, при которой человек может выбирать, как ему дальше жить и развивать свои способности. Бедность лишает человека такой свободы, а не только не дает ему нормально питаться, одеваться и жить в сносных условиях. Навязывать ему условия, нормы

поведения или, например, заранее определять, что он должен покупать, — это закабаление. Если принять это как норму, что остановит политиков от следующего шага? Они могут решить, будто «знают», что лучше для малообеспеченных и малообразованных. Сторонники обусловленности выставят еще больше условий и будут действовать все жестче, пока не дойдут до принудительных и карательных мер. Базовый доход — это шаг в противоположном направлении.

Базовый доход не совсем то же самое, что негативный подоходный налог, с которым его часто сравнивают. Он не создает ловушку бедности, когда с увеличением дохода человек утрачивает право на пособие, что действует как сдерживающий стимул для труда. Человек будет получать базовый доход независимо от того, много ли он зарабатывает, независимо от его семейного статуса. Все доходы от заработка будут облагаться налогами, как обычно. Если же государство пожелает ограничить накопление капитала у очень богатых, оно может это сделать за счет повышения налога на высокие доходы.

Возражения против базового дохода активно обсуждались, особенно в международной сети, созданной в 1986 году специально для того, чтобы обеспечить возможность дебатов. Изначально она называлась BIEN (Basic Income European Network — Европейская сеть базового дохода), затем в 2004 году на съезде в Барселоне полное название заменили, теперь BIEN расшифровывается как Basic Income Earth Network — Всемирная сеть базового дохода, новое название отражает тот факт, что в ней становится все больше членов из развивающихся стран и других государств за пределами Европы. К 2010 году у нее были национальные сети во многих странах, включая Бразилию, Канаду, Японию, Мексику, Южную Корею и США, а также в Европе.

Главные возражения против необусловленного базового дохода заключаются в том, что он может снизить приток рабочей силы, вызвать инфляцию, окажется не по силам государству, что его возьмут на вооружение популисты и он окажется чем-то вроде «подачки» лодырям и лишним бременем для трудящихся. На все это можно найти ответы в выпускаемых BIEN книгах и брошю-

рах и в других научных трудах. Однако, думая о преимуществах базового дохода для прекариата с точки зрения основных фондов (и о том, какой ценой за это придется платить), мы можем дать кое-какие ответы на критику.

С философской точки зрения базовый доход можно представить как «социальные дивиденды», возвращение прошлых инвестиций. Те, кто критикует его, считая, что это раздача чего-то просто так, ни за что, скорее всего, сами получили многое просто так — может, унаследовали состояние, большое или маленькое, неважно. И это подводит нас к мысли, которую еще в 1795 году изящно сформулировал Томас Пейн (Paine, 2005) в своей работе *Agrarian Justice* («Аграрная справедливость»). Каждый богач в каждом обществе живет в достатке благодаря стараниям своих предков и предков тех, кто беднее его. Если каждый получит базовый доход, с помощью которого сможет развивать свои способности, то это будет равноценно дивидендам от стараний и успехов наших предшественников. Прекариат имеет такое же право на эти «дивиденды», как и остальные.

Правильным шагом в сторону базового дохода могла бы стать интеграция систем налогообложения и пособий. В 2010 году в Великобритании ощущалось некое движение в направлении базового налога, причем этот посыл возник с неожиданной стороны. В планах относительно радикальной реформы системы налогообложения и выплаты пособий коалиционное правительство признавало, что система из 51 пособия, разработанная прошлым правительством (право на получение многих пособий признавалось по разным критериям), слишком запутанна и чревата моральными рисками, связанными с нищетой и ловушками безработицы. Объединение государственных пособий в два: Universal Work Credit и Universal Life Credit — способствовало бы интеграции налогообложения и пособий и позволило бы более упорядоченно отменять пособия, когда трудовой доход возрастает. Интеграция могла бы создать подходящие условия для введения базового дохода. К сожалению, министра труда и пенсий, католика, уговорили «подтолкнуть» получателей пособий к труду: он ввел рабочие пособия и раз-

решил коммерческим посредникам контролировать их выдачу. Но интеграция была бы шагом вперед, к перестройке системы социальной защиты на универсальной основе.

Перераспределить гарантии

Гарантии бывают нескольких видов: социальные, экономические, культурные, политические и т. д. Нас в данном случае интересует экономический аспект. Хроническая незащищенность сама по себе не представляет ничего хорошего, и к тому же плохо сказывается на развитии способностей и личности в целом. Если бы все это понимали, тогда у нас была бы стратегия, направленная на обеспечение основной защиты. Прекариат волнуется именно потому, что страдает от системной незащищенности.

Человек может быть чересчур защищен или почти не защищен. Если он не чувствует себя в безопасности, в его действиях преобладает иррациональность, а если защищен чрезмерно — становится беззаботным и безответственным. Уделять слишком много внимания безопасности не прогрессивно, это мешает любым изменениям и оправдывает регрессивный контроль. Однако основные гарантии экономической безопасности помогают преодолеть экзистенциальную неуверенность (когда мы беспокоимся о своих близких, о собственной безопасности и здоровье и т.п.) и неуверенность в развитии (когда мы хотим развивать свои способности и жить в более комфортных условиях, но все это связано с рисками). А ощущение стабильности нужно для того, чтобы мы могли рационально мыслить, проявлять терпимость и сострадание. Основная безопасность должна быть гарантированной, это не то, что можно отнять по чьей-то прихоти.

Утилитаристы и неолибералы не признают, что людям, для того чтобы они вели себя осознанно, в соответствии с усвоенными принципами, нужна универсальная экономическая безопасность. Для них неудачники в рыночном обществе — это некий коллективный «другой». Думая о группе людей под названием «бедные», они их в равной мере и жалеют, и клеймят позором.

«Они» заслуживают (или не заслуживают, или напрашиваются), чтобы им великодушно помогли, перевоспитали или наказали, в зависимости о того, какой приговор мы, правильные люди, им вынесем. Разговор о «бедных» — это разговор о жалости, которая сродни снисхождению, как учил Дэвид Юм. «Они» не такие, как «мы». Прекариат возражает: «они» — это мы, любой из нас может когда-нибудь оказаться на их месте.

Говоря об универсальной основной защищенности, попробуем подумать не о жалости, а о социальной солидарности и сострадании. Социальные гарантии подразумевали защищенность в индустриальном обществе. Сейчас это не работает, да и тогда толком не работало. Но принцип гарантий, основанных на солидарности, заслуживает одобрения. Он как-то затерялся в великом множестве планов по выкорчевыванию «недостойных». К чему вспоминать о нем, если 0,5 процента населения — лентяи? Должна ли политика учитывать эти 0,5 процента или думать лишь о безопасности и свободе остальных 99,5 процента, чтобы обществу жилось поспокойней, без лишних тревог? Многие планы политического контроля, придуманные политиками, их советниками и бюрократами, очевидно для того, чтобы, играя на предрассудках, получить побольше голосов, на самом деле затратны и по большей части контрпродуктивны. Налогоплательщикам обойдется намного дороже заставить нескольких нерадивых людей заняться непроизводительным трудом, чем просто оставить их в покое, если те действительно этого хотят. Куда полезней было бы предложить не заинтересованным в работе совет — но как услугу, а не как плохо завуалированную санкцию.

Подавляющее большинство не станет довольствоваться одним лишь базовым доходом. Они хотят работать и рады возможности улучшить свое материальное и социальное положение. Набрасываться на крошечное меньшинство из-за их «лености» — это знак нашей слабости, а не доблести. В этом отношении заслуживает внимания небольшой эксперимент, проведенный на лондонских улицах в 2010 году. Результат получился очень трогательный. Нескольких бездомных бродяг спра-

шивали — каждого по отдельности, — чего бы им больше всего хотелось. Желания их оказались весьма скромными, соответствующими их положению. Каждому сразу вручили необходимую сумму, позволяющую воплотить мечту в жизнь. Через несколько месяцев выяснилось, что все они подыскали себе жилье и уже не были бременем для местных властей. Экономия для налогоплательщиков при выплате этих денег оказалась в 50 раз больше самой выданной суммы.

Базовая защищенность, во-первых, предполагает некоторую, но не полную, *неопределенность*, во-вторых, уверенность, что, если что-то пойдет не так, есть доступные и с поведенческой точки зрения приемлемые способы с этим *справиться*; и в-третьих, это доступные и с поведенческой точки зрения допустимые способы *оправиться от пережитого* потрясения или урона. В рыночном обществе с обусловленными трудовыми пособиями, затратными частными возможностями и небольшой социальной мобильностью таких условий нет, и их следует создать. Для начала прекариату следует помочь избавиться от неуверенности, поскольку эти люди сталкиваются с «непонятным и неизведанным».

Необходимость многоуровневой безопасности *ex ante*, то есть предполагаемой (в противовес безопасности *ex post*, то есть осуществленной, которую дает социальное страхование, имеющее дело со специфическими вероятными рисками), — одна из причин, почему справедливое общество будущего должно предусмотреть необусловленный базовый доход. Богатым политикам, которые всю жизнь живут на частном обеспечении, следует сказать, что каждый заслуживает «жизненного обеспечения», не только они сами. Все мы зависим от других или, точнее, мы все взаимозависимы. Это естественное состояние человека, и ничего плохого или опасного в этом нет. И обеспечивая другим людям, таким же как мы, базовую безопасность, не следует выставлять при этом каких-то условий или требовать от них «приличного» поведения. Если какое-то поведение неприемлемо, с этим должны разбираться правоохранительные органы, на то есть закон. А связывать социальную

защиту с некими условиями — это все равно что обходить законы, которые предположительно одинаковы для всех.

Базовая защищенность почти универсальная человеческая потребность и заслуживает того, чтобы стать целью государственной политики. Попытка сделать людей «счастливыми» — это манипуляторская уловка, тогда как обеспечение основ безопасности создало бы необходимые условия, чтобы каждый мог заняться осуществлением собственной мечты о счастье. Базовая экономическая безопасность также выгодна в плане влияния на другие аспекты жизни. Неуверенность порождает стресс, который негативно сказывается на способности сосредоточиться и учиться, в частности затрагивая отделения мозга, отвечающие за кратковременную память (Evans, Schamberg, 2009). Поэтому для обеспечения равных возможностей мы должны стремиться уменьшить различия, касающиеся незащищенности. И что еще важнее, психологи доказали, что люди, чувствующие себя относительно защищенными, намного более терпимы к окружающим и проявляют больше альтруизма. Именно хроническая социоэкономическая незащищенность приводит к распространению идей неофашизма в экономически развитых странах, сталкивающихся с понижением жизненного уровня в связи с глобализацией.

Это подводит нас к первой возможной разновидности предложенного базового дохода (см. также: Standing, 2011). Мы знаем, что глобализованная экономика способствует усилению экономической нестабильности, ей свойственно непостоянство, а прекариат никак не застрахован от колебаний экономической незащищенности. Значит, нужна стабильность доходов и автоматические экономические «стабилизаторы». Такими стабилизаторами раньше были пособие по безработице и другие социальные выплаты, но их поток иссяк. Если рассматривать базовый доход как «грант экономической стабилизации», это был бы эгалитарный способ уменьшить экономическую нестабильность. Это средство более действенное и справедливое, нежели обусловленная денежная и фискальная политика, а также все жалкие субсидии, которые приводят к безынициативности и неэффективному распределению ресурсов.

Денежное выражение карточки базового дохода может изменяться в зависимости от экономической ситуации — в противофазе циклу. Когда возможностей для заработка много, его ценность может быть меньше, а во время рецессии его можно повысить. Избежать политических злоупотреблений можно, предоставив устанавливать уровень базового дохода независимому органу, в котором среди прочих будут представители прекариата. Это было бы эквивалентно квазинезависимым валютно-кредитным организациям, созданным в последние годы. Он будет уполномочен увязывать основную ценность гранта базового дохода с экономическим ростом, а дополнительную ценность — с циклической ситуацией в экономике. Суть в том, чтобы перераспределить базовую защищенность от тех, у кого ее «слишком много», к тем, у кого ее мало или вовсе нет.

Перераспределение финансового капитала

Есть много способов выплаты базового дохода, или стабилизирующих грантов. Дела обстоят таким образом, что такого неравенства, как сейчас, не наблюдалось уже давно, а во многих странах вообще никогда. Ничто не указывает на то, что подобное неравенство необходимо. И основная причина этого — высокая прибыль финансового капитала. Прекариат должен получить свою долю.

В экономически развитых странах правительства упустили возможность уменьшить неравенство после кризиса банковской системы. Когда они брали на поруки банки с денежками граждан, они могли бы учесть интересы своих граждан, потребовав ввести лиц, представляющих общественные интересы, в советы директоров всех банков — или всех банков, получающих государственную помощь. Когда банки вновь начали извлекать прибыль, можно было бы поделиться частью с народом, который так хорошо инвестировал в эти банки. Еще не поздно сделать что-то в этом роде.

Тут могут помочь две реформы. Во-первых, субсидии капиталу и труду следует свернуть. Они не помогают прекариату

и не соответствуют принципам равенства. Если бы половину денег, потраченных на поддержку банков, направили на гранты экономической стабилизации, это на долгие годы обеспечило бы каждому гражданину достойные ежемесячные гранты (Standing, 2011). Остальные субсидии неэффективны и только вносят неразбериху.

Во-вторых, нужно найти способы перераспределить часть огромных прибылей финансового капитала — прибылей, которые никак не связаны с трудозатратами тех, кто сейчас преуспевает благодаря удобной стратегической позиции в глобальной экономике. На каком основании люди с некими конкретными навыками — почему-то всегда считается, что это именно навыки, — живут куда лучше в материальном плане, чем другие, у которых другие навыки?

Богатые страны должны смириться с ролью экономических рантье. И ничего страшного, если они инвестируют капитал в развивающиеся рыночные экономики и будут получать честные дивиденды от этих инвестиций. Эта сторона глобализации могла бы дать толчок развитию ситуации обоюдного выигрыша, но только если часть дивидендов будет распределяться среди граждан и резидентов инвестирующей страны.

Фонды национального благосостояния (или капитала), которые уже существуют в 40 странах, позволят это осуществить. Если доход, накапливающийся в этих фондах, поделить, прекариат получит средства, чтобы контролировать свою жизнь. Пусть экономисты говорят, что рабочие места переходят в неторгуемые сектора. Зато мы знаем, что большая часть работ, видов деятельности — торгуема. Ждать, что рабочие места будут средством уменьшения неравенства, — значит тратить время понапрасну. Рабочие места не исчезнут. Несогласны с этим только те, кто верит, что «количество работы строго ограничено», а это большое заблуждение. Но многие работы, если не большинство, будут малооплачиваемыми и нестабильными.

Фонды капитала следует использовать так, чтобы накапливать доходы, помогающие выплачивать базовый доход. Уже есть прецеденты. В 1976 году был создан Перманентный

фонд штата Аляска (Alaska Permanent Fund), целью которого было распределение прибыли от добычи нефти среди всех лиц, проживающих на Аляске на законных основаниях. Он и сейчас продолжает этим заниматься. Это не идеальная модель, поскольку при распределении средств могут быть в какой-то степени ущемлены те, кто относится к прекариату, или завтрашние аляскинские жители в сравнении с сегодняшними. Но, как и Норвежский фонд (Norwegian Fund), он представляет собой ядро механизма капитального фонда, которое можно использовать для финансирования скромного базового дохода — под любым его названием.

Прекариат также может выиграть от так называемых налогов Тобина, системы налогообложения, которая должна уменьшить валютные спекуляции на финансовом рынке. Не все согласны, что уменьшение потоков краткосрочного капитала будет выгодно в каждом конкретном случае. К тому же есть экологические налоги, призванные компенсировать внешние последствия, вызванные загрязнением окружающей среды, и замедлить или прекратить истощение природных ресурсов. Короче говоря, нет причины полагать, что идея универсального базового дохода неосуществима.

В международном масштабе многообещающей выглядит недавняя легитимизация денежных переводов для помощи в целях развития. Сначала она была предложена и принята в виде краткосрочных планов для исправления послекризисных ситуаций, таких как землетрясения или наводнения. Позже, как отмечалось ранее, обусловленные планы денежных переводов получили распространение в Латинской Америке. На них обратили внимание спонсоры и гуманитарные организации. Денежные переводы, «очищенные» от фальшивой обусловленности, могли бы стать основной формой помощи, такой, которая способствует повышению жизненных стандартов и не служит реакционным и вредоносным целям.

Нам необходимо заново и как следует подумать о глобальном перераспределении дохода. В своей книге *The Birthright Lottery* («Лотерея права по рождению») правовед Аелет Шакар

(Schachar, 2009) предлагает перераспределять гражданский налог в экономически развитых странах, направляя его жителям бедных стран, поскольку рассматривает материальные преимущества гражданства как собственность, как наследство. Эта мысль сродни идее Пейна и выглядит слишком утопичной, чтобы можно было немедленно воплотить ее в жизнь. Но в ее основе понимание того, что гражданство не является естественным правом, поскольку границы устанавливаются произвольно. Это заставляет задуматься о связи между целевыми налогами и их перераспределением через базовые денежные переводы — в пользу тех, кому «не посчастливилось» родиться в бедных регионах мира. Единственное, почему эта идея кажется сейчас утопичной, — потому, что глобализующееся рыночное общество предполагает, будто все мы должны быть зацикленными на себе эгоистами, а не гражданами мира.

Итак, можно без колебаний сказать, что есть способы движения фондов в направлении базового дохода и в экономически развитых, и в развивающихся странах. Это требование политическое, и, если прекариат сможет оказать достаточное влияние на политический процесс, только тогда возможность станет реальностью. К счастью, пока он пытается повлиять, появляется все больше свидетельств благотворного влияния базовых денежных переводов в странах, где еще несколько назад введение базового дохода казалось делом неосуществимым.

Как получить контроль над временем

Базовый доход позволит людям лучше контролировать свое время. И это будет ответом либеральным патерналистам. Они уверены, что люди не могут принимать рациональные решения, потому что на них обрушивается огромный вал информации. В таком случае нужна политика, дающая возможность людям находить больше времени на принятие обоснованных решений. Людям также нужно больше времени для «работы ради работы» и для других форм работы, которая не является трудом. Нам нужно сбавить темпы. Нам необходимо движение «за медленное

время» аналогично движению за «медленное питание» в противовес фастфуду; все это относится к сфере местных интересов.

Но существует очень мало рычагов, которые бы заставили людей замедлить темпы. Вместо этого финансовая и социальная политика «вознаграждает» труд и наказывает тех, кто предпочитает меньше трудиться. Тех, кто склонен меньше трудиться, наказывают вдвойне: помимо того что они меньше зарабатывают, их еще и лишают так называемых социальных прав, таких как пенсии.

Базовый доход, не связанный с трудовой деятельностью, является детоваризацией в том смысле, что он предоставит людям больше возможностей существовать вне рынка и меньше подвергаться принуждению к труду. Но при этом может возрасти объем работы, поскольку людям будет проще вливаться в рынок труда и выходить из него. Другими словами, объем работы может возрасти, но при этом люди будут чувствовать себя более защищенными и независимыми от диктата рынка. Базовый доход позволит гражданам охотнее соглашаться на низкие зарплаты, но при этом более уверенно вести переговоры. Если они решат, что некая сумма — это все, что может себе позволить потенциальный работодатель, тогда они согласятся на эту работу, поскольку им есть на что жить.

Необходимо вернуть контроль над временем, которое очень ценно. Нам нужно время, чтобы принимать решения по рискованным операциям. Некоторые либеральные патерналисты заявляют, что образование не является гарантией принятия правильных решений, оправдывая тем самым «подталкивания» и политику кнута, завуалированного под пряник. Однако в Великобритании опрос общественного мнения показал, что инвесторы считают нехватку времени главным препятствием для проведения рискованных операций (Grene, 2009). О рисках можно предупредить, чтобы люди сделали рациональный выбор. Врачи могут объяснить пациентам, в чем заключается риск, — тогда пациент сделает «выбор на основе информации». Нужно знакомить людей со статистикой. Специалистам по финансовым услугам следовало бы принять более широкое определение

риска и вместе с потребителями искать наиболее рациональные решения с помощью «средств распознавания рисков и оповещения о них». Суть в том, что людям нужно время на то, чтобы взвесить риски, при условии что необходимая информация станет доступной.

И тут следует вспомнить о самой страшной ловушке нестабильности. Прекариат сталкивается с нехваткой времени в связи с уменьшением прибыльности труда и оттого, что вынужден больше работать ради работы и для воспроизводства, отчасти потому, что не может за деньги поручить это другим. Не уверенные в завтрашнем дне, «выжатые как лимон», эти люди взваливают на себя дополнительную «работу ради работы», так что в результате даже не могут переварить и правильно использовать информацию, которая на них обрушивается. Базовый доход позволит им лучше контролировать свое время и таким образом поможет принимать более обоснованные решения.

Нужно общественное пространство

И наконец, мы сталкиваемся с неправильным распределением качественного общественного пространства. Эта проблема имеет два аспекта. Специалисты бьют тревогу из-за глобального потепления, загрязнения окружающей среды и исчезновения некоторых видов животных и растений. Однако бóльшая часть элиты и верхушки салариата этим ничуть не озабочена. Их богатство и связи выручают и в этом случае. Они могут удалиться на уединенный остров или в горное шале и наслаждаться девственной природой. Им нужны высокие показатели экономического роста, чтобы увеличивать свои доходы, они не обращают внимания на то, что производство наносит вред окружающей среде и ведет к истощению ресурсов. И только прекариат, по-настоящему «зеленый» класс, заинтересован в более эгалитарном обществе, где предпочтение отдается совместному использованию и репродуктивной, ресурсосберегающей деятельности. Быстрый экономический рост нужен только для сохранения чудовищного неравенства, порожденного глобализацией. Нам нужно замедлить темпы не

только для того, чтобы уменьшить стресс от бешеного труда и потребления, но и ради сохранения природы.

Прекариат должен также бороться за общественное пространство, ему нужна качественная общественнаятерритория. Может быть, самым показательным поступком бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер — этого архитектора неолиберализма, столь почитаемого ее преемниками Тони Блэром и Дэвидом Кэмероном, — стала массовая продажа муниципального жилья и игровых и прочих площадок, прилегающих к государственным школам. Это привело к сокращению общественного пространства для малообеспеченных граждан и резидентов.

Три десятилетия спустя, в 2010 году, эта политика достигла своего апогея: был введен режим экономии. Сотни публичных библиотек были закрыты, аналогичный процесс ранее начался в США. А прекариату эти общественные места просто необходимы. Финансирование спорта в школах сейчас под угрозой из-за сокращения бюджетных расходов, от этого могут зачахнуть школьные секции и кружки. Другие общественные площадки закроются или станут слишком дорогими. Городское зонирование станет более системным. Продажа муниципального жилья привела к нехватке доступного жилья для малообеспеченных жителей городов и поселков. Квартплата за частное жилье выросла, в связи с чем увеличились пособия на жилье для лиц с низким доходом. Когда правительство искало способ сэкономить бюджетные средства, оно первым делом обратило внимание на жилищные пособия. Планировалось ограничить уровень пособия до 30 процентов платы за самое дешевое жилье в районе и ограничить сумму, которую может получать семья. Эти реформы неизбежно вытеснят малообеспеченных из районов с дорогим жильем и высоким уровнем жизни: мэр Лондона, консерватор, назвал это «социальной чисткой», а архиепископ кентерберийский — «социальным зонированием».

Как ни печально, но это сделает рынок труда более хаотичным. Малообеспеченные люди с относительно низким уровнем образования будут сосредоточены в малодоходных местностях, а возможностей получить работу будет больше в местностях

с высоким доходом. Очаги бедности и безработицы превратятся в своего рода гетто, подобно тому как *banlieues* в Париже стали рассадниками нищеты, незащищенности, безработицы и преступности или как это было в ЮАР при апертеиде, когда городские поселения разделялись на огороженные зоны с охраняемыми воротами.

Прекариату нужны также более безопасные общественные пространства, чтобы собираться и общаться. Нужно возродить публичную сферу. Социолог и философ Юрген Хабермас, жалуясь на фрагментацию публичной сферы, с ностальгией вспоминал о лондонских кофейнях девятнадцатого века, парижских салонах и немецких «застольях». Он считал, что публичную сферу уничтожили социальное государство, средства массовой информации, службы по связям с общественностью, а также неправильная парламентская политика политических партий. Может, не случайно говорят, что, как только у нас появятся хорошо информированные обитатели кофеен, демократия возродится?

Но в этом что-то есть: хотя прекариат кучкуется в современных кофейнях, пабах, интернет-кафе и в социальных сетях, остается *совещательный* дефицит. Хабермас говорил, что Интернет порождает анархическую волну фрагментарных потоков коммуникации, не образующих публичной сферы. И это довольно точно подмечено. Но это слишком пессимистичный взгляд. Пусть прекариат имеет фрагментарную публичную сферу, но он будет бороться за такую, которая позволит возродить совещательную демократию. И базовый доход поможет даже в этом.

Гранты на досуг

Тревожный аспект общества рабочих мест — то, что мы перестали ценить досуг в древнегреческом понимании этого слова, как *школу*. Это обесценивание происходит на фоне гражданского приватизма — отхода от общественной деятельности — и индивидуализма, основанных на грубом материализме. Для оздоровления общества и для нашего же блага нам нужны механизмы, позволяющие повернуть эту тенденцию вспять.

Истончение демократии, товаризация политики и засилье паблик-рилейшнз и денег элиты могут привести к укреплению тирании большинства и нездоровому очернению нонконформизма. Чтобы этого избежать, прекариату нужны механизмы создания *совещательной* демократии. Это послужит утверждению ценностей универсализма и альтруизма, поскольку позволит людям мыслить незашоренно, «с чистого листа», а не исходя из отведенного им места в социальной и экономической иерархии. Однако совещательная демократия требует активного участия, которого нельзя ожидать от растерянных людей, сидящих на жесткой диете обрывочных фраз и банальностей. Она требует обсуждений, зрительного контакта, языка жестов, возможности слушать и размышлять.

В древних Афинах с помощью специальной каменной плиты — она называлась клеротерион — из 50 тысяч граждан выбирали методом жеребьевки 500 человек, которым и доверяли заниматься политикой. Это было недемократично, поскольку женщины и рабы в жеребьевке не участвовали. Но это очень похоже на совещательную демократию. Исследования, проведенные Джейсмом Фишкином (James Fishkin), Брюсом Аккераманом (Bruce Ackerman) и другими, показывают, что публичные обсуждения часто помогают отвлечь людей от популистских идей. Один эксперимент в пострадавшем от рецессии Мичигане привел к поддержке повышения налогов, более конкретно — к повышению подоходного налога с 27 до 45 процентов. При таких экспериментах самые серьезные перемены предлагали наиболее осведомленные. Это не означает, что перемены всегда нужны. Но это указывает на то, что обсуждение имеет значение. Проведенные ранее психологические эксперименты показали, что люди, чувствующие себя относительно защищенными в экономическом плане, больше готовы к самопожертвованию, терпимы к другим и больше стремятся к равноправию, а групповое обсуждение связанных с этим вопросов заканчивалось тем, что участники еще активнее поддерживали идею о базовых гарантиях безопасности для всех (Frohlich, Oppenheimer, 1992).

Некоторые предлагают использовать Интернет для обеспечения совещательной демократии посредством голосования. К Интернету уже прибегали в современной Греции, а также в Китае для решения некоторых вопросов — в Китае, например, по поводу устройства местного инфраструктурного фонда в городке Цзэгуо. Считается, что это самый безопасный клапан для снятия социального напряжения. Однако хоть использовать Интернет и заманчиво, он не заменит физического присутствия в общественном месте, когда можно по-настоящему сосредоточиться.

Таким образом, стоит подумать о промежуточном варианте грантов базового дохода, который поможет отвлечь прекариат от популизма. Нужно сделать так, чтобы каждый получал право на грант базового дохода, только если зарегистрируется как электорат, согласится голосовать на общегосударственных и местных выборах и по крайней мере раз в год участвовать в одном местном собрании, посвященном обсуждению главных политических проблем. Присутствие на собрании не должно быть юридически обязательным, с санкциями за невыполнение, это будет просто акт признания гражданской ответственности, что соответствует этосу освободительного эгалитаризма.

Даже без особых на то усилий базовый доход может стать инструментом для поощрения совещательной демократии. Слабеющая демократия с легкостью идет на поводу у элит или популистов. Если демократическое правление менее коррумпировано, чем недемократическое, как утверждает организация Transparency International, тогда меры, направленные на коллегиальность, укрепят демократию. А учитывая линейную связь между степенью демократии и коррупцией, это уменьшит коррупцию. Если участников мало, то, вероятнее всего, победят «надежно окопавшиеся» кандидаты. Прекариат и «квалифицированные кадры» (proficians), учитывая их кочевой образ жизни, вероятнее всего, будут тянуться к политикам, на которых можно положиться. На многих выборах результат определяют те, кто не голосует. И в этом нет ничего хорошего.

Гранты для работы и досуга можно связать с новым оживлением «локализма» — «местного патриотизма». Призыв вернуться

назад под знаменем «постбюрократической эпохи», выглядит заманчиво, он в почете и у социал-демократов, и у консерваторов. В Великобритании хитрые консерваторы придумали понятие Большое общество (Big Society) — эвфемизм, объединяющий местный патриотизм с увеличением роли гражданского общества и добровольного труда. «Мозговой центр» демократов в брошюре «Либеральная республика» (*The Liberal Republic.*Reeves, Collins, 2009) также подчеркивает значение местного патриотизма, поскольку «человек сам творец своей жизни», а индивидуальная автономия — главное для достижения собственной версии хорошей жизни.

Но будут и трудности. Местный патриотизм может сопровождаться социальным зонированием, когда одни области будут богатеть за счет других, пренебрегая не просто индивидуальной автономией, но и свободой ассоциаций. И прекариат сильно пострадает, если заправлять гражданским обществом станут богачи и люди с хорошими связями. Местный патриотизм может привести к еще большему патернализму. Его уже связывают с мерами по распространению «стимулирования социального поведения». Суть в том, чтобы разрешить гражданам голосованием решать вопрос о том, как потратить деньги района в обмен на волонтерскую работу или посещение собраний общественности. Такая форма обусловленности представляет угрозу принципам демократии. Право голоса универсально и должно служить укреплению совещательной демократии, а не созданию инсайдеров и аутсайдеров. Более того, локализм имеет успех только в том случае, если люди занимают активную гражданскую позицию, и было бы куда полезнее связывать право на получение гранта с моральным выбором в пользу участия в демократической деятельности.

Идея, которая должна понравиться сторонникам прогресса: поднять уровень голосования, имея в виду, что там, где это произойдет, увеличится вероятность поддержки либеральных или прогрессивных ценностей. В Бразилии голосование обязательное, может быть именно поэтому неолиберализм не получил там большой поддержки. Массы бедняков, которые платят небольшие налоги, но взамен получают государственные пособия, выну-

ждают политиков двигаться влево в социальной политике. Поэтому прогрессивные люди должны думать об увеличении явки избирателей, а этому поспособствуют досугово обусловленные гранты. Может быть, благодаря обязательному голосованию Бразилия предложила ввести базовый доход раньше других стран и осуществила это намерение в 2004 году.

В истории уже был прецедент, позволявший связать участие в политической жизни с грантами базового дохода. В 403 году до нашей эры в Афинах гражданам выдавали небольшую субсидию за участие в жизни полиса. Получить ее было почетно, тем самым гражданин брал на себя ответственность за участие в общественных делах.

Подытоживая сказанное

Пройдет немного времени, и прекариат обнаружит, что у него гораздо больше друзей. Стоит вспомнить знаменитое предостережение, приписываемое пастору Мартину Нимёллеру (Martin Niemöller). Он сказал это о нацизме, набиравшем силу в Германии 1930-х годов.

Сначала они пришли за коммунистами, я смолчал, потому что не был коммунистом.

Потом они пришли за тред-юнионистами, я смолчал, потому что не состоял в профсоюзе.

Потом пришли за евреями, я смолчал, потому что я не еврей.

Потом пришли за мной, но некому было заступиться за меня.

Это предупреждение особенно важно, поскольку демагоги вроде Берлускони, авантюристы вроде Сары Пэйлин и неофашисты сбивают с пути опасный класс. Пока правоцентристы все больше сдвигаются вправо, чтобы удержать свой электорат, политический левоцентризм сдает позиции и теряет голоса. Он рискует потерять доверие у нового поколения. Слишком долго он представлял интересы «труда»

и отстаивал отмирающий образ жизни и отживающий свое способ деятельности. Прекариат — новый класс, и, пока прогрессивное человечество не предложит политику рая, этот класс будет слушать голоса сирен, заманивающих общество на опасные скалы. Центристам придется объединиться и поддержать новый прогрессивный консенсус, потому что другого выхода нет. И чем скорее они объединятся, тем лучше. Прекариат не жертва, не злодей и не герой — это просто люди, такие же как большинство из нас.

Aguiar, M. and Hurst, E. (2009), *The Increase in Leisure Inequality*, 1965–2005, Washington, DC: AEI Press.

Amoore, L. (2000), 'International Political Economy and the Contested Firm', *New Political Economy*, 5(2): 183–204.

Arendt, H. (1958), *The Human Condition*, Chicago, IL: University of Chicago Press.

Arendt, H. ([1951] 1986), *The Origins of Totalitarianism*, London: André Deutsch.

Asthana, A. and Slater, C. (2009), 'Most Parents Can't Find Enough Time to Play with Their Children', *Observer*, 2 August, p. 17.

Atkins, R. (2009), 'Europe Reaps the Rewards of State-Sponsored Short-Time Jobs', *Financial Times*, 29 October, p. 6.

Autor, D. and Houseman, S. (2010), 'Do Temporary-Help Jobs Improve Labor Market Outcomes for Low-Skilled Workers: Evidence from "Work First"', *American Economic Journal: Applied Economics*, 3(2): 96–128.

Bamford, J. (2009), *The Shadow Factory: The Ultra-Secret NSA from 9/11 to the Eavesdropping on America*, New York: Doubleday.

Bennett, C. (2010), 'Do We Really Need Advice on How to Deal with Boomerang Kids?' *Observer*, 3 January, p. 25.

Bentham, J. ([1787] 1995), *Panopticon; or The Inspection-House*, reprinted in M. Bozovich (ed.), *The Panopticon Writings*, London: Verso, pp. 29–95.

Bernstein, R. (2009), 'Don't Trust Anyone Under 30?', *New York Times*, 14 January.

Beveridge, W. (1942), *Social Insurance and Allied Services*, London: HMSO.

Blinder, A. (2009), 'How Washington Can Create Jobs', *Wall Street Journal*, 17 November, p. 16.

Bloomberg BusinessWeek (2005), 'Embracing Illegals', *Bloomberg BusinessWeek*, 18 July.

Bourdieu, P. (1990), *The Logic of Practice*, Cambridge, UK: Polity Press.

Bourdieu, P. (1998), 'La précarité est aujourd'hui partout' ['Precariousness is Everywhere Nowadays'], in *Contre-feux*, Paris: Raisons d'agir, pp. 96–102.

Browne, J. (2010), *Securing a Sustainable Future for Higher Education*, London: The Stationery Offi ce.

Bryceson, D. B. (ed.) (2010), *How Africa Works: Occupational Change, Identity and Morality*, Rugby: Practical Action Publishing.

Bullock, N. (2009), 'Town Halls Find Fresh Angles to Meet Recession', *Financial Times*, 23 December, p. 2.

Carr, N. (2010), *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*, New York: Norton.

Centre for Women in Business (2009), *The Reflexive Generation: Young Professionals' Perspectives on Work, Career and Gender*, London: London Business School.

Chan, W. (2010), 'The Path of the Ant Tribe: A Study of the Education System That Reproduces Social Inequality in China', paper presented at the Seventh East Asia Social Policy Conference, Seoul, 19–21 August.

Chellaney, B. (2010), 'China Now Exports Its Convicts', *Japan Times Online*, 5 July. Available at http://search.japantimes.co.jp/print/eo20100705bc.html [accessed 2 December 2010].

Choe, S.-H. (2009), 'South Korea Fights Slump through Hiring, Not Firing', *International Herald Tribune*, 2 April, pp. 1, 4.

Coase, R. H. (1937), 'The Nature of the Firm', *Economica*, 4(16): 386–405.

Cohen, D. (2009), *Three Lectures on Post-Industrial Society*, Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press.

Cohen, N. (2010), 'Now, More than Ever, the Poor Need a Voice', *Observer*, 7 October, p. 33.

Coleman, D. (2010), 'When Britain Becomes "Majority Minority"', *Prospect*, 17 November.

Collison, M. (1996), 'In Search of the High Life', *British Journal of Criminology*, 36(3): 428–43.

Crawford, M. (2009), *Shop Class as Soulcraft: An Enquiry into the Value of Work*, New York: Penguin.

Dench, G., Gavron, K. and Young, M. (2006), *The New East End: Kinship, Race and Conflict*, London: Profile Books.

De Waal, F. (2005), *Our Inner Ape*, London: Granta Books.

Dinmore, G. (2010a), 'Tuscan Town Turns Against Chinese Immigrants', *Financial Times*, 9 February, p. 2.

Dinmore, G. (2010b), 'Chinese Gangs Exploit Niche Left by Mafia', *Financial Times*, 29 June, p. 5.

Doerr, N. (2006), 'Towards a European Public Sphere "from Below"? The Case of Multilingualism within the European Social Forums', in C. Barker and M. Tyldesley (eds), *Conference Papers of the Eleventh International Conference on 'Alternative Futures and Popular Protest', vol. II*, Manchester: Manchester Metropolitan University.

Dvorak, P. and Thurm, S. (2009), 'Slump Prods US Firms to Seek a New Compact with Workers', *Wall Street Journal*, 20 October, pp. 14–15.

The Economist (2007), 'Changing How Japan Works', *The Economist*, 29 September, p. 70.

The Economist (2009), 'Public Sector Unions: Welcome to the Real World', *The Economist*, 12 December, p. 46.

The Economist (2010a), 'Too Many Chiefs', *The Economist*, 26 June, p. 72.

The Economist (2010b), 'Dues and Don'ts', *The Economist*, 14 August, p. 62.

The Economist (2010c), 'The Biology of Business: Homo Administrans', *The Economist*, 23 September.

Ehrenreich, B. (2009), *Smile or Die: How Positive Thinking Fooled America and the World*, London: Granta.

Ehrenreich, B. and Fletcher, B. (2009), 'Reimagining Socialism', *The Nation*, 23 March.

Elger, T. and Smith, C. (2006), 'Theorizing the Role of the International Subsidiary: Transplants, Hybrids and Branch Plants Revisited', in A. Ferner, J. Quintanilla and C. Sõnchez-Runde (eds), *Multinationals, Institutions and the Construction of Transnational Practices: Convergence and Diversity in the Global Economy*, Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 53–85.

Environmental Justice Foundation (2009), *No Place Like Home: Where Next for Cli-*

mate Refugees? London: Environmental Justice Foundation.

Equality and Human Rights Commission (2010), *Inquiry into the Meat and Poultry Processing Sectors: Report of the Findings and Recommendations*, London: EHRC.

Esping-Andersen, G. (1990), *The Three Worlds of Welfare State Capitalism*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Evans, G. W. and Schamberg, M. A. (2009), 'Childhood Poverty, Chronic Stress, and Adult Working Memory', *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 106(16): 6545–9.

Fackler, M. (2009), 'Crisis-Hit South Koreans Living Secret Lives with Blue-Collar Jobs', *International Herald Tribune*, 8 July, p. 1.

Fackler, M. (2010), 'New Dissent in Japan Is Loudly Anti-Foreign', *New York Times*, 29 August, p. A6.

Fauroux, R. (2005), *La lutte contre les discriminations ethniques dans le domaine de l'emploi [Combating Ethnic Discrimination in Employment]*, Paris: HALDE.

Federal Communications Commission (2010), *National Broadband Plan: Connecting America*, Washington, DC: Federal Communications Commission.

Fifield, A. (2010), 'Tea Party Brews Trouble for Both Sides as Protest Recoils on Right', *Financial Times*, 28 January, p. 5.

Financial Times (2010a), 'Britain's Growing Inequality Problem', *Financial Times*, 28 January, p. 14.

Financial Times (2010b), 'Osborne Preaches One Nation Austerity', *Financial Times*, 5 October, p. 16.

Fiszbein, A. and Schady, N. (2009), *Conditional Cash Transfers: Reducing Present and Future Poverty*, Washington, DC: World Bank.

Florida, R. (2003), *The Rise of the Creative Class, and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*, London: Basic Books.

Florida, R. (2010), 'America Needs to Make Its Bad Jobs Better', *Financial Times*, 6 July, p. 11.

Forrest, R. and Kearns, A. (2001), 'Social Cohesion, Social Capital and the Neighbourhood', *Urban Studies*, 38(12): 2125–43.

Foucault, M. (1977), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, London: Penguin.

Freeman, R. (2005), 'What Really Ails Europe (and America): The Doubling of the Global Workforce', *The Globalist*, 3 June. Available at http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=4542 [accessed 6 December 2010].

Friedman, M. (1982), *Capitalism and Freedom*, Chicago, IL: University of Chicago Press.

Friedman, M. and Kuznets, S. (1945), *Income from Independent Professional Practice*, New York: National Bureau of Economic Research.

Frohlich, N. and Oppenheimer, J.A. (1992), *Choosing Justice: An Experimental Approach to Ethical Theory*, Berkeley, CA, and Los Angeles, CA: University of California Press.

Gibney, M. J. (2009), *Precarious Residents: Migration Control, Membership and the Rights of Non-Citizens*, New York: Human Development Reports Research Paper 2009/10, United Nations Development Programme.

Giridharadas, A. (2009), 'Putting the Students in Control', *International Herald Tribune*, 7–8 November, p. 2.

Goldthorpe, J. H. (2007), *On Sociology*, second edition, Stanford: Stanford University Press.

Goldthorpe, J. H. (2009), 'Analysing Social Inequality: A Critique of Two Recent Contributions from Economics and Epidemiology', *European Sociological Review*, 22 October. Available at http://esr.oxfordjournals.org/content/early/2009/10/22/esr.jcp046.abstract [accessed 2 December 2010].

Goos, M. and Manning, A. (2007), 'Lousy and Lovely Jobs: The Rising Polarisation of Work in Britain', *Review of Economics and Statistics*, 89(1): 118–33.

Gorz, A. (1982), *Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism*, London: Pluto Press. [Original published as *Adieux au proletariat*, Paris: Galilée, 1980.]

Green, H. (2010), *The Company Town: The Industrial Edens and Satanic Mills That Shaped the American Economy*, New York: Basic Books.

Grene, S. (2009), 'Pension Investors Fail to Get the Message', *FT Report – Fund Management*, 27 July, p. 3.

Grimm, S. and Ronneberger, K. (2007), *An Invisible History of Work: Interview with Sergio Bologna*. Available at http://www.springerin.at/dyn/heft_text.php?textid=1904&lang=en [accessed 2 December 2010].

Haidt, J. (2006), *The Happiness Hypothesis*, London: Arrow Books.

Hankinson, A. (2010), 'How Graduates Are Picking Up the Tab for Their Parents' Lives', *The Observer*, 31 January.

Hansard Society (2010), *Audit of Political Engagement 7: The 2010 Report*, London: Hansard Society.

Hardt, M. and Negri, A. (2000), *Empire*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Harris, P. (2010), 'Can Geoffrey Canada Rescue America's Ailing Schools? Barack Obama Hopes So', *The Observer*, 10 October.

Hauser, M. D. (2006), *Moral Minds: How Nature Designed Our Universal Sense of Right and Wrong*, New York: Harper Collins.

Hewlett, S. A., Jackson, M., Sherbin, L., Shiller, P., Sosnovich, E. and Sumberg, K. (2009), *Bookend Generations: Leveraging Talent and Finding Common Ground*, New York: Center for Work-Life Policy.

Hinojosa-Ojeda, R. (2010), *Raising the Floor for American Workers: The Economic Benefits of Comprehensive Immigration Reform*, Washington, DC: Center for American Progress, Immigration Policy Center.

Hinsliff, G. (2009), 'Home Office to Unveil Points System for Immigrants Seeking British Citizenship', *Observer*, 2 August, p. 4.

Hobsbawm, E. J. (1959), *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*, Manchester: Manchester University Press.

House, F. (2009), *The Business of Migration: Migrant Worker Rights in a Time of Financial Crisis*, London: Institute for Human Rights and Business.

Howker, E. and Malik, S. (2010), *Jilted Generation: How Britain Has Bankrupted Its Youth*, London: Icon Books.

Human Rights Watch (2010), *From the Tiger to the Crocodile: Abuse of Migrant*

Workers in Thailand, New York: Human Rights Watch.

Internal Displacement Monitoring Centre (2010), Available at http://www.internal-displacement.org [accessed 2 December 2010].

Izzo, P. (2010), 'Economists Believe Many Jobs Won't Return', *Wall Street Journal Europe*, 12–14 February, p. 7.

Johal, A. (2010), 'Precarious Labour: Interview with San Precario Connection Organizer Alessandro Delfanti', 11 September. Available at http://www.rabble.ca/blogs/bloggers/amjohal/2010/09/precarious-labour-interview-san-precarioconnection-organizer-alessan [accessed 3 December 2010].

Kellaway, L. (2009), 'Why My Friend's Job Delivers without Paying a Packet', *Financial Times*, 13 July, p. 10.

Kerbo, H. R. (2003), *Social Stratification and Inequality, fifth edition*, New York: McGraw Hill.

Kingston, J. (2010), *Contemporary Japan: History, Politics and Social Change since the 1980s*, Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.

Knox, M. (2010), 'Union Takes on Labor Over "Cheap" Foreign Workers', *Sydney Morning Herald*, 12 February, p. 1.

Kohn, M. (2008), *Trust: Self-Interest and the Common Good*, Oxford: Oxford University Press.

Kosugi, R. (2008), *Escape from Work: Freelancing Youth and the Challenge to Corporate Japan*, Melbourne: Trans Pacific Press.

MacDonald, R. and Shildrick, T. (2007), 'Street-Corner Society: Leisure Careers, Youth (Sub)Culture and Social Exclusion', *Leisure Studies*, 26(3): 339–55.

Maher, K. (2008), 'More in US Are Working Part-Time Out of Necessity', *Wall Street Journal Europe*, 10 March, p. 10.

Mallet, V. (2009), 'Soup Kitchen Queues Lengthen as Families Ignore Plight of Jobless', *Financial Times*, 14 May, p. 4.

Maltby, L. (2009), *Can They Do That? Retaking Our Fundamental Rights in the Workplace*, New York: Portfolio.

Marcuse, H. (1964), *One Dimensional Man: The Ideology of Industrial Society*, London: Sphere Books.

Martin, P. (2009), *Sex, Drugs and Chocolate: The Science of Pleasure*, London: Fourth Estate.

Mayhew, L. (2009), *Increasing Longevity and the Economic Value of Healthy Ageing and Working Longer*, London: Cass Business School, City University.

McGovern, P., Hill, S. and Mills, C. (2008), *Market, Class, and Employment*, Oxford: Oxford University Press.

Mead, L. (1986), *Beyond Entitlement: The Social Obligations of Citizenship*, New York: Free Press.

Mitchell, T. (2010), 'Honda Presses Staff not to Strike', *Financial Times*, 31 May, p. 1.

Morrison, C. (2010), 'The Relationship between Excessive Internet Use and Depression: A Questionnaire-Based Study of 1,319 Young People and Adults', *Psychopathology*, 43(2): 121–6.

Mouer, R. and Kawanishi, H. (2005), *A Sociology of Work in Japan*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Nairn, G. (2009), 'Telework Cuts Office Costs', *FT Report - Digital Business*, 12 March, p. 4.

National Equality Panel (2010), *An Anatomy of Economic Inequality in the UK: Report of the National Equality Panel*, London: Centre for Analysis of Social Exclusion and the Government Equalities Office.

Needleman, S. (2009), 'Starting Fresh with an Unpaid Internship', *Wall Street Journal*, 16 July, p. D1.

Nink, M. (2009), 'It's Always about the Boss', *Gallup Management Journal*, 25 November.

Obinger, J. (2009), 'Working on the Margins: Japan's Precariat and Working Poor', *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*, 25 February.

OECD (2010a), *International Migration Outlook 2010*, Paris: OECD.

OECD (2010b), *A Profile of Immigrant Populations in the 21st Century: Data from OECD Countries*, Paris: OECD.

Paine, T. ([1795] 2005), *Common Sense and Other Writings*, New York: Barnes & Noble, pp. 321–45.

Parliamentary and Health Service Ombudsman (2010), *Fast and Fair? A Report by the Parliamentary Ombudsman on the UK Border Agency* (fourth report), London: The Stationery Office.

Peel, Q. (2010), 'German Popular Perception Fuels Furious Debate on Immigration', *Financial Times*, 2 September, p. 4.

Pigou, A. C. ([1952] 2002), *The Economics of Welfare*, New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Polanyi, K. ([1944] 2001), *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston, MA: Beacon Press.

Reeves, R. (2010), 'Why Money Doesn't Buy Happiness', *Observer Magazine*, 25 April, p. 48.

Reeves, R. and Collins, P. (2009), *The Liberal Republic*, London: Demos.

Reidy, G. (2010), 'Young, Single and Labouring Round the Clock', *NYT Business*, 7 September, p. 13.

Richtel, M. (2010), 'Hooked on Gadgets, and Paying a Mental Price', *New York Times*, 7 June, p. 1.

Rigby, R. (2010), 'The Careerist: What You Know Has a Shorter and Shorter Lifespan', *Financial Times*, 22 February, p. 12.

Royle, T. and Ortiz, L. (2009), 'Dominance Effects from Local Competitors: Setting Institutional Parameters for Employment Relations in Multinational Subsidiaries: A Case from the Spanish Supermarket Sector', *British Journal of Industrial Relations*, 47(4): 653–75.

Saltmarsh, M. (2010), 'Far from Home and Miserable in Sweden', *International Herald Tribune*, 8 September, p. 3.

Sawhill, I. and Haskins, R. (2009), *Creating an Opportunity Society*, Washington, DC: Brookings Institution.

Schachar, A. (2009), *The Birthright Lottery*. Harvard, MA: Harvard University Press.

Sen, A. (1999), *Development as Freedom*, Oxford: Oxford University Press.

Sennett, R. (1998), *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York: Norton.

Shildrick, T., MacDonald, R., Webster, C. and Garthwaite, K. (2010), *The Low-Pay, No-Pay Cycle: Understanding Recurrent Poverty*, York: Joseph Rowntree Foundation.

Si, L. (2009), *The Ant Tribe: An Account of the Agglomerate Settlements of University Graduates*, Guilin: Guangxi Normal University Press.

Simonian, H. (2010), 'Adecco Rejects Slowdown Fears', *Financial Times*, 12 August, p. 11.

Sklair, L. (2002), *Globalization: Capitalism and Its Alternatives*, Oxford: Oxford University Press.

Soysal, Y. (1994), *The Limits of Citizenship*, Chicago, IL: University of Chicago Press.

Standing, G. (1989), 'Global Feminization through Flexible Labor', *World Development*, 17(7): 1077–95.

Standing, G. (1990), 'The Road to Workfare: Alternative to Welfare or Threat to Occupation?', *International Labour Review*, 129(6): 677–91.

Standing, G. (1999a), 'Global Feminization through Flexible Labor: A Theme Revisited', *World Development*, 27(3): 583–602.

Standing, G. (1999b), *Global Labour Flexibility: Seeking Distributive Justice*, Basingstoke: Macmillan.

Standing, G. (2009), *Work after Globalisation: Building Occupational Citizenship*, Cheltenham, UK, and Northampton, MA: Edward Elgar.

Standing, G. (2010), 'Global Monitor: The International Labour Organization', *New Political Economy*, 15(2): 307–18.

Standing, G. (2011), 'Responding to the Crisis: Economic Stabilisation Grants', *Policy & Politics*, 39(1): 9–25.

Tabuchi, H. (2010), 'Japan Accused of Violating Migrant Workers' Human Rights', *New York Times*, 21 July, p. B1.

Tavan, C. (2005), *Les immigrés en France: une situation qui évolue [Immigrants in France: An Evolving Situation]*, INSEE Premiére, No. 1042, September.

Thaler, R. and Sunstein, C. (2008), *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*, New Haven and London: Yale University Press.

Thompson, E. P. (1967), 'Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism', *Past and Present*, 38(1): 58–97.

Tomkins, R. (2009), 'The Retreat of Reason', *FT Weekend*, 23–24 May, pp. 24–29.

Tulgan, B. (2009), *Not Everyone Gets a Trophy: How to Manage Generation Y*, San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Turque, W. (2010), 'D. C. Students Respond to Cash Awards, Harvard Study Shows', *Washington Post*, 10 April, p. B1.

Uchitelle, L. (2006), *The Disposable American: Layoffs and Their Consequences*. New York: Alfred Knopf.

Ueno, T. (2007), '"Precariat" Workers Are Starting to Fight for a Little Stability', *Japan Times Online*, 21 June.

UKBA (2010), *Points Based System Tier 1: An Operational Assessment*, London: The Stationery Office.

Virtanen, M., Ferrie, J. E., Singh-Manoux, A., Shipley, M. J., Vahtera, J., Marmot, M. G. and Kivimäki, M. (2010), 'Overtime Work and Incident Coronary Heart Disease: The Whitehall II Prospective Cohort Study', *European Heart Journal*, 31: 1737–44.

Wacquant, L. (2008), 'Ordering Insecurity: Social Polarization and the Punitive Upsurge', *Radical Philosophy Review*, 11(1): 9–27.

Weber, M. ([1922] 1968), *Economy and Society*, Berkeley, CA, and Los Angeles, CA: University of California Press.

Wilkinson, R. and Pickett, K. E. (2009), *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*, London: Allen Lane.

Willetts, D. (2010), *The Pinch: How the Baby Boomers Took Their Children's Future – and Why They Should Give It Back*, London: Atlantic.

Willsher, K. (2010), 'Leaked Memo Shows France's Expulsion of Roma Illegal, Say Critics', *Guardian*, 14 September, p. 20.

Wong, E. (2009), 'China Confronts Backlash from Its Mass Exports of Labor', *International Herald Tribune*, 21 December, p. 16.

Working Families (2005), *Time, Health and the Family*, London: Working Families.

Wright, E. O. (ed.) (2006), *Redesigning Distribution: Basic Income and Stakeholder Grants as Cornerstones for an Egalitarian Capitalism*, London: Verso.

Zolberg, A. (1995), 'Review of Y. Soysal, Limits of Citizenship', *Contemporary Sociology*, 24(4): 326–9.

Гай Стэндинг

Прекариат:

новый опасный класс

Издатели:
Александр Иванов
Михаил Котомин
Выпускающий редактор:
Полина Канюкова
Оформление:
Кирилл Благодатских, Анна Наумова
Корректор:
Дарья Балтрушайтис
Компьютерная верстка:
Марина Гришина

Все новости издательства
Ad Marginem на сайте: www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки
книг издательства Ad Marginem
обращайтесь по телефону: (499) 763-35-95
sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»
105082, Москва, Переведеновский пер., д. 18
тел./факс: (499) 763-35-95
info@admarginem.ru

Отпечатано в типографии «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu